

ОГОНЁК

№ 51 ДЕКАБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПО СЛЕДАМ РАССКАЗА ОЛЬГИ

Иван Винниченко. КАРУСЕЛИ, КАРУСЕЛИ

Камерон Дуоду. ОГОРЧЕНИЯ МИСТЕРА КЛОДА ТОДДА

О. Кнорринг. ПЯТЬСОТ МЕТРОВ ОТ ЖИЗНИ


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
№ 51 (1800)
17 ДЕКАБРЯ 1961
39-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. Хрущев среди делегатов V Всемирного конгресса профсоюзов.

Фото С. Раскина.

Солидарность

А. СЕРБИН, Г. ГУРКОВ

Вот что рассказал участник V Всемирного конгресса профсоюзов Висенте Марисчи, секретарь Движения единства и профсоюзной координации Аргентины.

В местечке Лагуна Пайва в провинции Санта Фе почти все взрослые мужчины работают в ремонтных железнодорожных мастерских. Точнее говоря, работали. Сейчас они бастуют. Второй месяц продолжается забастовка аргентинских железнодорожников. Правительство намерено уволить 75 тысяч рабочих железных дорог. Это значит, что 300 тысяч человек в Аргентине останутся без куска хлеба. На стороне железнодорожников — сила рабочей солидарности. На стороне правительства — полицейские силы.

Власти решили, несмотря на забастовку, открыть движение по линии, на которой лежит Лагуна Пайва. Девяносто вооруженных полицейских заняли места в поезде. Вели его тоже полицейские. Но в Лагуна Пайва на железнодорожные пути вышло все население городка — 5 тысяч человек: рабочие и их жены, старики и дети. Полицейские стали пробиваться силой. В воздухе засвистели пули, раздались крики раненых. Девяносто полицейских стреляли в толпу до тех пор, пока у них не кончились патроны. Но они не смогли заставить отступить ни одного человека. И когда опустели подсумки у полицейских, они бросились бежать без оглядки. Вдогонку им летели камни и палки. Забастовщики сожгли поезд. Движение на линии, где лежит Лагуна Пайва, так и не было восстановлено.

Так было выиграно одно из сражений, которые ведет рабочий класс Аргентины.

— Забастовка железнодорожников — это не просто борьба за кусок хлеба, это не просто борьба против хозяина,— говорит Висенте Марисчи.— Это бой, который рабочие Аргентины дают политике подчинения национальных интересов интересам американского империализма. Он заинтересован в том, чтобы тормозить наше экономическое развитие. Солидарность — наше главное оружие. В ноябре в знак поддержки железнодорожников по Аргентине прошла трехдневная всеобщая забастовка. 6 декабря в Буэнос-Айресе состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало 70 тысяч человек. На нем было решено, что рабочие передадут бастующим железнодорожникам часть своей заработной платы. Такие митинги прошли по всей стране.

Далеко Аргентина от Москвы, где проходил Всемирный конгресс профсоюзов. Но для участников форума трудящихся мира понятна и близка та борьба, которую ведут аргентинские железнодорожники. Конгресс выразил солидарность с их борьбой.

Рабочая солидарность. Как могуче звучат эти слова! В дни, когда в Кремлевском Дворце съездов работала всемирная ассамблея людей труда, эту солидарность можно было видеть воочию, чувствовать ее огромную силу. Делегаты Конгресса горячими аплодисментами встретили слова выступившего на заседании Н. С. Хрущева, который сказал: «Рабочий класс настолько вырос, окреп и добился таких побед, что он может определять ход исторического развития в пользу мира, демократии и социализма».

Решения V Всемирного конгресса профсоюзов — это программа действий для дальнейшего сплочения всех прогрессивных сил мирового профсоюзного движения. Солидарность людей труда одержала победу. Впереди новые победы во имя насущных требований рабочего класса, во имя мира на земле.

Фото авторов.



Член советской делегации Мария Рожнева поздравила посланца Танганьики с провозглашением независимости его страны.



Знамя — подарок чехословацких рабочих президиуму Конгресса.



Этот значок будет напоминать о друзьях с Кубы,

В Таджикистане, на реке Вахш, возводится крупнейшая в стране Нурекская гидроэлектростанция. Энергия ее пойдет по городам и селам Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Казахстана. На снимке: строительство подъездной дороги к отводящему каналу Нурекской ГЭС.
Фото А. Гостева.

НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ЗОНА СТАНЕТ КРАЕМ ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ

Нечерноземная зона Российской Федерации — это более 41 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий, это пятая часть всех пашен России. Огромные резервы таят районы Центра, Северо-Запада и Волго-Вятки: они могут давать как минимум полтора миллиарда пудов зерна в год.

Однако до сих пор сельское хозяйство нечерноземной зоны производит гораздо меньше продуктов, чем оно может производить. Как же повысить культуру земледелия в этих районах, как быстрее и лучше выполнить решения XXII съезда КПСС, превратить нечерноземную зону из потребляющей в производящую?

Для того, чтобы обсудить эти важнейшие вопросы, в Москве собрались более одиннадцати тысяч передовиков сельского хозяйства, специалистов, руководителей опытно-показательных хозяйств, ученых, партийных и советских работников. 12 декабря во Дворце спорта открылось совещание работников сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР.

В гости к ним приехали передовики сельского хозяйства Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии.

В работе совещания приняли участие товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев, И. В. Спиридонов, А. Н. Шелепин.

С докладом выступил Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский.



Москва. Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. 12 декабря 1961 года. В президиуме совещания работников сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны Российской Федерации.

Фото А. ГОСТЕВА.



Герман Титов — гость Монголии

Советский космонавт Герман Титов совершает сейчас свой 18-й оборот вокруг света, правда, теперь не в космосе, а на Земле. Он уже был гостем ГДР, Румынии.

11 декабря отважный покоритель космоса прибыл в Монгольскую Народную Республику. Тысячи жителей Улан-Батора, несмотря на тридцатиградусный мороз, собрались, чтобы встретить советского летчика-космонавта.

На снимке: встреча на аэродроме.

Фото Монцамэ (снимок принят по фототелеграфу).

Неделя в Молдавии

С 25 ноября по 2 декабря проходила неделя русской советской литературы в Молдавии. Она вылилась в волнующую демонстрацию двух братских культур — русской и молдавской, в демонстрацию нерушимой дружбы двух братских народов.

Группу русских литераторов возглавлял председатель Правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев. В Молдавию выезжали С. Баруздин, В. Катаев, П. Вершигора, О. Маркова, И. Авраменко, К. Лисовский, С. Орлов, В. Бакалдин, Н. Шундик, М. Алексеев, К. Ковальджи, С. Смирнов, И. Кобзев, И. Котенко, С. Залыгин, А. Решетов и Е. Златова.



На снимке: митинг в молдавском колхозе «Прогресс». С чтением своих стихов выступает поэт Сергей Смирнов.

Фото П. Балан.

Для советско

Закончила работу седьмая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

Верховный Совет единогласно принял Закон о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1962 год, Закон о Государственном бюджете СССР на 1962 год, Законы об утверждении Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвердил Указы Президиума Верховного Совета СССР.

Редакция «Огонька» обратилась к доктору юридических наук Раисе Осиповне ХАЛФИНОЙ с просьбой прокомментировать Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства Союза ССР, принятые сессией.

В Программе КПСС среди многих других важных задач поставлена и задача укрепления социалистического правопорядка и совершенствования правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную деятельность социалистического государства. Принятые 8 декабря Верховным Советом СССР Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства являются выполнением той большой работы по совершенствованию нашего законодательства, которой требует от нас XXII съезд КПСС.

Основы гражданского законодательства касаются важнейших вопросов жизни советского общества. Они регулируют имущественные и связанные с ними личные права граждан, имущественные отношения социалистических организаций. Гражданское законодательство касается основы основ жизни каждого общества — экономических отношений.

В тот период, когда молодое Советское государство переходило к мирному строительству нового социалистического общества, был принят разрабатывавшийся под руководством В. И. Ленина Гражданский кодекс РСФСР. Этот кодекс послужил образцом для гражданских кодексов других союзных республик. Он был принят в 1922 году, и докладывал о нем на сессии ВЦИКа В. И. Ленин.

го гражданина

Этот кодекс сыграл большую роль в развитии социалистической государственности. В годы нэпа, когда допускалась частнокапиталистическая деятельность, он помогал борьбе с злоупотреблениями нэпом, охранял интересы бедноты. Кодекс отражал реальные условия того периода, когда он принимался, а те положения кодекса, которые закрепляли новые социалистические отношения, бережно сохранены и сейчас в Основах гражданского законодательства.

В целом этот кодекс, конечно, устарел, и на XXII съезде КПСС товарищ А. Н. Шелепин справедливо говорил о том, что многие его положения не отражают нашей действительности. К сожалению, обстоятельства, связанные с культом личности Сталина, помешали своевременному обновлению гражданского законодательства.

Основы гражданского законодательства закрепляют то новое, что сложилось в практике коммунистического строительства. Они проникнуты той идеей, которая красной нитью проходит через Программу КПСС,— все во имя человека, все для блага человека. В законе охраняются права и интересы советских граждан во всей их полноте и многообразии. Так, например, в закон включена статья, которая охраняет честь и достоинство гражданина,— дает ему право требовать опровержения сведений, порочащих его честь и достоинство. В Основах закреплена охрана права личной собственности, авторских, изобретательских прав, права на открытия, жилищных и других прав граждан, наиболее важных и ощутимых для широких масс трудящихся.

Для того, чтобы лучше удовлетворялись материальные и духовные потребности граждан, чтобы повышалось их благосостояние, необходимо, чтобы лучше работали социалистические организации и предприятия. Основы гражданского законодательства регулируют имущественные отношения социалистических организаций. Они призваны способствовать лучшей работе предприятий, усилению их материальной заинтересованности в выполнении и перевыполнении планов, укреплению хозяйственного расчета, плановой и договорной дисциплины, улучшению качества продукции, лучшему обслуживанию граждан.

В соответствии с Основами гражданского законодательства должны быть разработаны гражданские кодексы союзных республик, в которых общие правила будут развиты и конкретизированы применительно к условиям каждой союзной республики, в которых права граждан будут определены во всех деталях и подробностях.

У ЛИДЫ МНОГО ДРУЗЕЙ

Случилось несчастье... Об этом сообщило местное радио, прервав московскую передачу. На Курском заводе передвижных агрегатов восемнадцатилетняя работница Лидия Булатникова получила тяжелый ожог. Спасти жизнь девушки могла только кровь людей, перенесших ожоги. Первыми в больницу пришли подруги Лиды по работе. Вскоре, услышав сообщение по радио, на станцию переливания крови явилось более сорока человек.



На снимке: Хирург З. А. Полякова, контролер ОТК завода передвижных агрегатов Валя Солянина — она первой отдала свою кровь — и санитарка Тамара Федоровна Шуклина у постели Лиды Булатниковой.

Фото О. Сизова.

НАГРАДА—КУБОК «ОГОНЬКА»

Каждый год юные легкоатлеты Москвы разыгрывают кубок журнала «Огонек». В минувшее воскресенье борьба за почетный приз развернулась в манеже Московского государственного университета. 360 молодых спортсменов — представители девяти школ, где лучше всего развита легкая атлетика, соревновались в беге, прыжках и метаниях. Первое место заняла команда 387-й школы Куйбышевского района, уже дважды завоевывавшая кубок журнала «Огонек».

Фото А. Бочинина.

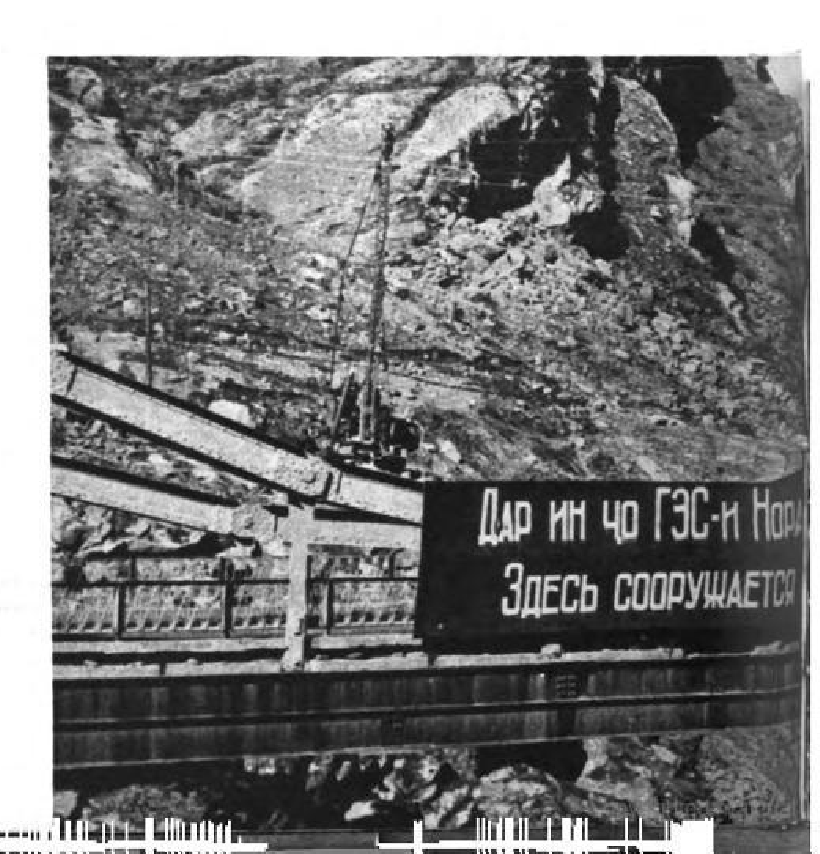


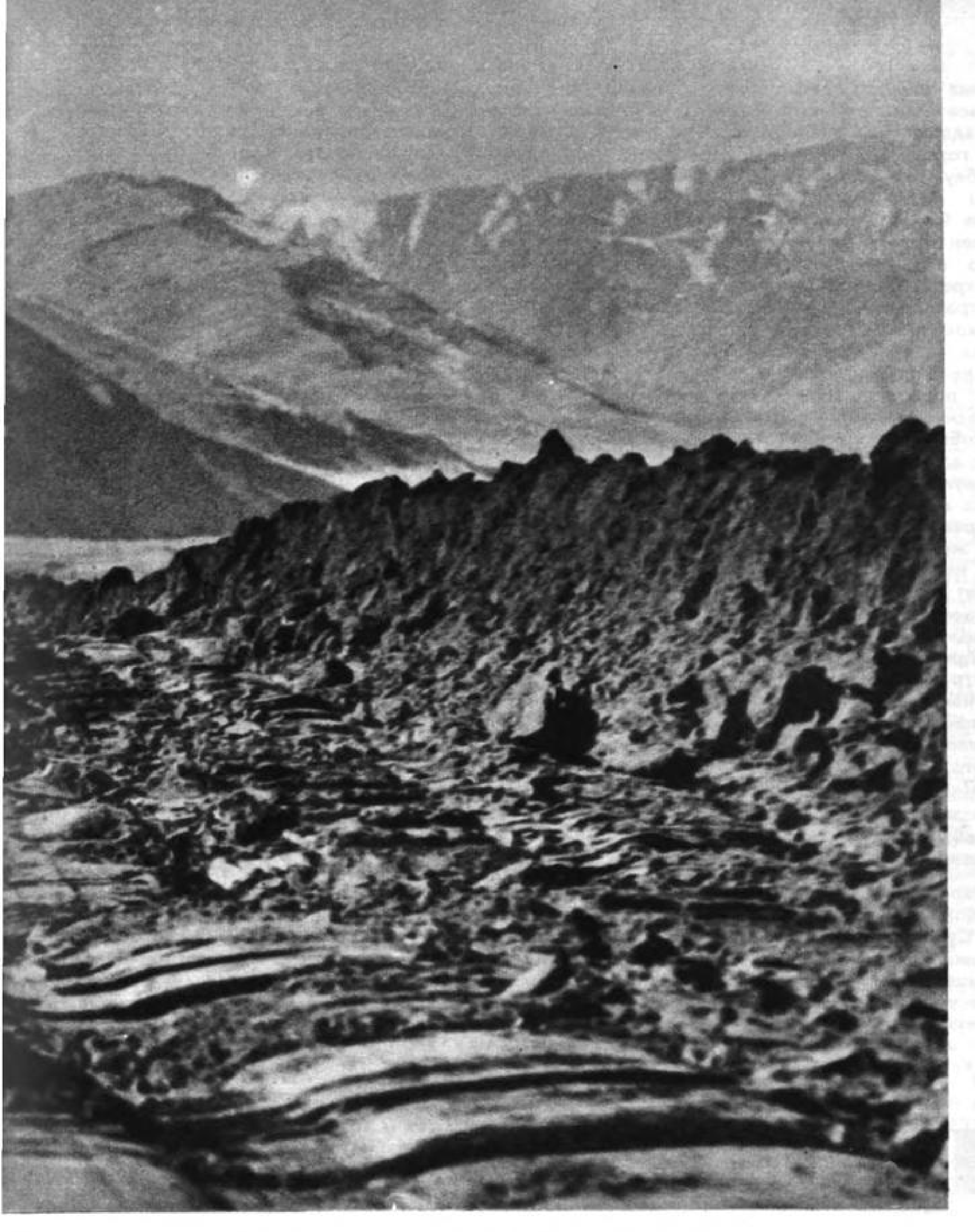
Новая стройка уже получает новейшую технику. Под стать будущему великану на Вахше дизель-электротрактор «ДЭТ-250». Сотни людей заменяет он

ОГОНЕК В ГОРАХ

Над входом в штольню развевается красный флаг, предупреждая: «Внимание! Идут взрывные работы». А случайный прохожий может подумать: «Наверно, передовой участок». Что ж, и он тоже не ошибется. Здесь действительно передовой участок стройки. Два туннеля по 1 800 метров должны быть прорублены в гранитной горе как можно скорее. Вот почему горный инженер Виктор Босый и проходчик Калук Мирзоев озабочены тем, чтобы не потерять ни одного часа драгоценного времени.







ежедневно на строительстве полигона железобетонных конструкций.



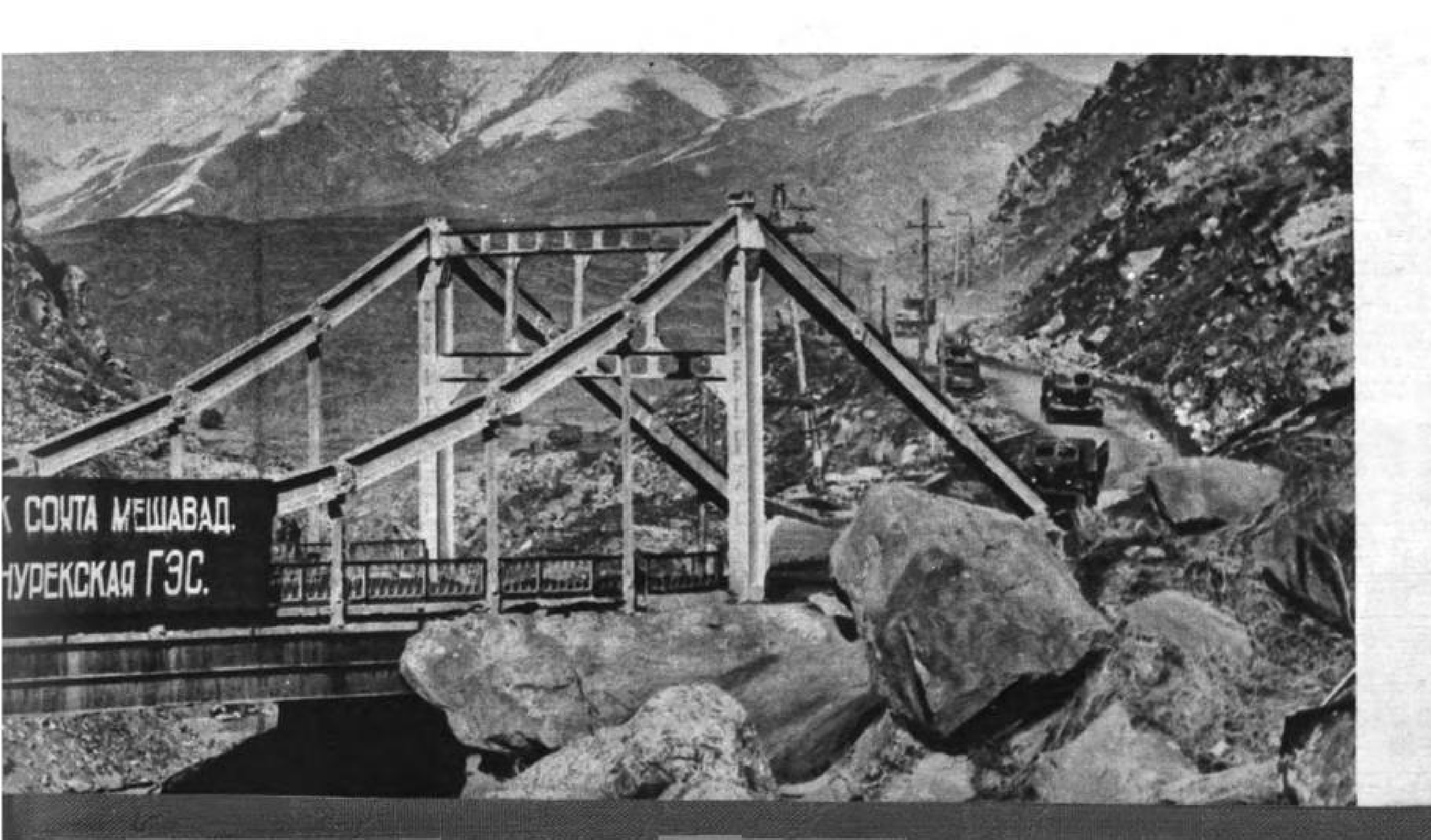
Крановщица Надежда Ефремова строит жилье. Для тех, кто еще живет во времянках. Для тех, кто еще укладывает чемоданы где-нибудь на Урале, откуда приехала Надя, кто собирается на подмогу сюда, в Таджикистан.

На высокой скале алеет значок с ленинским профилем. Это значит: рядом стройка. Всесоюзная комсомольская. Здесь, в горах Таджикистана, будет Нурекская ГЭС. О ней много говорилось на XXII съезде партии. Новый электрический гигант даст свет и тепло пяти республикам: Таджикистану, Узбекистану, Киргизии, Туркмении и Казахстану. С помощью его энергии будет освоено три миллиона гектаров новых земель в Каршинской степи, Вахшской и Ферганской долинах. Мощные насосы поднимут воды Вахша высоко в горы. Горные пустыни превратятся в очаги изобилия.

«Нурек» в переводе с таджикского — «огонек». Жидкие огоньки старинного кишлака указывали путнику, спускавшемуся с гор, дорогу. Сегодня огни Нурека освещают перспективы развития огромного края. Народное хозяйство Средней Азии с пуском Нурекской ГЭС получит в руки мощный рычаг подъема производительных сил. Электрохимия, электрометаллургия, электротранспорт, электробурение — вот неполный перечень того нового, что внесет в экономику Нурек.

В. КРУПИН

Фото А. ГОСТЕВА.



В Институте водных проблем и гидротехники Академии наук Узбекистана создана модель нижнего бьефа гидроузла. Испытания и расчеты, которые здесь ведутся, покажут, какие поправки нужно внести в рабочий проект.



Леонид СТЕПАНОВ

Репортаж специального корреспондента «Огонька» из Западного Берлина.

Фото Б. ГУРНОВА.

ВЕТРЫ ШТУРМУЮТ

Улыбки и танки

Берлин штурмуют сильные, внезапные порывы теплого ветра. Они то атакуют прохожих со стороны домов-великанов на Карл-Маркс-аллее, то вырываются откуда-то из-за черных руин на зональной границе. Прохожие придерживают руками шляпы, подшучивают друг над другом, смеются: в декабре ветер принес откуда-то чуть ощутимый возбуждающий аромат весны. Но веселые забавы молодого буйного ветра не всем по вкусу. У одного солидного господина порывом ветра сорвало шляпу, она быстро покатилась прямо к пограничному шлагбауму. Еще немного — и шляпа попала бы в демократический сектор. Положение спас бравый западногерманский полицейский, который ловко, как охотничий пес, поймал ее на лету, чем и предотвратил пограничный инцидент.

...Изучив мою краснокожую паспортину, полицейский офицер четко берет под козырек. Молодые солдаты за его спиной смущенно улыбаются. Улыбаюсь и я. Во-первых, потому, что мой паспорт имеет такую неоспоримую законную силу в Западном Берлине, во-вторых, потому, что мне приятно видеть перед собой улицу, с которой за четыре месяца как ветром сдуло валютчиков, аферистов, воров, проституток и прочее и прочее. Исчезли меняльные лавочки, закрылись небольшие контрабандистские магазины, отползли куда-то подальше от границы всякого рода подрыватели и отравители.

Однако и на пограничных улицах Западного Берлина все еще не так тихо и чисто, как надлежало бы быть в порядочном городе.

В 40 метрах от шлагбаума в синих отблесках рекламы стоит тяжелый американский танк. Ствол большого орудия направлен прямо в сердце каждому, кто появляется со стороны демократического Берлина. На бронетранспортере по соседству в низком железном креслице сидит за своей зловещей машиной верзила-пулеметчик. Если офицер подаст команду, его руки автоматически лягут на спусковые скобы — и навстречу теплому ветру засвистят раскаленные черные пули.

Но пока все тихо. Только взвизгивает на всю улицу крашеная блондинка, которую тут же, так сказать, под сенью танка, тискают солдаты. Донжуаны любят наряжаться в необычное, но такой наряд я увидел впервые: по всему телу, от ляжек до горла, привязаны боеприпасы: патроны, гранаты, дымовые шашки, ножи, какие-то банки. Как же бедной блондинке не визжать, когда ее прижали щекой к подвязанной у самого солдатского горла «лимонке»?

«Концепции». Газетные объявления. Твердые убеждения

С книжной обложки на ярко освещенной витрине самодовольно улыбается Вилли Брандт. Судя по слегка пожелтевшей обложке, товар залеживается. «Концепции» изворотливого Вилли явно устарели и совсем не соответствуют реальной обстановке. Лучше всего об этом свидетельствуют скупые газетные объявления.

Брандт уверяет, что экономика Западного Берлина на подъеме. По объявлениям в газетах виден спад деловой активности предпринимателей. Служители наживы воздерживаются от новых капиталовложений в Западном Берлине. Некоторые переводят свое дело в ФРГ. Даже концерн «Сименс» готовится перевести часть своих производственных мощностей в ФРГ, даже крупнейшее газетное издательство «Шпрингер» намерено уступить свое высоченное недостроенное здание у границы кому-нибудь другому. Но желающих пока не находится. Со страшным треском лопнул филиал банка Тиссена, потеряв акционерный капитал в 40 миллионов марок. Десятки объявлений в газетах о распродаже домов, земельных участков, магазинов...

Господин Брандт все еще уверяет, что в Западном Берлине установлены самые демократические порядки. А каковы факты?

После установления строгой границы между столицей ГДР и оккупированной частью Берлина, когда сразу резко сократилась возможность для подрывной деятельности, направленной против демократической Германии, по указке Брандта, Леммера и им подобных начались массовые увольнения передовых рабочих и служащих, началась травля прогрессивной интеллигенции, были организованы самые настоящие черносотенные погромы.

С большим трудом разыскал я в Западном Берлине квартиру известного рентгенолога Ульриха Вальнера. С тех пор как наемные хулиганы несколько раз подряд разбивали доску с его именем на наружной двери дома, каждый вечер он снимает ее и до утра оставляет в квартире. Фашиствующие молодчики превратили в груду железного лома его автомашину. На столе профессора стоит стеклянная ваза, полная писем с угрозами, проклятиями и оскорблениями. Несколько раз в день его запугивают и оскорбляют по телефону. Заботами западноберлинских властей Ульрих Вальнер потерял пациентов и учеников, впервые в жизни он испытывает материальные лишения. И все это только потому, что он имел смелость публично заявить о необходимости покончить с оккупацией и дать Западному Берлину права демилитаризованного вольного города.

Но характерно не то, что реакция, забыв в ярости, что Западный Берлин предназначен быть «витриной западной демократии», еще раз показала свое подлинное, клыкастое рыло. Характерно другое: ее тяжелые удары и подлые репрессии уже не приводят к прежним результатам, не парализуют общественное мнение.

— Несмотря ни на что, я остаюсь при своем убеждении. Если потребуется, я еще и еще раз выступлю публично,— так говорит доктор Вальнер, пожилой больной человек, не принадлежащий ни к какой политической партии.

Впрочем, последнее, вероятно, не совсем точно. У доктора Вальнера есть другая стеклянная ваза. В ней письма тех, кто одобряет его точку зрения и мужественное поведение. Таких писем становится все больше. Это неоформленное сообщество честно мыслящих людей. К этим людям, вероятно, можно отнести и известного певца, которому западноберлинские власти не дали работать в столице ГДР; и одного из директоров концерна «Сименс», не побоявшегося заявить рабочим, что Западный Берлин в конце концов может стать только вольным городом; и того шофера такси, который попросту сказал мне: «Говорю вам как бывший солдат. Хватит! Ни из-за Аденауэра, ни из-за Кеннеди я не полезу голышом в крапиву».

Кто, куда и почему бежит!

Несмотря на свертывание строительных работ и понижение предпринимательской деятельности, в Западном Берлине становится все более ощутимой нехватка квалифицированных рабочих рук. И дело, конечно, не только в том, что 70 тысяч так называемых «гренцгенгеров» работают теперь по месту жительства в демократическом Берлине. Вторая реальная причина — переселение десятков тысяч квалифицированных рабочих, недовольных нынешним неопределенным положением Западного Берлина. Большая часть направляется в ФРГ. Но многие решаются перейти в демократическую Германию.

Часто эти люди, пожелавшие стать гражданами первого рабоче-крестьянского немецкого государства, объясняют свое решение соображениями семейного или служебного порядка, самыми непосредственными житейскими расчетами. Однако все частные



Ему нужны оккупанты. Западногерманский министр по общегерманским вопросам Леммер благодарит американского солдата.



На секторальной границе. Увешаны боеприпасами по горло...

БЕРЛИН

случаи, взятые вместе, дают довольно убедительную политическую картину: уходят от растущей дороговизны, от службы в вермахте, потому что тяжело дышать в обстановке, слишком напоминающей трагическое и позорное прошлое.

— Я пришла сюда из Западного Берлина просто потому, что в ГДР живет мой муж,— говорит Маргот Матучевски.— Дочь очень любит отца. Мы не можем жить раздельно.

— Но ведь ваш муж тоже мог перейти к вам?

— Мы взвесили и решили, что в ГДР нам будет лучше. В Западном Берлине красивые витрины, много элегантных машин, но то, что нужно простому человеку, в Восточном Берлине много доступнее: хлеб, картофель, мясо и квартира стоят дешевле. Кроме того, муж считает, что для нашего ребенка, для его будущего, здесь надежнее, более широкие возможности.

А вот что пишет в своем письме кондитер Иоханнес Годенхардт, проживавший еще недавно в Западном Берлине:

«Отдам остаток жизни, все свои физические и духовные силы за единственно справедливую систему — социализм...»

Все значение приведенных фактов можно понять, только зная чрезвычайную обстановку Западного Берлина. Вряд ли есть в мире другой такой город, в который отдано так много средств, чтобы доказать преимущество капиталистического строя. Миллиарды долларов, а потом миллиарды боннских марок были превращены в разливанное море световой рекламы, в изящные полудемпинговые товары, в горы растлевающей разум и совесть «литературы», в подрывные радиостанции, в жирные гонорары подстрекателям, предателям, дезертирам и провокаторам.

И все-таки сооружение «витрин свободного мира» в конечном счете оказывается нерентабельным. Теперь становится абсолютно ясным, что от истории никакими деньгами откупиться невозможно. Это теперь начинают понимать и те самые политические деятели, которые превращали Западный Берлин в плацдарм агрессии. Они еще продолжают по инерции просить для этого денег у американских и боннских благодетелей, они продолжают устраивать провокации на секторальной границе, продолжают подрывную работу против ГДР. Но уже и сам Вилли Брандт подготавливает себе местечко в руководстве западногерманской СДПГ. Изворотливая политическая крыса знает, что в трюме началась течь. Напакостила она достаточно, и теперь главное — спасти свою шкуру.

Теплые порывистые ветры штурмуют Берлин. Под их напором сокрушаются темные руины, оставленные войной. И радуется этим буйным ветрам все новое, крепкое, смелое.

МОИ ПОКАЗАНИЯ

Из короткого сообщения газет я узнал, что после пятнадцати лет спокойной жизни в Западной Германии арестован бывший обершарфюрер СС Отто Хаупт. Он обвиняется в том, что, будучи помощником врача СС гауптштурмфюрера Хайделя, умертвил в концлагере Штутгоф сотни людей.

Прочитав заметку, я вспомнил фашистский концлагерь Штутгоф. Как и другие концлагеря, он был тщательно продуманной машиной смерти, где все пускалось в ход, чтобы убить надежду выжить, сломить внутреннее сопротивление и, наконец, физически уничтожить людей. Я пробыл почти два года в концлагере Штутгоф. Это было давно, в 1943—1945 годах, но пережитое никогда не забудется. Я хорошо помню и Хаупта и Хайделя, я их видел почти каждый день. Я могу подробно рассказать об их «деятельности», если будет «трудно» найти улики против бывшего обершарфюрера. Мои слова могут подтвердить врачи поляки, французы, литовцы и другие, которые в те годы были со мной в Штутгофе.

Через концлагерь прошло более ста двадцати тысяч людей. Из них очень мало осталось в живых. Мой концлагерный номер был 23506. Может быть, Хаупт вспомнит меня, если я добавлю, что я был врачом, работал в самом грязном и заброшенном бараке — в «шайс»-бараке и носил в лагере имя Гертнер.

Впервые я увидел Хаупта в июле 1943 года, когда после тюремного заключения и бесконечных допросов был привезен в Штутгоф.

За рядами колючей проволоки прямо передо мной дымила высокая труба крематория. У длинного зеленого барака сидели измученные, ободранные заключенные. Рядами лежали на песке голые люди с фиолетовыми номерами, жирно написанными на костлявой груди или впалом животе. Как я потом узнал, это были отобранные Хауптом «кандидаты», то есть кандидаты в крематорий.

С пробритой полосой посередине головы, в полосатом арестантском костюме, украшенном мишенями за побег, я стоял и ждал решения моей судьбы.

Полный, тяжелый обершарфюрер Хаупт стоял передо мной, широко расставив ноги, и, скривив в гримасу мясистое лицо с хитрыми глазками, ковырял спичкой в зубах. Наконец он громко рыгнул, выплюнул спичку и указательным пальцем волосатой руки ткнул меня в лоб.

— Ты номер. Номер 23506,— сказал он.— И сдохнешь здесь. Когда тебе скажут. Ни раньше, ни позже. Должен быть порядок!

Хаупт, конечно, не помнит, как я прибыл в концлагерь. Каждый день прибывало много людей. Но, может быть, он вспомнит, как он избивал меня в душевой, когда по наивности я заикнулся о международном Красном Кресте, о моем праве военнопленного сообщить родителям, что я жив? Впрочем, вряд ли он это помнит. Ведь почти каждый день он избивал заключенных, почти каждый день приканчивал больных.

Но я не могу поверить, что обершарфюрер Хаупт забыл пустую палату — третья дверь направо по коридору, куда по его приказу бандит-уголовник — «капо» санчасти — загонял ранее отобранных голых «кандидатов в крематорий». Пусть расскажет бывший обершарфюрер, как он убивал десятки и сотни измученных людей. Я лично видел, как приоткрывалась дверь страшной палаты и волосатая рука Хаупта тянулась за следующим шприцем. Видели это и поляки, и немцы, и чехи, и другие заключенные. Было это в 1943 году.

А если нужен точный, документальный факт, я прошу, чтобы спросили у обершарфюрера Хаупта, помнит ли он высокого человека в очках, прибывшего в Штутгоф осенью 1943 года. Хаупт отметил его синим чернильным крестом на лбу, когда узнал от «капо», что этот узник якобы проглотил брильянт. Когда мы, пленные врачи, отказались признать новичка больным, что было нужно Хаупту, чтобы немедленно умертвить его, Хаупт повел человека с крестом на лбу к проволочным заграждениям и пристрелил его «при попытке к бегству». Под угрозой револьвера Хаупт заставил профессора Старкуса из Каунаса и меня вскрыть труп.

— Если попадется брильянт, спустим в канализацию, — шепнул мне Старкус.

Дрожащими руками мы промывали скользкий кишечник. Хаупт с револьвером в руке пристально следил за нами.

Неужели он забыл охватившие его ярость и разочарование, когда брильянт не нашелся?

Хаупт был жаден, безумно жаден до всякого добра. Он тащил из лагеря все, что мог: одежду, хлеб, золотые зубы, любые вещицы, отобранные у заключенных. Все нес к себе домой, в Тигенгоф.

Я провел четыре года в фашистских застенках, был в лагере Гаммерштейн, во многих тюрьмах, в концлагере Штутгоф. И всюду я встречал людей, подобных Хаупту. Чуть больше, чуть меньше, но их всех захлестнул фанатический шовинизм и жадность к наживе. А те немцы, которые отвергали безумие фашизма, были в концлагерях, с нами. Они мучались и погибали, как «враги третьего рейха».

Хаупт, Хайдель, Хоппе, Гиммлер, Гитлер — просто шайка бандитов, опозоривших Германию? Осудить их и забыть прошлое?

Мне было бы легче на душе, если бы я мог поверить, что фашизм был просто случайностью, что не осталось корней, готовых дать новые ядовитые ростки!

Человеку дан разум — чтобы искать, совесть — чтобы взвешивать, язык — чтобы говорить. Пройдя фашистские концлагеря, я не был бы человеком, если бы не думал и не мучался, вспоминая прошлое, если бы не говорил, думая о будущем.

В Западной Германии, в США, во Франции фашизм вновь пускает в ход концлагерные методы, угрожая свободе слова, свободе совести, подавляя страхом человеческое достоинство.

Разве можно молчать?!

Ф. Ф. СУПРУНОВ,
профессор, доктор биологических наук



Встреча с любимым автором

А. ТАРАСОВА,
народная артистка СССР

После постановки «Кремлевских курантов» и «Третьей патетической» Николай Федорович Погодин стал для Художественного театра одним из самых любимых авторов. Но я как актриса встретилась с ним впервые только в «Цветах живых». И меня взволновали пафос драматурга, философская глубина его раздумий.

«Ты уйдешь, а цветы после тебя останутся...» Иначе говоря, сегодняшняя жизнь станет историей; многое забудется, но то прекрасное, что рождается на наших глазах, расцветет великолепным цветом! Рождение бригад коммунистического труда, рождение нового человека, новых отношений — все это выписано в «Цветах живых» по-погодински ярко, зримо; образы героев исполнены правды и силы...

Чем дальше шла работа над пьесой в театре, тем больше режиссер В. Станицын и участники спектакля понимали, что материал пьесы требует глубочайшего проникновения.

В пьесе нет «голубых» ролей, и без ущерба для смысла, для точного и глубокого звучания главной темы нельзя прямолинейно трактовать ни один из ее образов.

Серафима, которую я играю,— отрицательный персонаж; но если только так решать роль, заостряя откровенную расчетливость женщины, ее внутренний цинизм, еле прикрытый фальшивой сердечностью и верой в бога, то Серафима сразу станет каким-то второстепенным, более того, блеклым персонажем. А между тем Серафима многогранна. Она не лишена обаяния. Она проницательна. Она видит человеческие слабости как на ладони. Лаской, хитростью и силой она старается увести людей на дорогу обывательского счастья... Серафима — это символ всего отживающего, всего уходящего. Но она полна сил: уходящее не отмирает само по себе, с ним надо бороться!..

Не мне судить, как сумела я воплотить все эти волнующие меня мысли. Могу только сказать, что для меня и всех нас работа над погодинской пьесой была настоящей творческой радостью.

На снимке: сцена из спектакля «Цветы живые». Николай — П. Чернов, Серафима — А. Тарасова.

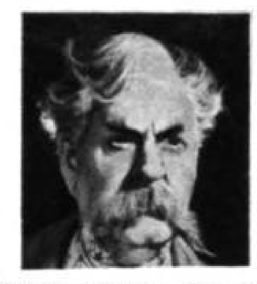
Фото А. Гладштейна.

Непобедимые Антеи

Прознал старый хлебороб Гордей Царь, что был в Древней Греции такой сказочный герой — Антей. И никто не мог одолеть того греческого человека, пока он за землю держался. Ибо в ней, в земле, черпал Антей свои силы.

Так оно и есть, решил Гордей. Потому что на свете все распределено: рыбам — вода, птицам — небо, а человеку — земля. Только оторвись от нее и погибнешь, как погиб Антей, когда Геркулес оторвал его от матери-земли.

Глубоко врос корнями своими в родную почву старый Гордей. И не заметил он, человечище сильный, точно кряж, как из хозяина — властелина земли превратился в ее раба.



Павел Герага играет Гордея Царя в спектакле «Антеи».

Фото В. Петрусовой.

Испокон веку батьки и деды его сеяли зерно на глиняных землях, примыкавших к деревеньке. И хотя урожай неизменно получался бедный, беднее быть не может, Гордей Царь почитал своим долгом поступать так же. Ибо где ж это видано, чтобы земля да без колоса!

А когда решили колхозники, что лучше на той земле сады разводить, взбунтовался Царь: не станет он в таком деле участвовать! Лучше из колхоза выйдет, в город уедет жить, к дочери...

Так колхозный ветеран волей-неволей очутился в стане отсталых...

В этом — драма Гордея, о которой украинский писатель Микола Зарудный поведал в своей новой пьесе «Антеи», поставленной на сцене Театра Моссовета Ю. Завадским. Драма, которую по праву можно назвать оптимистической! Ведь Антей был один, а тут народ — непобедимые Антеи, их не одолеть никому...

А. МОРОВ

Разговор о мужестве

...Идет спектакль «Четвертый». Сегодня он идет в одном из московских клубов, расположенных на окраине столицы. Несколько дней назад шел в Серпухове. До этого — в Химках. А премьера была в Доме культуры города Ступино.

Новую пьесу К. Симонова играет Московский областной драматический театр имени А. Н. Островского.

Это одна из сложнейших пьес в нынешнем репертуаре драматических театров. Форма ее необычна, события разорваны по времени, и их смена определяется неожиданными, а порой и противоречивыми движениями души, стремительным бегом воспоминаний героя. А среди действующих лиц — его друзья и знакомые, которых ныне уже нет в живых...

Главная же сложность — в многообразии вопросов, которые публицистически смело и остро выдвигает для решения писатель. Ответственность человека за все, что происходит в мире,— вот о чем пьеса. В ней и разоблачение бесчеловечности чуждого, заокеанского мира, где жизнью и смертью правит холодный, жестокий расчет, и призыв не посрамить светлую память тех, кто сложил голову за правое дело.

Сумел ли небольшой творческий коллектив, работающий порой в сложнейших условиях, справиться с пьесой, охватить все ее многообразие? Да еще если учесть при этом, что такой большой успех снискали у зрителя спектакли, созданные «Современником» в Москве, театром драмы в Ленинграде!..

Областной театр нашел в пьесе самое драгоценное для себя — разговор о мужестве, о душевной стойкости, о сердце человеческом, всегда верящем в доброе, хорошее, светлое...

С истинной любовью работали над пьесой режиссер Э. Краснянский и художник Н. Сосунов. Они в содружестве со всем творческим коллективом театра создали спектакль, волнующий и серьезный, который заканчивается мажорной нотой жизнеутверждения.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Артисты М. Шаров — Дик, Г. Коваленко — Второй пилот, А. Хлебников — Штурман в спектакле «Четвертый».

Фото Б. Фабисовича.



ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Сергей Баруздин известен как талантливый писатель для детей. Новую его повесть «о деревенском мальчишке, о его радостях и огорчениях и о его первой победе» — повесть «Новые Дворики» прочтут не только ребята школьного возраста, но и люди преклонных лет.

Есть что-то общее между «Новыми Двориками» и «Сережей» Веры Пановой. Написана «маленькая повесть» Баруздина о другом и по-другому, но в ней, как и в «Сереже», речь идет о мальчике, и ведется она с глубоким проникновением в его психологическую «подпочву».

В центре повествования деревенский мальчик Сенька. Автор внимательно следит за диалектикой детской души, следит за тем, как вызревает в мире чувств и сознания этого чудесного малыша протест против старых пережитков в домашнем быту, против стяжательских устремлений его матери. Тактично показывает писатель, как условия советской деревни, столкновение с городской действительностью ускоряют формирование личности Сеньки. В его маленький мир переживаний входит большой мир социалистической жизни, и в малом выражается большое, выражается бурно, сильно.



Всем сердцем чувствует Сенька красоту, благородство нового мира, в котором ему дано жить. Уже сейчас маленький Сенька озабочен тем, чтобы в окружающей его жизни было меньше напоминаний об обветшавшем и ненужном, о безвозвратно канувшем в прошлое. Почему-то чуть ли не со времен наполеоновского нашествия его родную деревню зовут Старые Дворики. И вот маленький гражданин мечтательно говорит отцу:

«— Папк! А если похлопотать, то сменят нам название?..

— Какое название, сынок?..

— Да наше! Старые Дворики. Почему они старые? Новые куда лучше...»

Многое радует читателя в повести Баруздина: и психологическая наблюдательность, и живое чувство действительности, и прелесть пейзажной живописи, и пластика слова.

Ал. ДЫМШИЦ

Сергей Баруздин. Новые Дворики. Москва. Детгиз. 1961. 78 стр.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСТРЕЧИ

В какой-то день — наверно, это бывает ранним утром — человек, пробудившись, чувствует обновление. Своего сердца, взгляда на мир. Чувствует обновление самого мира. Тогда привычное, примелькавшееся вдруг открывается новой гранью. Прошедшие десятилетия наполняются особым смыслом: жизнь далась нелегко, но прожита она честно. Очевидно, словом «зрелость» и называется то состояние человека и поэта, когда есть что сказать и когда умеешь сказать.

Опять мне сердце словно
дарит зренье,
И день светлей становится
вдвойне.

Это из новой книги стихов Василия Кулемина. Ему «не нужна особых слов красивость», если стихи говорят о самом нужном и важном.

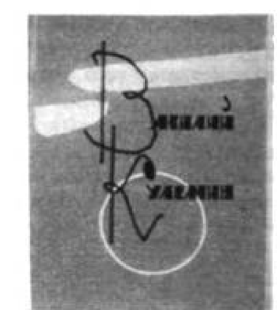
Ровесники Кулемина приняли на свои плечи первый огонь фашистских батарей — и выстояли. Получившие боевое крещение в военные годы, сверстники поэта долго не могли забыть войну, впрочем, не забыли ее и до сих пор. В их нынешних раздумьях о судьбах мира сказался трудный опыт солдат, прошедших через смертельные бои. Отзвуки войны слышны и в последней книге В. Кулемина — в «Севастопольской тетради», составившей целый раздел книги, и в поэмах «Я «Малахит» и «Республика Юность».

Но для воспоминаний всегда мало времени — сегодняшний день требует от поэта новых песен.

Нынче время полета
Мыслей,
чувств
и ракет!

И, пожалуй, самые проникновенные слова Василий Кулемин нашел в разговоре с близкими друзьями, в лирических стихотворениях первого раздела книги — «Свет в душе». Очень простые слова, точно найденная интонация, душевная откровенность — и вы чувствуете сдерживаемое волнение лирического героя, высокую меру его моральных критериев. «У сердца есть свои истоки...», «Я начал замечать...», «Как умирала береза», «Есть что-то особенное...» — это, пожалуй, лучшие стихи сборника, философски насыщенные, свободные в своих ритмах.

Ощущение новизны, неповторимости наших лет наполняет поэму Кулемина «Время полета». Написанная от имени космонавта («Сорок часов до отлета в звездную высь»), поэма эта — волнующий рассказ о человеке, вставшем вровень с великим и радостным веком: «Я теперь никому не завидую, весь открыт для слов, для улыбок и чувств». Увидев марсианские зори, услышав неслыханную тишину и узнав космическую невесомость, герой поэмы признается, что лишь одно он бессилен сделать: «Трудно земли тяготенье сердцу преодолеть». И недаром вспоминается ему родная деревня, «сорок тихих дворов у дороги под Тулой»... Так находит поэт связь времен — прошедших, нынешних и грядущих. Она найдена не только в «Магнитогорской балладе» и не только в первом стихотворении сборника «Посещение квартиры Пушкина». Связь времен — на каждой странице книги, в ощущении предстоящей, самой главной встречи — с людьми, с жизнью: «Здесь все в предчувствии встречи, не свершившейся еще».



Такая встреча потребует от поэта возросшего мастерства, еще более дерзкой мысли, неразрывной слитности с поколением ровесников. Книга «Облака» хорошо подготовила Василия Кулемина к этой встрече.

В. ВОРОНОВ

Василий Кулемин. «Облака». Стихотворения. Поэмы. Изд-во «Молодая гвардия». 1961. 176 стр.

А. Папикян. БАКИНСКИЕ КОМИССАРЫ.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1961 ГОДА

Б. Угаров. ЛЕНИНГРАДЦЫ (В СОРОК ПЕРВОМ).



М. Савченкова. ПОЛДЕНЬ В ЯСЛЯХ.

КАРУСЕЛИ, КАРУСЕЛИ...

Иван ВИННИЧЕНКО

(Из блокнота писателя)

Все началось совсем в другом конце страны, на Кубани. И даже, строго говоря, не на Кубани, а в небольшом городе Ростовской области — Зерновом.

Лет шесть или семь назад — я не знаю точно — научные работники находящегося здесь Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства начали разрабатывать тему «Автоматизированная молочная линия». Время от времени к разработке ее привлекались студенты. Ей же, этой теме будущего, как привыкли говорить в институте, многие из них посвящали свои дипломные проекты.

Разумеется, проекты эти носили сугубо учебный, академический характер и дальше институтского архива не шли. Но это ничуть не смущало научных руководителей: ведь они работали «на будущее»! Да и не так просто было осуществить взлелеянную ими идею на практике: попытка построить и пустить в опытном хозяйстве института автоматизированную доильную установку не увенчалась успехом.

И вот случилось почти невероятное: один из студенческих проектов, посвященный этой же теме «будущего», все же пробился к жизни. Может быть, помните снимок в «Огоньке»? Огромный цилиндрический зал. Стены его огибает кольцевой помост. И на нем, как на карусели, вместо деревянных коней — коровы... Это был снимок автоматизированного доильного конвейера, построенного на Кубани, в станице Киевской, по дипломному проекту выпускника Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства, молодого станичника Ивана Ивановича Тесленко.

Я не стану подробно описывать эту интереснейшую доильную установку индустриального типа: о ней уже достаточно много писали в газетах и журналах. Хочу лишь напомнить, что она дает возможность двум дояркам и одному механику без малейших затрат физического труда выдаивать двести коров в час. И подчеркну, что подобной высокопроизводительной установки до сих пор еще не знала сельскохозяйственная практика.

«Круг смелости» — так назвали ее журналисты. И не без основания. Ну скажите, разве это не смелость — отважиться на строительство столь необычного и, кстати сказать, довольно дорогого сооружения, не имея не только испытанных и «узаконенных» научной образцов, но даже и подробных инженерных расчетов? Ведь дипломный проект Тесленко давал, по сути дела, лишь общую, принципиальную схему! И право же, если для самого Тесленко, молодого и еще не «обкатанного» жизнью инженера, такая безоглядная смелость была в какой-то степени естественной, закономерной, то для председателя колхоза Николая Васильевича Грищенко, например, пожилого прижимистого хозяина, она граничила с настоящим подвигом. Он, правда, не рискнул начать строительство без согласования с «вышестоящими инстанциями». Но тут и в самом деле образовался своеобразный «круг смелости», в который включились и первый секретарь Крымского крайкома партии Дмитрий Захарович Скороходов и нынешний председатель Краснодарского крайисполкома Федор Степанович Коломиец...

«Карусель» рождалась в муках, ценою упорного труда и непрестанных творческих исканий. То, что в проекте казалось таким простым и ясным, оборачивалось на практике десятками сложнейших технических проблем. Тесленко и дневал и ночевал на ферме. В тесной каморке, предназначенной для кладовой, у него стояли койка, стол с чертежной доской, слесарные тиски. Он проектировал на ходу, изобретал, конструировал. Он же и руководил стройкой.

Строили, как говорится, всем миром. Колхозные каменщики и плотники соорудили здание. Инженеры и рабочие треста «Южтехмонтаж» изготовили и смонтировали металлические конструкции конвейера. Сотрудники лаборатории Краснодарского завода электроприборов помогли разработать и осуществить весь сложный комплекс автоматики...

Не приняли ни малейшего участия в практическом осуществлении идеи «автоматизированной молочной линии» лишь ее авторы — научные работники Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства. А между тем они имели полную возможность активнейшим образом включиться в это дело и даже возглавить его. Еще до начала работ правление колхоза обратилось к институту с просьбой взять на себя все научное руководство строительством. Между колхозом и институтом был заключен соответствующий договор. Однако работники института фактически уклонились от какого бы то ни было руководства стройкой, очевидно, так и не поверив в ее реальность. И только после того, как монтаж установки был уже закончен, и конвейер пошел, и о нем начали писать в газетах, «научные шефы» всполошились. Тотчас же в колхозе появился «главный научный консультант». А в то же время в Москву, в одну из центральных газет, полетело возмутительное, брызжущее слюной письмо. Бывшие институтские руководители Тесленко обвиняли его в злостном плагиате: он, видите ли, «похитил» у них идею «автоматизированной молочной линии» и в корыстных целях «присвоил» ее!..

«Как могло случиться, — писали они, — что И. Тесленко стал автором того, что ему не принадлежит? Как у сельского паренька вообще могла родиться мысль автоматизировать ферму?»

Столь нелепое обвинение глубоко возмутило не только самого Тесленко, но и всех, кто хоть сколько-нибудь знал этого исключительно честного и бескорыстного человека, самозабвенно влюбленного в свое дело, ставшее целью его жизни. Да, он вырос на селе, был пастухом, кучером, скотником. Но еще в юности, окончив курсы электриков-механиков, построил и смонтировал в разных колхозах несколько электростанций, десятки радиоузлов, киноустановок... Так почему же у него не могла появиться идея автоматизировать ферму? Да и как могла не появиться у него эта идея, если ему подсказали ее как раз те самые научные работники института, которые обвиняли его в плагиате? Ведь под их же руководством он и делал свой дипломный проект!

В защиту молодого инженера выступили «Комсомольская правда», «Советская Россия», но странная и не особенно чистоплотная возня, которую затеяли работники Азово-Черноморского института, не прекращалась. Оттуда, из Зернового, все время ползли какие-то темные слухи о Тесленко, «плагиатора» поносили здесь буквально на каждом шагу, и это довело жену его, преподавательницу этого же института, чуть ли не до нервной горячки...

Как раз в те дни, будучи на Кубани, я впервые встретил Ивана Ивановича Тесленко, и в моей памяти навсегда запечатлелось его нервное, измученное и в то же время необычайно одухотворенное лицо.

— Не понимаю, кому нужна вся эта мышиная возня! — говорил он с гневным и совершенно искренним недоумением, когда речь зашла о его конфликте с работниками института. — Ну не все ли равно, кто первый сказал «э»? Важно то, что «молочный конвейер» уже действует, живет. И будет жить! Посмотрите, какими бурными темпами развивается у нас общественное животноводство! Уже сейчас многие передовые колхозы и совхозы буквально задыхаются не только с ручной дойкой, но даже и с механической. Так можно ли тратить время на разные склоки?.. Ведь я же уверен, пройдет три-четыре года и без комплексной механизации, без автоматики мы не сможем делать и шага!..

Тогда же — это было в начале 1960 года — я встретился с Федором Степановичем Коломийцем, и он мне рассказал, что в крайкоме партии уже созрело твердое решение создать в Краснодаре во главе с Тесленко специальное конструкторское бюро, а ряд предприятий местной промышленности перевести на изготовление оборудования и сборных конструкций «молочных конвейеров», чтобы двинуть их строительство по всему краю...

Обо всем этом я написал в журнале «Октябрь», а потом в книге «Березки». И вот примерно год спустя, когда книга уже вышла в свет, сижу у себя дома, в Москве, и читаю в «Правде» об открывшемся на днях очередном, январском Пленуме ЦК КПСС. И вдруг телефонный звонок. Говорил Тесленко. Как выяснилось, за это время он успел построить еще одну «карусель», но не на Кубани, а в Сибири, и вот теперь...

Все это было чрезвычайно интересно. Но я никак не мог понять, как же он все-таки оказался в Сибири? Ведь в Краснодаре... И квартиру ему обещали дать и жену на работу устроить... Неужели там все расстроилось?

Через час мы встретились. Но Тесленко пришел не один. С ним был какой-то незнакомый мне седоватый мужчина богатырского сложения, с портфелем в руках.

— Знакомьтесь, — сказал Тесленко. — Пономарев Павел Павлович, инженер, мой соратник... из министерства геологии.

Соратник? Из министерства геологии?! Новая загадка!

Инженеры переглянулись, рассмеялись, и вскоре я узнал от них массу новостей.

Да, в Краснодаре действительно собирались двинуть это дело по всему краю. Но знаете, как иной раз бывает? Пока раскачались...

А тут приезжает из Омской области директор Краснополянского совхоза. Сощик его фамилия, Геннадий Григорьевич. Молодой такой парень, энергичный, тридцатого года рождения. Ну и стал сманивать к себе... А у них там в Сибири прямо зарез с рабочей силой. Бывало, днями ходят коровы недоеные: нет доярок. «Для нас, — говорит, — вот такая «карусель» — прямо спасение. Поедем!..» Как тут отказать?.. Да и не сидеть же сложа руки, пока краевые организации в Краснодаре соберутся с мыслями!

И Тесленко поехал, но, будучи человеком творческим, он не пошел по проторенной дорожке и не просто повторил вариант уже построенного конвейера, а коренным образом модернизировал его. Тот, первый конвейер делает полный оборот за восемь минут, а этот — за шесть с половиной. Таким образом, он дает возможность выдаивать уже не двести, а двести сорок коров в час. И автоматика здесь гораздо более совершенная. И слив молока проще. И расход металла меньше. И стоимость установки удалось снизить чуть ли не вдвое.

Краснополянской «каруселью» заинтересовались многие: ну, прежде всего секретарь Омского обкома партии Григорий Дмитриевич Щелоков, ведавший вопросами сельского хозяйства, и, конечно, руководители местных колхозов и совхозов. Еще бы! Ведь «карусель» сокращала потребность в доярках почти в десять раз. Возникла идея организовать строительство таких же «каруселей» по всей области. Но вот беда: установка стационарна... Стали думать: а нельзя ли сделать такую же установку передвижной, чтобы пользоваться ею и на пастбищах?

Вот тут-то и пришел на помощь начальник и главный конструктор отдела ходовых систем ЦКБ Министерства геологии и охраны недр СССР Павел Павлович Пономарев. Разумеется, проблема механизации и автоматизации животноводства не имела никакого отношения к его основной служебной деятельности. Но стоило ему только увидеть фотографию построенного на Кубани «круга смелости», как он «заболел» этой проблемой, что называется, всерьез и надолго. У него сразу же возникла идея поставить этот «круг смелости» на колеса. И вот во время отпуска, вместо того чтобы поехать в санаторий, лечить больное сердце, он сел за чертежную доску...

А тем временем активизировались и бывшие «научные шефы» Тесленко. Боясь, как бы им окончательно не остаться в стороне от жизни, они организовали наблюдение за работой автоматизированной доильной установки в станице Киевской и результаты наблюдений представили в министерство. Этим и объяснялось появление Тесленко в Москве: его срочно вызвали сюда на объединенное заседание научно-технических советов Министерств сельского хозяйства СССР и РСФСР, а он, встретившись с Пономаревым, потащил туда и его...

Волнуясь и перебивая друг друга, инженеры стали рассказывать мне о только что выдержанной ими битве.

Да... Это и в самом деле была настоящая битва. Ведь все же знают, в каких условиях создавалась эта первая. уникальная установка в станице Киевской, — без рабочих чертежей, без опыта, без квалифицированной научной консультации. И вот... Вы представляете? Выступает официальный оппонент и, придравшись к каким-то частным несовершенствам конструкции, охаивает всю установку. Мало того, он подвергает сомнению самую идею конвейерного доения, как говорится, осердясь на блох, и шубу в печь!.. Ему стали подпевать еще некоторые «научные авторитеты»... Ну тут Павел Павлович как дал им чёсу! «Да как же так? — говорит. — Сейчас идет Пленум ЦК КПСС, ставится вопрос о комплексной механизации и автоматизации сельского хозяйства, о том, чтобы дать дорогу всему новому, передовому. А вы...» Потом выступил Тесленко. Он рассказал о строительстве нового, уже более совершенного конвейера в совхозе «Красная поляна», о предложении Пономарева, и официальный оппонент был окончательно посрамлен. Председательствующий член-корреспондент ВАСХНИЛ Валериан Семенович Краснов внес предложение: «Одобрить новую доильную установку и поручить одному из ведущих конструкторских бюро в ближайшее время устранить ее недостатки». На том и порешили. А Тесленко... А Тесленко предложили поступить в аспирантуру...

Надо ли говорить о том, как обрадовало меня все услышанное? Ведь за это время я и сам стал таким же страстным поборником «молочного конвейера», как и его автор. Да и судьба молодого инженера была для меня далеко не безразлична.

А через несколько дней я узнал от него еще одну новость. Тесленко позвонил мне — радостный, взволнованный — и рассказал о своем телефонном разговоре с Григорием Дмитриевичем Щелоковым. Дело в том, что сразу же после январского Пленума ЦК партии в Омске состоялось совещание областного партийного актива и... В общем, принято решение: уже в нынешнем году построить в колхозах и совхозах области триста стационарных и четыреста передвижных автоматизированных доильных установок. В связи с этим в Омске создается специальное конструкторское бюро. Для участия в работе бюро привлекается Павел Павлович Пономарев, о чем уже есть договоренность с Министерством геологии. И его, Тесленко, тоже приглашают.

Я спросил у Тесленко, как же теперь будет с аспирантурой. Ведь он уже сдал почти все экзамены! Но его, по-видимому, не очень-то заботила эта сторона дела. Возможно, сказал он, в дальнейшем ему и удастся заняться наукой, а пока что... Жизнь не ждет!..

Уезжая в Омск, Тесленко пообещал регулярно сообщать мне о всех последующих событиях, но долгое время от него не было никаких известий. И вдруг несколько месяцев спустя, уже летом, он заявляется сам. Прибежал сияющий, как новый гривенник, и приволок полный чемодан чертежей. Вот, дескать, можете убедиться сами: технический проект стационарной установки полностью завершен! С передвижной тоже все в порядке. Сейчас идут испытания... Но этим делом занимается Павел Павлович, а он, Тесленко... Словом, он решил все же поступить в аспирантуру. И вот, оформившись, уже приступил к сдаче кандидатского минимума...

О, теперь он во всеоружии! Вы представляете, какая удача? Его научным руководителем вызвался быть сам профессор Краснов. Главное же то, что теперь, после окончания проекта, у него в руках все данные для того, чтобы окончательно разгромить самых ярых своих оппонентов.

— Как! — удивился я. — Разве они еще есть?

— Ого, — хмыкнул Тесленко, — еще сколько! Перелистайте специальные журналы, и вы увидите... Но, мне думается, их просто ввели в заблуждение не совсем точной информацией. Основное возражение — слишком высокая стоимость. Что ж, надо признать: первая автоматизированная установка в станице Киевской обошлась колхозу не дешево, что-то около четырехсот тысяч рублей. Это, конечно, в старых деньгах... Но даже и при такой ненормально высокой стоимости она в первый же год полностью себя окупила, а теперь стоимость аналогичной установки нам удалось снизить более чем в два раза. И еще... Утверждают, будто бы на «карусель» идет гораздо больше металла, чем на все другие «узаконенные» наукой установки, такие, скажем, как «елочка». Какая чепуха!

Тесленко достал из чемодана один из листов проекта и развернул передо мной огромную таблицу.

— Видите? — продолжал он. — Металлоемкость типовой «елочки» на шестнадцать коров по данным «Гипросельхозстроя» составляет 6 844 килограмма. А вот один из вариантов нашей стационарной установки — она также рассчитана на шестнадцать коров... Металлоемкость ее — всего лишь 5 970 килограммов. Но производительность «елочки» практически не более восьмидесяти коров в час, а с помощью «карусели» можно свободно подоить по крайней мере в два раза больше коров. Вот и посчитайте, сколько приходится металла на единицу продукции в той и другой установке! А если взять передвижные установки, то и металлоемкость и стоимость их еще меньше... А потом ведь надо учитывать и условия производства! Технологи подсчитали, что на «елочке» каждая доярка вынуждена делать около четырехсот пятидесяти поворотов, а на «карусели» — всего лишь около ста. Вы представляете, какое облегчение в труде? Нет, преимущество конвейерного доения бесспорно!..

Конечно, «елочки» — это большой шаг в развитии механической дойки. Но наши «карусели», особенно последние их варианты, — представляют собой новый шаг в этом деле. В сущности, это те же «елочки», только вращающиеся, автоматизированные и потому гораздо более производительные.

Как раз в это время я начал работать над сценарием документального фильма, посвященного творческим поискам новаторов в области комплексной механизации и автоматизации сельскохозяйственных работ, и появление Тесленко в Москве было для меня более чем кстати. Мы условились встретиться с ним специально по этому поводу, но когда через несколько дней я позвонил ему в аспирантуру, мне сказали, что он взял отпуск и снова укатил в Омск.

Нечего делать, пришлось заканчивать сценарий самостоятельно. И вот тут-то вскоре произошел совершенно непредвиденный казус.

Сразу же после утверждения сценария студия дала задание своему омскому оператору немедленно снять «уходящие объекты». И вдруг он сообщает, что секретарь обкома запретил съемки, якобы заявив, что вопрос о строительстве «каруселей» еще окончательно не решен.

Мне уже давно хотелось побывать в Омске, чтобы посмотреть, что там делается, самому, а тут... В общем, не было счастья, так несчастье помогло. И я полетел в Омск.

В Омске я, разумеется, первым делом отправился в обком партии к Григорию Дмитриевичу Щелокову.

— Да, — сказал он, сосредоточенно глядя на стол, — мы уклонились от киносъемок, но это отнюдь не означает, что мы хоть в какой-то степени разуверились в «каруселях» и вообще передумали их строить. Напротив! Правда, масштабы строительства нам пришлось немного ограничить. Вы понимаете? Дело новое, еще недостаточно изученное... Так что разумная осторожность здесь не помешает. И, конечно же, рекламировать сейчас это дело в кино — сами понимаете! — было бы по меньшей мере неосмотрительно. А вот проведем испытания, взвесим все «за» и «против», и тогда... А впрочем, знаете, какое


Передвижная установка «карусель».

у меня предложение? Поезжайтека, посмотрите сами, что у нас делается, вот тогда все и решим. Как раз сегодня в совхоз «Октябрьский» на испытание последнего варианта передвижной доильной установки выехал главный конструктор «Сибнисхоза» Константин Семенович Шаповалов. Поезжайте туда! Он вам все и покажет.

— А где же Пономарев? — спросил я.

— Пономарев в санатории, совсем умаялся старик!..

— А Тесленко?

— Тесленко здесь. Продолжает работать в конструкторском бюро. Позвоните ему. Может быть, вместе с ним и поедете...

Как бы не так! Когда я позвонил в «Сибнисхоз», мне сказали, что Тесленко только вчера взял окончательный расчет и уехал в Москву, в аспирантуру. Право же, я не знал, как отнестись к этому сообщению. Не слишком ли он мечется?..

В совхоз «Октябрьский», где проводились испытания передвижной «карусели», я попал в самый разгар вечерней дойки.

Мне уже доводилось писать о том неизгладимом впечатлении, которое произвела на меня работа первой автоматизированной установки в станице Киевской. Но если та, стационарная установка действовала на воображение прежде всего своими масштабами, своей заводской, индустриальной сложностью, то эта, наоборот, поражала в первую очередь своей простотой и компактностью. Это и в самом деле была настоящая карусель и в то же время настоящая сельскохозяйственная машина.

Представьте себе металлический кольцевой конвейер диаметром не более шести метров, смонтированный на оси обыкновенной пары автомобильных колес. Мягкими, ажурными перегородками он разделен на одиннадцать станков, оборудованных кормушками для концентрированных кормов и подвижными кронштейнами и подвешенными к ним доильными аппаратами. Внутри кольца — бак для слива молока. Сверху — брезентовый тент. Все это хозяйство легко перевозил с места на место любой трактор. Он же вращал конвейер и создавал вакуум.

...«Карусель» работала исправно. Коровы одна за другой «без всяких разговоров» поднимались по пологой стремянке на медленно вращавшийся конвейер и, завершив полный круг, выдоившись, так же спокойно сходили вниз. Гудел трактор, чмокали доильные стаканы...

И все же, присмотревшись, нетрудно было заметить, что здесь еще было множество различных неполадок.

По идее такую установку должны обслуживать не более двух доярок. Но автоматический дозатор для концентрированных кормов пока еще отсутствовал, и его заменяла третья доярка. Подмывка вымени производилась вручную, из ведра. Вместо легких передвижных сходней для коров неуклюже громоздилась дощатая, грубо сколоченная эстакада. Время от времени девушки вынуждены были останавливать конвейер. Дело в том, что многие молодые коровы со слабо развитыми сосками никак не поддавались механической дойке. И тогда раздавался жалобный девичий голос: «Ой, мамонька родная, да что ж это за титечки — их и руками не схватишь, не то что доильным стаканом!..» По-видимому, стадо комплектовалось без всякого разбора. Главное же то, что «карусель», способная вертеться хоть сутки напролет, обслуживала пока лишь один гурт — сто пятьдесят коров. Таким образом, суточная производительность ее была еще сравнительно низкой, и это не давало возможности дояркам перейти на работу в две смены.

— Теперь вы понимаете, почему Григорий Дмитриевич воспротивился киносъемкам? — говорил мне Шаповалов, сухощавый, подвижный и, видимо, очень увлекающийся человек, на вид лет сорока пяти. — Попадись вот такой материал какому-нибудь заядлому противнику «каруселей», так он же нас заклюет! А ведь все это не более как обычные болезни становления. Сейчас, на этой стадии, нам важно было убедиться лишь в одном: будет жить наша машина или нет? И мы убедились: она живет! Ее уже признали все — и доярки, и механизаторы, и хозяйственники. Вот пойдемте к директору совхоза, и он вам скажет... Да он готов хоть сегодня дать заказ на полный комплект вот таких «каруселей» для всего своего поголовья коров.

Мы пошли к директору совхоза Александру Яковлевичу Сиряцкому, и он действительно с готовностью подтвердил все это.

А на другой день, после утренней дойки, Шаповалов повез меня еще в два совхоза — «Красный Октябрь» и «Татарский», и эта поездка открыла мне любопытнейшую подробность истории омских «каруселей», далеко еще не завершенной. Как выяснилось, почти одновременно со строительством стационарной установки в совхозе «Красная поляна» примерно такая же установка возникла и в совхозе «Красный Октябрь». Ее построил без всяких чертежей и без всякой консультации с Тесленко, лишь взглянув на фотографию в «Огоньке», совхозный механик-самоучка по фамилии Ленский. Разумеется, построенная им установка несравненно примитивнее краснополянской, но самодеятельному конструктору удалось чрезвычайно остроумно разрешить проблему вращения конвейера: у Тесленко он работал от трех приводов, а у Ленского — от одного, и Тесленко тут же «похитил» это новшество при разработке проекта установки.

Такая же взаимосвязь между инженерной наукой и практикой обнаружилась и при создании передвижной «карусели». Еще в те дни, когда она была, можно сказать, в пеленках, ею заинтересовался коллега Ленского, такой же механик-самоучка из совхоза «Татарского» Галоха. Он выклянчил у Пономарева эскизный набросок машины и, недолго думая, соорудил ее в совхозных мастерских. Машину тотчас же пустили в дело, и это дало возможность конструкторам уже более уверенно приступить к разработке последующих, более совершенных вариантов, с учетом опыта Галохи.

Потом мы поехали в «Красную поляну», и в дороге разговор, естественно, зашел о Тесленко. Шаповалов стал жаловаться мне на этого «несомненно талантливого и энергичного, но уж больно неуравновешенного, мятущегося человека, который, по-видимому, и сам хорошенько не знает, что ему нужно».

— Ну, посудите сами, — говорил он, — разве это не мальчишество? У него здесь идеальнейшие условия для настоящей творческой работы. Он возглавил разработку проекта своего же собственного, кровного детища. Теперь проект начинает воплощаться в жизнь. Спрашивается, кто должен быть основным техническим консультантом по строительству? Конечно же, он, старший инженер проекта. Мы и собирались поручить ему это дело. А он... А он бросает все: проект, работу, предоставленную ему недавно прекрасную квартиру — и уезжает в Москву. Я ему говорю: «Если уж тебе так не терпится получить кандидатскую степень, так именно здесь, в Омске, ты ее получишь гораздо быстрее!..» Нет, и слушать ничего не хочет...

Приехав в совхоз, мы тотчас же направились на ферму, к «тесленковской» установке. Там было все разворочено: кровля раскрыта, помост разобран, автоматические устройства сняты...

— Ну вот, — повернулся ко мне Шаповалов, — теперь вы сами видите, что за человек этот Тесленко! Уговорил переделать всю автоматику, а сам...

В доильный зал зашел рабочий с какой-то деталью в руках.

— Послушайте, товарищ, — обратился к нему Шаповалов, — кто у вас здесь руководит сейчас всеми этими работами?

— Как кто? — удивился рабочий. — Иван Иванович...



И. Тесленко (справа).

— Какой Иван Иванович? Тесленко?!

— А то кто же? Он!

Тесленко мы нашли в дирекции совхоза. Он сидел за столом в отведенной ему комнатушке строгий, озабоченный и давал какие-то указания механику.

— Иван Иванович, дорогой! — ринулся к нему Шаповалов. — Знаете, как я вас здесь честил? Ведь я думал, что вы так и уехали, бросив все на произвол судьбы! Очень рад, что ошибся... И все ж таки мне хочется вас пожурить! Может, передумаете, а?

Тут к Шаповалову присоединился и я, стал уговаривать Тесленко повременить с отъездом, подумать хорошенько, может, и в самом деле стоит остаться в Омске, чтобы завершить все начатые дела? Ведь в аспирантуре можно учиться и заочно! А потом... Тут у него, как-никак, квартира... Разве ему не надоела кочевая, цыганская жизнь?..

Тесленко слушал все это, нахмурясь, сердито сжав губы.

— Ладно! — буркнул он. — Вы меня извините, сейчас я очень занят, а вот приеду послезавтра в Омск, мне там нужно выколотить кое-какие материалы, тогда и поговорим...

Возвратившись в Омск, я решил побывать в конструкторском бюро «Сибнисхоза», и Шаповалов представил мне свою «молодую гвардию», как он ее назвал.

Все это были молодые инженеры, только недавно окончившие вузы. До начала нынешнего года все они работали на различных заводах Омского совнархоза. Потом по решению обкома партии их прикомандировали к «Сибнисхозу». Таким образом, сельское хозяйство для них — область совершенно новая. Но они уже заразились проблемами комплексной механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства. Особенно увлекают их «карусели». Они убеждены, что принципу конвейерного доения суждено совершить в сельском хозяйстве подлинную революцию.

Эту точку зрения разделяет и руководитель конструкторского бюро Константин Семенович Шаповалов. Кстати, он ведь тоже работал до сих пор главным образом на крупных промышленных



предприятиях, и, может быть, именно поэтому идея конвейерного доения особенно близка его сердцу. Он просто не понимает, как можно всерьез ратовать за превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального и в то же время отрицать «молочный конвейер». Ведь конвейер — это же основа всякого индустриального производства!

Мы долго обсуждали эту тему, и Шаповалов, сев на своего конька, прочитал мне настоящую лекцию со ссылками на Маркса, на другие теоретические источники. Потом стал рассказывать о многочисленных усовершенствованиях устройства «каруселей», над которыми работает сейчас коллектив конструкторского бюро.

Все это, вместе взятое, уже в достаточной степени прояснило для меня не только положение дел со строительством «каруселей» в Омской области, но и состояние «карусельной» проблемы вообще. Не совсем ясна была лишь частная, сугубо личная проблема, имеющая тем не менее большой общественный интерес, проблема направления дальнейшей деятельности главного заводилы всех этих «каруселей» — Тесленко.

И вот мы встретились с ним опять. Он пришел ко мне в гостиницу — хмурый, сосредоточенный — и сразу же, без всякого предисловия, как бы продолжая уже начатый разговор, стал выкладывать все то, что наполняло его и сомнениями, и тревогами, и большими светлыми надеждами, и непреклонной решимостью, несмотря ни на что, гнуть свою линию дальше.

— Да, — говорил он, — тут, конечно, есть над чем поразмыслить... Вот и Григорий Дмитриевич Щелоков тоже — мне только что сказали — в обиде на меня за то, что я бросаю все и уезжаю в Москву. А думаете, там, на Кубани, на меня не обижались, когда я сорвался из Краснодара и укатил в Омск! Федор Степанович Коломиец до сих пор не может мне этого простить. А ведь я люблю и уважаю его не меньше, чем Григория Дмитриевича! Так что же мне делать, разорваться? Слов нет, тяжело бросать начатое дело. Да и квартиру, между нами говоря, тоже жалко... Что там говорить! Ну, конечно же, мне осточертела вот такая цыганская жизнь! Как-никак, семья, двое детей... Честное слово, жена уже развод хочет дать — измучилась, бедняжка, с таким муженьком!.. Но с другой стороны... Так ли уж важно, буду ли я работать здесь или нет? Ведь теперь здесь специалистов по «каруселям» хоть пруд пруди. И дело прочно встало на рельсы... Да я просто права уже не имею сидеть здесь дольше!.. Вам показывал Шаповалов, сколько писем он получает отовсюду с просьбой выслать чертежи установок и оказать помощь в строительстве? Показывал? Ну вот видите! А что он отвечает на эти письма?.. Я не знаю, правильно это или нет, но здешнее руководство почему-то не считает возможным распространять наш опыт, имеющий, так сказать, областное значение. А вот лично я, как хотите, не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Ну как можно отказывать людям в помощи? Раз уж им припекло, они все равно будут что-то мудровать, проектировать, строить... Так оно и есть на самом деле. Вот послушайте! Тут у меня небольшой список...

Тесленко достал записную книжку и стал перечислять:

— Ну, во-первых, Кубань... Там все ж таки создали конструкторское бюро при совнархозе и проект установки, насколько мне известно, завершили... В Кубанском сельскохозяйственном институте тоже делается проект... В том же Крымском районе, Краснодарского края, где я построил первую установку, строится еще одна «карусель» в колхозе «Памяти Ильича»... В Свердловской области развернули строительство мощных стационарных установок в трех или четырех местах... Проектированием «каруселей» занимаются и в Харькове, и в Крыму, и в Барнауле... Видите, что творится?..

Он спрятал записную книжку, помолчал.

— Конечно, я уверен, и на Кубани, и в Свердловской области, и в других местах проектировщики и строители наверняка внесли в конструкцию «карусели» и что-то свое, оригинальное. Но ведь они же работают с закрытыми глазами! В Краснодаре не знают того, что делается в Омске, а в Свердловской области — того, что делается в Краснодаре... Так зачем же, спрашивается, заставлять людей ломиться в открытую дверь, изобретать «велосипед, ничем не отличающийся от обыкновенного»?.. Вот поэтому Валериан Семенович Краснов и говорит: «Брось, Тесленко, сидеть в Омске: ты там свое дело уже сделал. И нечего тебе мотаться с места на место, заниматься строительством. Раз уж ты выпустил этого духа из бутылки, тебе за него и отвечать. Надо сосредоточить все научное и техническое руководство проектированием и строительством «каруселей» где-то в одном месте, а для этого необходимо в первую очередь обобщить накопленный опыт. Вот ты и займешься этим делом. Так что садись и действуй — тебе и карты в руки!» Ну, скажите, как тут отказаться?.. Шаповалов говорит: «Здесь, в Омске, ты скорее получишь кандидатскую степень». Да разве ж дело только в этом? Важно то, что я буду работать под руководством такого крупного специалиста, как профессор Краснов, что получу возможность разъезжать повсюду, где только строятся «карусели», обобщать опыт, помогать людям двигать это дело по всему Советскому Союзу!.. Так что, видите, какая ситуация?.. Да я бы уже, откровенно говоря, давно уехал. Вот только «Красная поляна» держит... Вы понимаете? Мы тут в конструкторском бюро придумали одну замечательную штуку — автоматический массаж вымени. Знаете, насколько это поднимает удойность? Вот я и решил переделать там всю автоматику... Как только закончу, сразу же и уеду. А там будь что будет!..

Перед отъездом в Москву я долго беседовал с Григорием Дмитриевичем Щелоковым.

Слушая мой подробный рассказ о том впечатлении, которое произвело на меня все увиденное и услышанное, Григорий Дмитриевич мягко улыбался, удовлетворенно кивал головой. Потом я заговорил о Тесленко, и он нахмурился. Я стал оправдывать своего героя и с жаром пересказал все то, о чем он мне давеча говорил, но это, казалось, только подлило масла в огонь. Щелоков нахмурился еще больше.

— Так почему же он не пришел и не сказал всего этого мне? Неужели думал, что я бы его не понял? — Щелоков был явно обижен и раздражен. И вдруг голос его потеплел. — Жаль, конечно, терять такого работника, как Тесленко. Но, возможно, он и прав. Раз уж нацелился, пусть уезжает. Тем более, что у него и в самом деле все уже прочно встало на рельсы... — Щелоков помолчал. — И знаете, что меня особенно радует? Глубочайшая заинтересованность новейшей, только что рожденной техникой со стороны практических работников сельского хозяйства. Вы заметили?.. Тут как бы два встречных потока: с одной стороны — планомерная организаторская работа сверху, а с другой стороны — могучая творческая инициатива снизу... Да... За «карусель» наши хозяйственники уцепились крепко. И в этом нет ничего удивительного. Ведь партия... Вот что говорит нам партия!..

Щелоков взял со стола свежий номер «Правды» с недавно опубликованным проектом Программы КПСС и стал читать те места, где говорилось о комплексной механизации и автоматизации сельского хозяйства, о превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального...

Это было в начале сентября, а месяца полтора спустя, как раз в дни работы съезда, когда я заканчивал свои «Карусели», ко мне неожиданно примчался Павел Павлович Пономарев и, не успев отдышаться, сразу же начал рассказывать о последних событиях.

В Омске — он совсем недавно оттуда — все, как говорится, «на мази». Испытания передвижной «карусели», можно считать, закончены, подготовка к строительству стационарных установок тоже подходит к концу, и омские руководители полны решимости двигать это дело и дальше по намеченному плану. Щелоков, правда, уже не секретарь обкома: ему пришлось возглавить областное объединение «Союзсельхозтехники», но это, пожалуй, даже к лучшему: уж теперь-то «карусели» в надежных руках!..

— А где Иван Иванович? — спросил я. — Все еще в «Красной поляне»? Как там у него дела?

— А разве он вам не писал? Вернулся!.. У него сейчас горячие денечки — заканчивает сдачу кандидатского минимума. Но уже снова навострил лыжи — собирается куда-то ехать, кажется, в Краснодар... Ох, и неугомонный же человек!.. — Пономарев покрутил головой, улыбнулся. — Но я его понимаю. Ведь «карусели»... Вот и я тоже... Знаете, что я придумал? Вот послушайте!..

Павел Павлович подсел к столу и, схватив лист бумаги, стал торопливо набрасывать схему...

Вряд ли надо рассказывать здесь во всех подробностях о возникшей у него новой технической идее. Да и вряд ли я смог бы это сделать, если бы даже и захотел: слишком уж сложно было все то, что он пытался мне втолковать. Но самая суть идеи стала мне ясна с первых же слов. Речь шла о том, чтобы в корне изменить весь режим механической дойки, максимально приспособить его к естественному физиологическому процессу отдачи молока коровами. И я понимал, насколько это было важно. Ведь сколько раз приходилось слышать от доярок, что доильные аппараты не додаивают коров до конца! И разве мало случаев, когда из-за этого сами же доярки отказываются от механической дойки вообще, предпочитая ради надоев по-прежнему гнуть спину над подойником?..

— И ведь что тут интересно! — говорил взволнованно Пономарев. — Оказывается, эту проблему — а ведь над нею бились уже многие! — только и возможно решить с помощью «карусели». Так что, видите, еще одно очко в нашу пользу... Но работы здесь уйма. Тут нужна настоящая научно-исследовательская работа...

И вот сам не знаю, как быть. Вы понимаете? Я ведь работник Министерства геологии. Но все эти проблемы так захватили меня, настолько они важны, что я просто уже не могу не заниматься ими... Может, пойти посоветоваться с Валерианом Семеновичем Красновым? А? Как вы считаете? Да, да, это просто необходимо... — Он решительно поднялся. — Завтра же поеду к нему в институт!..

И, поспешно простившись, ушел. А я еще долго сидел за столом, раздумывая над тем, как же мне закончить свой очерк. Но передо мной, как живой, стоял все тот же Пономарев, в ушах звучал его взволнованный, прерывающийся голос, голос пожилого человека, страдающего одышкой, и я стал думать о необыкновенной его судьбе, человека, которого внезапно, как запоздалая любовь, завертели все эти «карусели», принесся ему столько тревог и в то же время столько неподдельного счастья. Потом мысли мои вернулись к главному герою очерка — неугомонному Тесленко... Где-то он сейчас, все ли еще в Москве или же умчался куда-то снова? Куда занесут его «карусели»? Как сложится дальнейшая его судьба?..

И вдруг я подумал: а так ли уж нужно «закруглять» этот очерк? Право же, лучшим его концом и будет именно то, что в нем не будет никакого конца, как нет его и никогда не будет в самой жизни!..



П. Пономарев.



Пилот Бадарчи. Подарок сыну из Москвы. Фото Б. Лувсанжамца.

Крылья Монголии

П. КРАВЧЕНКО

Нынешней весной в Подмосковье довелось мне слышать разговор пилотов.

— Нет, Женя, если хочешь знать, то именно в Монголии авиация — школа характера.

— Ты, Митя, любишь красивые слова.

— Красивые? А ты взлетал с аэродрома, который лежит на высоте две тысячи триста метров?

— Где это ты обнаружил аэродром на две тысячи триста?

— В Гоби-Алтае. В Монголии. На западе Монголии все аэродромы высокогорные. Летаешь на три тысячи шестьсот и выше. А ветры — тридцать пять в секунду. Ясно? И при таком ветре садиться надо. А горы закрыты. Надо пробить облака, а определяешься визуально, потому что с землей не связаться... Понял?

Женя, наверно, сразу понял, потому что уважительно замолчал. А я не понял. Я пассажир. Пассажир летает много, а прилетел на аэродром, чемоданчик взял — и пошел к автобусу. Даже иной раз с пилотом не раскланялся на прощание. Проспал всю дорогу в кресле, доставлен на место, и ладно, а как же иначе?

И вот я в Монголии, и очень интересно мне узнать про эту школу характера. Еще в Москве я слышал, что 26 июля 1961 года монгольские летчики торжественно и любовно проводили на родину последнего советского летчика Кадыра Хусяиновича Патеева. И с тех пор летают сами.

Мне повезло в Улан-Баторе. Уже на второй день попался мне механик, который был другом одного из монгольских летчиков. Летчика этого звали Бадарчи, и механик мне кое-что рассказал о нем.

— Бадарчи — он ничего не боится. И все знает,— авторитетно заявил мне механик.— Серьезный человек. Шестнадцати лет весил семьдесят шесть килограммов, понятно? Борец. На праздниках каких борцов побеждал — это видеть надо было! На мандолине играет. И все знает, потому что где он только не бывал! Везде бывал. Всю Монголию облетал, в Киеве был, в Ленинграде, в Москве и в Пензе, в Казани и в Куйбышеве. В Пекине, в Порт-Артуре и в Дайрене. В прошлом году через Москву в Прагу летал командиром корабля. Конечно, все знать будешь. Наука!

А что он за человек,— расскажу. В пятьдесят седьмом году в одном из сомонов Хубсугульского аймака лежал больной ревсомолец. Очень тяжело больной. И третий год уже в юрте лежал. Не только в Улан-Батор, а и в Мурэн даже нельзя было везти его ни на коне, ни на «газике»: не перенес бы он дороги. Спросили у Бадарчи: «Вывезешь на самолете? Там, где больной лежит, аэродрома нет». «Попробую».

Зима. Бадарчи — на «АН-2». Летит, смотрит вниз. Горы. Посадил он самолет в Мурэне, спрашивает: «Сколько до больного?» «Триста километров». «Дайте «газик», съезжу посмотрю».

Съездил. Видит, с трех сторон горы, а долина узенькая-узенькая. И — мешок. Если сядешь и носом в стенку мешка долины не стукнешься, все равно назад самолет не развернешь. Как сделать, чтобы и не стукнуться и назад, к выходу из долины, развернуться? Зашел в юрту к больному, говорит, местность опасная. А тот плачет от радости, губы дрожат, но — человек уважительный — говорит: «Лучше я один пропаду, зачем вам-то из-за меня тоже погибать?»

Посмотрел Бадарчи на больного, вышел из юрты, собрал аратов, чтобы хотя самые крупные камни со дна долины в сторону убрали. И уехал на «газике» в Мурэн. А на следующий день на своем двенадцатиместном «АН-2» с врачом на борту прилетел из Мурэна и сел... Нет, вы понимаете, и врача ведь захватил с собой, вот как уверен был, что сделает все как надо!

Развернули на руках самолет носом из долины. Бадарчи посадил больного — и обратно, в Мурэн, а потом в Улан-Батор.

А через два месяца уже давно позабыл про этот рейс, снова — в который раз — готовится в Мурэн лететь. Оглядел пассажиров. Что такое? Лицо знакомое. Поднимается с места парень, улыбается, смотрит на пилота. Бадарчи удивился, спрашивает: «Чего же это у тебя опять губы трясутся? Ты что, опять больной?» «Нет, здоровый я, совсем меня вылечили. Это вас я увидел, это от волнения...»

Механик рассказал мне еще несколько историй из жизни Бадарчи и других летчиков, и я уже с нетерпением ожидал встречи с пилотами.

С Бадарчи я познакомился в гостинице вечером. Он выглядел, пожалуй, несколько важно. Крупный, спокойный, внушительный, одетый с иголочки... Все-таки я не удержался и задал ему несколько вопросов о романтике, о школе характера, о героизме и о мечте.

— Мне сорок два года,— ответил он.— Жена. Четверо детей. Летаю вот уже двадцать четыре года. Это все-таки срок. А ведь подите же! Представители некоторых государств все считали, что меня нет. Что моей большой страны не существует на карте и принимать в ООН отсюда некого. С картами мы, летчики, знакомы достаточно хорошо... Ну, наконец-то сейчас увидели они, что политика страуса — глупая политика. Пришлось и им голосовать за принятие моей страны в ООН... Мечта? Последняя моя мечта — лично свезти свою делегацию на Генеральную Ассамблею.

И засмеялся неожиданно громко и добродушно.

В этот вечер в разговоре с Бадарчи я начал понимать, как расправляла свои крылья Монголия. В стране неудержимо и быстро росла промышленность. Все разрозненные аратские хозяйства влились в крупные объединения. И без воздушного транспорта уже просто нельзя было обойтись.

Еще несколько лет назад самолеты летали в необжитых местах, прокладывали новые трассы.

— Это уже для нас история,— спокойно сказал Бадарчи.— Летали мы тогда по стране на «АН-2» и на «ЯК-12». Радиосвязь неважная, приходилось идти «от сопки до сопки». А случись непогода — принимай решение сам: радио молчит. Приземлишься где-нибудь и ждешь погоду.

Помню, летел в пятьдесят седьмом из Гоби-Алтая с десятью пассажирами в Баин-Хонгор. В дороге гроза. Сел у маленького озера, грозу пережидал. Переждали. Прилетели в Баин-Хонгор, в тот же день надо в Улан-Батор. Не долетели до столицы сотню километров — опять гроза. Приземлились у реки Толы. Стоят юрты. Прискакали от юрт на конях араты, привезли кумыс, еду, веревки и колья деревянные. Вбили колья, привязали самолет; целые сутки просидели, кумыс пили... Думали, из Гоби-Алтая часа за четыре с половиной в Улан-Батор прилетим, прилетели через двое суток, а в Улан-Баторе и понятия не имели, где наш самолет, обрадовались: долетели, мол, все-таки! Вот какая была авиация. Сейчас бы попало за такой рейс, а тогда—ничего. Сейчас в каждом аймаке— аэродромы для «ИЛ-14»; огромные машины садятся вовремя, связь прекрасная, пилоты освоились, летают строго. Не только «ИЛ-14» — вертолеты свои.



В часы отдыха в Улан-Баторском аэропорту. У инструмента — Дашдорж.

Бадарчи подумал и усмехнулся:

— Вы насчет силы характера спрашивали? Поговорите с Санжмятавом. Он самый молодой из наших командиров кораблей «ИЛ-14». Командиром-то в этом году стал. Только летом самостоятельно командовать кораблем начал. А знаете, что такое лето в Монголии? Особенно в западных аймаках. Страшные ветры. Кажется, самолет вот-вот расползется по швам. Иной раз такие болтанки, что пассажиры стукаются головами о потолок. Бывало, что командира вышвыривает с места и он валится на бортмеханика... Главное, заранее никогда не знаешь, где болтанка начнется, у пилота новое чувство вырабатывается: нюхом надо эти воздушные течения чувствовать. Летал там и Санжмятав — как-то умеет он избегать эти болтанки... Может, это вам не очень понятно?

А двадцатого июля прилетел он сюда, в Улан-Батор, из Хэнтейского аймака, уже на «ИЛ-14». Летит, а над Улан-Батором густые облака, сильный дождь. Что вы думаете? По всем правилам снизился, пробивает облака, сто метров до дорожки, а дорожку не видит... Знал я Санжмятава хорошо, а тут усомнился, испугался. «Разрешили ему,— думаю,—сесть, а смотри: облачность чуть не по полю!» Ему бы круга три сделать, а он прямо идет и ведь, кажется, сядет, постреленок!.. Сел. А это был один из его самых первых самостоятельных полетов! Вы поговорите с ним. Деловой летчик!

Санжмятава я застал врасплох. У него сидел парнишка, наверно, школьник последних классов, с черными блестящими глазами, стремительный в движениях, и допытывался о чем-то у пилота.

Невысокий худощавый Санжмятав сконфуженно поднялся с места. Вскочил со стула и мальчик.

— Вот,— повел на него взглядом пилот.— Летному делу хочет жизнь посвятить. Пришел допрашивать меня о мечте, о подвигах и героизме.

Мальчик заторопился уходить, но я вспомнил о начале своего разговора с Бадарчи, о том, что я тоже спрашивал о мечте, о подвигах и героизме, и попросил, чтобы мальчик не уходил. Нам, оказывается, надо было с ним выяснять одно и то же, а выяснять вдвоем было все-таки легче.

По нашей просьбе Санжмятав рассказал свою жизнь. Не знаю, как мальчику, а мне показалось, что она стоит того, чтобы в ней разобраться, тогда лучше поймешь, что такое Монголия.

Пилот хмурил лоб в мелкие складки, рассказывал спокойно и тихо, без особенно большой охоты:

— Родился я в двадцать восьмом году в Селенгинском аймаке. Обычная аратская семья. Только, пожалуй, победнее других. А тут мой отец умер, я совсем еще малышом был. Матери вовсе невмоготу стало, и уехала она в Улан-Батор, поступила на курсы медсестер, а меня со своей матерью, с моей бабушкой, оставила... Кочевали, как все люди. Школа далеко, бабушке расставаться со мной не хотелось, не пустила в школу. Пас ягнят, телят.

Сами знаете: какой монгол без коня? Ну, а мне и на коне-то редко приходилось ездить. Для того, чтобы ягнят пасти, коня не надо. Да и кони у родственников старые были, хотя некоторые и с характером... Помню, устроили мы как-то с одной девчонкой на льду реки скачки, меня лошадь и понесла куда-то в сторону, через ивняк; весь изодрался, халат в снег полетел. Зуб на зуб не попадал, когда потом возвращался, разыскивал халат... Вот тебе и все мои подвиги.

Летом другие интересы. Из камней у реки Хурэн строили с ней, с этой девочкой, юрты игрушечные. Весной сорочьи и грачиные гнезда разоряли.

— А о самолетах мечтали? — спросил черноглазый парень.

— Мы не знали ничего о самолетах,— ответил Санжмятав.— Да и автомашину в детстве ни разу я не видел. Иногда в стороне что-то прогудит далеко, люди говорят: «Машина, без коней сама едет...» Забавно и тревожно немного — вот и все...

В скачках все-таки раз пришлось участвовать. Был праздник в Дархан-сомоне, хозяева нанимали нас, мальчишек и девчонок, скакать на своих лучших конях. Ну и меня наняли. Было мне тогда восемь лет. На лошадях-двухлетках скакали. И остался я в скачке самым последним, не доехал до финиша, вернулся назад, к палатке. Хозяин той лошади, на которой я скакал, отдал мне вознаграждение. Три тугрика. Молча отдал.

— Там лес, в Селенгинском аймаке. Охотились? — попытался отвлечь Санжмятава от такого унизительного воспоминания черноглазый мальчик.

Летчик внимательно поглядел на него, ответил:

— На сусликов. Ружья-то ведь не было. Вот и охотились на сусликов. Либо норы сусличьи водой заливали, либо петли из конского волоса ставили. Иногда пятерых сусликов за день поймаешь, иногда ничего... Удаль выискиваешь в моей жизни? Не выискивай. Я ведь трусоват был,— продолжал он безжалостно гвоздить словами черноглазого мальчика.— Бывало, пойдешь с девчонками в кустарник к пойме реки лук собирать, девчонки спрячутся от меня, от испуга дух перехватит... А если овец пасешь да волк издали появится, то и вовсе в горле пересохнет, кричать даже не можешь, чтобы на помощь позвать.

А у народа были подвиги в это время. 1939 год. Халхин-Гол. Только я и о Халхин-Голе ничего не знал. Вести к нам приходили не скоро.

От матери своей я совсем отвык, а она уже давно работала медицинской сестрой в Улан-Баторе, посылала мне одежду, обувь. Письма писала. Только мы с бабушкой были неграмотные. Тогда один бывший лама-иконописец переписал для меня кистью от руки букварь, и стал я слова заучивать. Таблицу умножения тоже выучил. Это вроде игры у нас было с той девчонкой. Пасем в степи овец и кричим друг другу весь день через степь: «Семью семь?» «Сорок девять» — так, пока всю таблицу накрепко не вызубрили.

В общем, скоро уже многое в письмах матери стал разбирать. Умоляла она нас с бабушкой к себе приехать, в Улан-Батор. Поехали на телегах в 1939 году. По дороге грузовая машина у реки Иро наших лошадей перепугала, чуть в реке не утонули. Так я с техникой впервые познакомился... В Улан-Баторе мать кинулась целовать меня, а я думаю, как бы поскорее от нее вырваться. Не признал. Только потом пообвык.

И сразу же мать перевели фельдшером на известковый карьер, в 70 километрах от Улан-Батора. Строилась страна. Известка нужна была. Но школы на карьере не было.

Только в 1940 году снова вернулись в Улан-Батор, и поступил я в школу... Правда, учился отлично. А окончил второй класс — война большая уже полыхала,— мать перевели сначала в Селенгинский аймак, потом на лесозаготовительный пункт у реки Иро. Школы ни там, ни там не было. Пас я быков, был подсобным рабочим, возил на телегах сено, уголь — так до 1945 года. И опять не учился. Были у меня всего-навсего две книжечки: «Барон Мюнхгаузен» да Сетон-Томпсон. Обе эти книжки я и сейчас наизусть знаю... Газеты были. Вряд ли стоит пересказывать, что значила для нас в те годы газета.

За войну я многое понял. Злость к фашистам большая у нас была. В 1945 году приехали в столицу — и сразу я — в офицерскую школу имени Сухэ-Батора. Прошу принять. Настаиваю. Мне говорят: надо хотя бы четыре класса окон-

чить, а у тебя два. Я снова прошу. Допустили к экзаменам. Экзамены — письменный и арифметика.

Преподаватель после экзаменов сказал: хотя и плохо знает родной язык, но слишком силен в арифметике, чтобы не принять. Приняли... У тебя какие отметки? — спросил вдруг черноглазого мальчика Санжмятав.

Тот замялся.

— У меня тоже сначала очень плохо шло. Ведь я знал старую монгольскую письменность, а в школе новая уже была, и сначала было очень трудно. Со второй только половины года стал учиться почти на «хорошо», с третьего и до конца школы — «отлично». Последние три года был чойбалсановским стипендиатом.

Ну, дальше все, как обычно,— заторопился вдруг Санжмятав.— В 1951 году окончил школу с отличием, потом курсантом в техническую группу авиационной секции Объединенного военного училища. В свободное время немного маслом писал, углем портреты товарищей делал. Очень увлекался математикой. В шахматы играл, даже армейским чемпионом в 1956 году стал. Читал... «Как закалялась сталь» Островского. Хорошая книга, советую, чтобы и для тебя она стала настольной. И стихи Чимида почитай... Ну, в училище, понятно, тоже стипендиатом был все три года. В 1952 году вступил в партию, а к 1954 году окончил училище с отличием... Кстати, как ты думаешь, кем бы я был в старой Монголии, с князьями и батраками? И почему люди вступают в партию?..

Что еще рассказать? Всего два года были мы военными летчиками. Летали на «ПО-2», на «ЯК-12», а с 1956 года я и все мои товарищи летаем в гражданской авиации. Практику проходил я в Советском Союзе, в Ульяновске; в Иркутске стажировался на «ИЛ-14». Возил почту между Иркутском, Хабаровском и Якутском, летал на линии Иркутск — Москва. Когда вернулся на родину, приходилось летать в Ханой и в Ташкент. А больше летал у себя в аймаках.

— У вас все это получается слишком легко,— сказал я Санжмятаву.

— Да ведь действительно стало летать куда спокойнее,— отозвался Санжмятав.— Конечно, в западных аймаках и сейчас бывает трудновато. В горах иногда даже при нормальном грузе высота не берется. Приходилось приземляться. Ну, и грозы бывают... Но сейчас совсем, совсем не то, что было три-четыре года назад. Связь со всеми аймаками настолько хороша, что, собственно, опасностей нет. Случается, конечно, и в облаках лететь. Но аэродром сообщит все, что надо. Словом, работа как работа. Вот на «ИЛ-18» учиться хочу.

— Работа как работа? — переспросил я. Мне вспомнился короткий рассказ Бадарчи о Санжмятаве, и я посмотрел на черноглазого мальчика: очень ли он разочарован? Но он, видимо, многое понял из рассказа, понял и то, что было недоговорено Санжмятавом, потому что сидел, сдвинув брови и задумавшись. Потом застенчиво спросил:

— А мать?

— А мать на пенсии. Недавно я ее в туристскую поездку отправлял. В Москву и в Ленинград.

Санжмятав повернулся ко мне и спросил:

— Вы с Дашдоржем не разговаривали? Он тоже командир корабля «ИЛ-14». Только намного старше меня. Я вам расскажу старую, как мир, и новую историю.

Несколько десятков лет назад нойон — князь — решил отобрать у простого арата любимую. И отправил его далеко на Алтай. На пограничную службу. Если молодой арат нарушит волю князя, ему отрубят голову. Арат нарушил волю князя, вернулся с Алтая. А здесь свадьба. Сын князя женится на той самой девушке. Арат поет, и она слышит его голос, выходит к нему из-за занавески. Его ловят. Вешают. Но другие араты успели перерезать веревку и повесили не арата, а сына князя. А арат уехал с любимой.

Пьесу об этом написал Дашдорж, командир самолета «ИЛ-14». Сам сочинил к ней музыку, и она шла много раз в театрах страны... Каждый монгол знает песни Дашдоржа. Писал он и драмы, и они шли в театрах. Играет на всех музыкальных инструментах.

Он, Дашдорж, во время Халхин-Гола добровольцем пошел в армию, летал на всех истребителях, которые были в Монголии. Летал и на всех типах легких самолетов, начиная с «У-2» и кончая «АН-2». Тушил пожары, перевозил почту, работал извозчиком «Скорой помощи». Сколько больных он спас! В 1954 году за шестьсот километров отсюда, у озера Гурваннуур заболела девочка. Нужна была очень срочная операция. Наводнение разрушило паром на реке Онон. Самолеты никогда не летали туда. Полетел Дашдорж. Рации никакой. Компас и карта. Погода отвратительная. Лимузин трехместный — «ПО-2». Снижался, чтобы землю не потерять из виду. Как он сел на этой маленькой площадке, непостижимо. Но сел. На борту — врач и сестра. Девочке сделали укол пенициллина, положили ее в багажник. Взлетел. Дождь. Проливной дождь. Идут обратно, в Улан-Батор. Вдруг машина не берет высоту. Нашел еще одну площадку, сел. А самолет такой: деревянный каркас оклеен материей — перкалем. А клей — эмалит. Смотрит, на одном крыле обшивка из перкаля треплется по ветру — часть кромки сорвало непогодой. Дашдорж нашел гвозди, забивал, держа остальные гвозди в зубах. Забил все, поднялся в воздух и дотянул до Улан-Батора. Девочке сделали операцию. Сейчас она студентка.

Я не знаю, смог ли бы я совершить такое. Но я знаю одно. Вы спросили о мечте. Я мечтаю быть таким же умным, спокойным и интеллигентным по весьма большому счету человеком, как Дашдорж... Хотя пьесы мне не написать и музыки не сочинить...

А я смотрел на Санжмятава и, снова размышляя о школе характера, думал о том, почему самое лучшее о монгольских пилотах я узнавал не от них самих, а от их товарищей... Может быть, в этом и заключается самое лучшее в их характере? Ведь я уже встречался с Дашдоржем, но от него я ничего не узнал ни о творчестве Дашдоржа, ни о девочке, спасенной им. Дашдорж мне говорил о летчиках Лхагважаве, Радна и многих других... И о том, о чем он рассказывал, надо обязательно написать, но это уже будет не очерк, а большая повесть.

Распрощавшись с Санжмятавом и черноглазым мальчиком, я стал искать попутную машину, чтобы добраться от аэропорта до Улан-Батора. Мне опять повезло. В Улан-Батор как раз собирался ехать Дашдорж, он и подвез меня на своей «шкоде». В дороге я спросил у него о пьесах, сочиненных им. Он улыбнулся:

— Были такие грехи молодости.

Потом, когда Дашдорж покончил в городе с делами, мы спустились к реке Толе. Был вечер. В нежно-сиреневом мареве таяли дальние горы. Река чуть перезвякивала камешками. На голубом, очень прозрачном небе повис бледный серп луны. Мы лежали на взгорке, Дашдорж закинул руки за голову.

— У вас, журналистов, беспокойная профессия,— сказал он.— У нас спокойнее.

Я повернул голову к нему: не смеется ли? Нет, он в этот вечер был скорее грустен, чем весел. Седые виски над загорелыми скулами. Мерно подрагивала жилка у виска.

— Вам бы пошло пенсне в золотой оправе,— сказал я.

Дашдорж засмеялся.

— У нас, в пустыне Гоби, где прошло мое детство, был лама. Монах. Он носил не очки, а пенсне, и это было смешно.

Он помолчал и снова заговорил негромко:

— Меня тоже готовили в монастыре на ламу. Говорилось так: в каждом ущелье должен стоять монастырь, в каждой семье должен быть лама... Производительные силы и производственные отношения... Знаете ли вы, что в Монголии времен моего детства сорок процентов мужчин были ламами?.. Взяли меня из бедняцкой семьи пяти лет и до тринадцати лет дрессировали в монастыре, чтобы стал я ученым ламой. На мое счастье, пришла в страну народная власть, и я убежал из монастыря. Учился. Старался учиться как можно больше. Жадный был до учения. Очень любил музыку. И всегда помнил о старой монгольской, в общем нехитрой мудрости: на телеге зайца не догонишь. Может быть, поэтому и решил стать летчиком. Почти сразу после того, как Валерий Чкалов слетал через полюс в Америку... Нам-то ведь не зайца догнать надо было, а перегнать время. Посмотрите сегодня на Африку... Мы ведь были той страной, которая предметно показала, как от страшной нищеты, от изуверского феодализма можно сделать короткий и быстрый бросок в социализм. Вы, наверно, простите мне мою гордость, но история сложилась так, что именно мы после Советского Союза первыми встали на путь социализма. Разговаривал я как-то с английским пилотом, ему скучно было слушать про политику. Но в этой политике моя жизнь и жизнь моего народа... Древняя, как мир, Азия... Она скоро будет очень новой, Азия. И уже становится новой и начинает играть совсем не ту роль, какую предназначил ей Киплинг... Он очень заблуждался, Киплинг.

Знаете, летишь над страной. Петь во время полета нельзя. Смотришь вниз. Прекрасные степи, степи и холмы Монголии — нет им ни конца, ни края,— край уходит в Гоби и продолжается дальше, и снова нет ему края... А здесь, у Алтая, вдруг среди гор — река, а у реки, в обрамлении лесов,— заплатка желтого песка. А река извивается, выписывает свои узоры, раздваивается, троится, обегает вокруг островов, и снова смыкается, и течет дальше. Селенга-река, Селенга... Облака, как миражи, таинственные и недоступные, а иногда почти такие же вещественные, как толстяки с гравюр Доре. Но вот ты ведешь свой самолет все ближе, ближе к этому облаку, и начинает таять колеблющийся мираж, вгрызаешься в него своими крыльями и всем телом светлой, прочной, обтекаемой машины. И миража больше нет, он позади остался, а впереди — снова родные холмы Монголии и степь со спокойными зелеными квадратами и прямоугольными, к самому небу простершимися полями. Ведь раньше не было этих квадратов и прямоугольников на карте моей страны... А потом столица с ее новостройками и заводами... Уже темнеет. Поедем в город?



Санжмятав и Бадарчи.

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

В. ПОНОМАРЕВ

Инструментальный цех Минского автозавода. Рабочий день в разгаре. Мы шли по цеху, стараясь не помешать невзначай сосредоточенным людям, хлопотавшим у станков. И вдруг остановились: девушка, работавшая на фрезерном станке, подняла голову и посмотрела на нас. Невозможно было не остановиться: уж очень молодо и весело сверкали ее глаза! Мы спросили, что так радует ее.

...Еще год назад она была школьницей. После десятилетки немножко погрустила по вузу: не попала... А потом переехала из своих Осиповичей в Минск, к старшей сестре, Марии. По ее примеру пошла на завод. Теперь фрезеровщица. Настоящее-то мастерство еще впереди... Но уже сейчас на заводе ей все интересно! Здесь такой дружный коллектив: каждый всегда поддержит товарища...

Что ни день, новые впечатления, новые знакомства, новые открытия: то, к чему другие давно привыкли, для Ольги Гришанович, только-только переступившей порог самостоятельной жизни, открытие.

Оля много рассказывала нам о своих товарищах, о примеченных ею, новых для нее чертах заводской жизни, и мы, вооруженные фотоаппаратом, шли по следам ее рассказа.



— Учебный год имеет у нас свою примету: в заводских общежитиях, в красном уголке появляются студенты Белорусского университета. У нас к этому уже привыкли, тем более что нередко бывает так: нынешний студент — это вчерашний рабочий.



— На заводе большинство — молодежь, и учеба — наша забота. Вот собрались три девушки. Станочница цеха шасси Юлия Михолап с медалью окончила среднюю школу, учится на четвертом курсе политехнического института, недавно ее приняли в партию. Роза Беспояско — комсорг цеха, тоже кандидат в члены партии и тоже учится в институте. А контролер ОТК Нина Башаринова окончила среднюю школу и пока еще нигде не учится. Разве не ясно, о чем идет речь? «Поступай, поможем, поддержим, Нина!»



— Когда решали мою судьбу, сестра сказала: «Поступишь на завод, увидишь, какие у нас славные люди!» Я не раз подолгу стояла у проходной и все всматривалась в заводскую толпу. Шли люди как люди, и ничего особенного я тогда не разглядела в них. Потом я поняла: это видится не сразу, хотя проявляется порой в самых простых вещах.

Юрий Михайлович Смирнов — пропагандист. К нему, бывает, обращаются с таким, чего отцу, матери не всегда доверишь. Он инженер, а в человеческой душе разбирается не хуже, чем в машинах. Поговоришь с ним, словно книгу прочтешь. И жизнь и работа твоя оказываются такой важной, нужной людям! Литейный цех передовой на заводе. Как хотите, но в этом заслуга и пропагандиста.

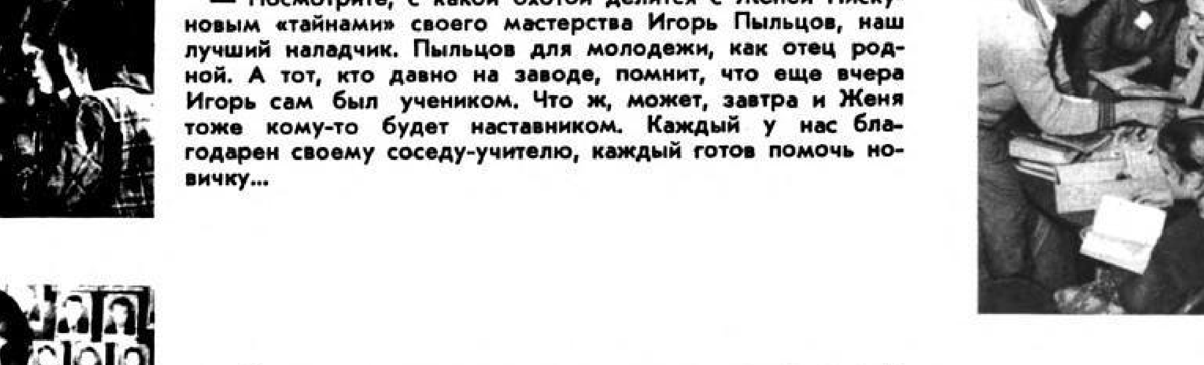


— Сейчас проходят последние испытания новые грузовики с маркой нашего завода. Машины оказались мощными, быстрыми, экономичными, надежными, комфортабельными. Все это технические характеристики, говорящие о том, что новые «МАЗы» удались, но есть и другие характеристики — людей, их добрых отношений друг к другу...



— Зайдем, например, в экспериментальный цех. Вот собирается опытный автомобиль. Слева — слесарь-сборщик Александр Горовой. Справа — инженер-конструктор Константин Ястремский. После работы он пришел в цех. Засучив рукава так увлекся работой, что конструктора не отличишь от сборщика...





— Посмотрите, с какой охотой делится с Женей Пискуновым «тайнами» своего мастерства Игорь Пыльцов, наш лучший наладчик. Пыльцов для молодежи, как отец родной. А тот, кто давно на заводе, помнит, что еще вчера Игорь сам был учеником. Что ж, может, завтра и Женя тоже кому-то будет наставником. Каждый у нас благодарен своему соседу-учителю, каждый готов помочь новичку...



— Одни на доске почета задерживаются долго, другим не везет. Проходя мимо доски, мы почему-то всегда одинаково острим, желая друг другу «счастливых» фотографий.



— Это уже вошло в наш быт — строительство жилья с участием самих новоселов. Тут тоже не обходится без дружеской солидарности. Отработать необходимые дни на стройке конструктору Ивану Денисевичу помогли его товарищи по отделу Василий Лисовский и Юрий Беленький.

У Ивана Денисевича новая квартира, и друзья частенько собираются у него...



— Надежда Воробьева вышла замуж и уезжает к мужу. Ее нет на этом снимке: она уже на вокзале. А друзья — Рая Кобцова, Валя Коваль, Виктор Михайловский и Анна Шелех поменялись сменами ради того, чтобы проводить подругу.



— Одна собака на двоих! И за много лет они ни разу не поспорили до ссоры! Скажете: охотничьи байки! Но это факт: контролер ОТК автоприцепного цеха Владимир Ильич Соловьев и слесарь-сборщик цеха шасси Геннадий Никитич Ветров действительно держат одну собаку на двоих, и это ничуть не мешает их охотничьей дружбе...



— Квартиру Зинаиды Петровны Кузнецовой соседи называют филиалом библиотеки. Это отзывчивая, милая женщина. Она всегда в курсе запросов своих читателей. И пока одни работают на заводе, другие слушают лекции в аудитории, она уже побывает в библиотеке и возьмет нужные для них книги. Дело, кажется, пустячное: библиотека не за горами. Однако токарь Сергей Курган, контролер ОТК Ольга Ольшевская, ученица шестого класса Тамара Дроздова и другие соседи по дому весьма благодарны хлопотливой хозяйке «библиотечного филиала»: много времени экономится...

* * *

Вот несколько эпизодов из рассказа Ольги Гришанович.

Инженер Юрий Михайлович Смирнов — лучший пропагандист завода.

Фото М. САВИНА и А. ДИТЛОВА.

Новые машины проходят государственные испытания.

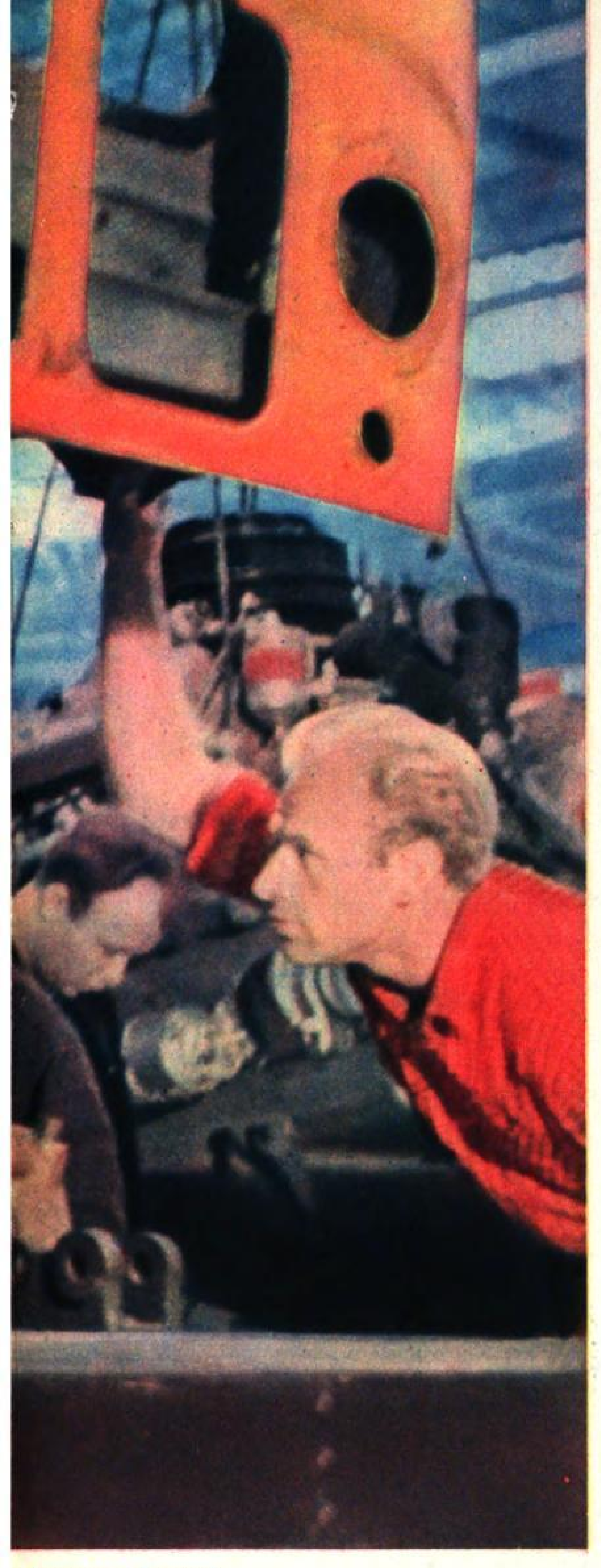
В экспериментальном цехе собирается опытный автомобиль. Справа — инженер-конструктор Константин Ястремский, слева — слесарь-сборщ

У Доски почета инструментального цеха.



В заводское общежитие приехали шефы — студенты Белорусского университета.







к Александр Горовой.

Фрезеровщик Женя Пискунов перенимает «тайны» мастерства у наладчика Игоря Пыльцова.

У них разные специальности, но много общих интересов. Слева направо: фрезеровщица цеха шасси Юлия Михолан, токарь Роза Беспояско и контролер ОТК Нина Башаринова.



Конструктор Иван Денисевич (слева) получил квартиру в новом доме. Строить этот дом помогали товарищи по работе Василий Лисовский и Юрий Беленький.



Рая Кобцова, Валя Коваль, Виктор Михайловский и Анна Шелех торопятся на вокзал проводить подругу.

Друзья отправляются на охоту — контролер ОТК Владимир Соловьев и слесарь-сборщик Геннадий Ветров.

Равноправный партнер

З. Ф. ЧУХАНОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В Программе нашей партии говорится: «Электрификация, являющаяся стержнем строительства экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в осуществлении всего современного технического прогресса». Это требует развития новой науки, ставящей энергетику во главу угла, при создании всех технологических процессов в любых отраслях промышленности — энерготехнологии.

Мы, энергетики, хорошо знаем, что почти все существующие технологические процессы требуют большого количества тепла для получения конечного продукта. Причем тепла куда больше, чем это действительно необходимо. Современная технология, образно говоря, ведет себя, как кутила и мот. Вот пример: для производства тонны стали, по теоретическим расчетам, требуется $^{1}/_{3}$ тонны условного топлива. На самом же деле его расходуется в пять-шесть раз больше. Почему?

Производство стали сейчас очень сложно. На обогатительной фабрике руду дробят, а затем отделяют пустую породу. Руда получается в виде пыли. Поэтому ее агломерируют, то есть в специальных печах спекают в большие черные куски. Потом их дробят и загружают в домну.

На производство агломерата затрачивается значительная тепловая энергия. Еще более сложный путь претерпевает уголь, прежде чем превратиться в кокс.

Другой пример. Перейдем к финалу современного металлургического производства — прокатному стану. Под грохот и лязг по рольгангу летит сляб — глыба раскаленного металла. Проходя между валками, она деформируется, становясь двутавром, швеллером или рельсом. Одновременно с этим металл охлаждается.

А его начальная температура была порядка 800—1 000 градусов. Если же учесть громадную производительность современного прокатного стана, то станет ясно, что колоссальное количество тепловой энергии уходит в воздух.

Я привел лишь два примера, взятых наугад из всего существующего цикла производства стали. Очевидно, что современная металлургия не может обойтись той самой скромной третью тонны условного топлива, которая, по расчетам, необходима для производства тонны стали.

И таких «энергетических обжор» мы можем встретить почти во всех областях современной техники.

Это в первую очередь относится к тем отраслям промышленности, развитие которых пойдет в предстоящем двадцатилетии особенно быстрыми темпами. Я имею в виду металлургию, химию и строительные материалы.

Известно, что обжорство до добра не доводит. «Энергетическое обжорство» особенно вредно для народного хозяйства. Оно чревато экономической неэффективностью, резким перерасходом остродефицитных и дорогостоящих видов топлива, запасы которых во всем мире относительно невелики, как, например, коксующиеся угли.

Я считаю, что с дальнейшим увеличением производства все основные и вспомогательные технологические процессы претерпят качественное изменение. Если раньше в технологических процессах энергетика играла вспомогательную роль, то теперь, говоря языком дипломатии, она должна стать с технологией равноправным партнером, заключившим с нею «союзный энерготехнологический пакт».

Тогда будет сэкономлена энергия и комплексно использованы все возможности для получения наибольшего количества ценных продуктов.

Как мыслится мне будущая энергометаллургия? На смену агломерационным печам, коксовым батареям и домнам придет новая технология и, следовательно, новая техника. Это сэкономит очень большое количество тепла.

Вместо же домны будет применена специальная печь, или, как мы ее условно назовем, «высокотемпературный факел». В отличие от домны такой факел потребляет любое горючее: уголь, природный газ, жидкие топлива и даже торф. В эту печь вдувают пылевидную руду и, например, измельченный уголь. В факеле образуется газ, восстанавливающий железо в руде, которое скапливается в расплавленном виде в нижней части печи. Сам же газ, имеющий, кстати, очень высокую температуру, из печи направляется непосредственно в топку котлов электростанции, где сжигается для производства пара и электроэнергии. Шлак — отход металлургического производства — используется для получения первоклассного цементного клинкера.

Итак, энергометаллургический комбинат будет представлять собой органически связанный комплекс электростанции и металлургического завода. Топливная электростанция мощностью, скажем, в миллион киловатт на таком комбинате будет объединена с заводом, выпускающим примерно два с половиной миллиона тонн стали в год. Следовательно, пять энергометаллургических комбинатов с электростанциями мощностью по 2 миллиона киловатт смогут ежегодно давать стране 60—70 миллиардов квтч электроэнергии, 25 миллионов тонн стали, 15 миллионов тонн цементного клинкера.

При этом стоимость металла снизится в два раза и, что особенно важно, общие капиталовложения в производство стали уменьшатся почти во столько же. Только по предварительным подсчетам, это даст ежегодную экономию более 500 миллионов рублей.

За примерами далеко ходить не надо.

Возьмем Краснодарский край. Запасы Керченского месторождения обеспечат будущий энергометаллургический комбинат рудой. Краснодарский газ явится идеальным топливом. Это уже металл и ток. Но не только. Известно, что керченская руда содержит значительное количество фосфора. На энергометаллургическом комбинате этот фосфор позволит получать сельскохозяйственные удобрения. Природный газ даст возможность широко развернуть производство синтетического каучука, капрона и т. д. Итак, энерготехнологический комбинат будет давать буквально все: сталь и ток, автопокрышки и нейлоновые шубки, сельскохозяйственные удобрения и цемент. И все это можно создать с минимумом затрат, ибо энерготехнология по своей сущности предельно экономична.

Но не только в этом значение энергометаллургии и вообще энерготехнологии. Она, создав новые методы производства, открывает возможность изменить географию промышленности. Так как для энергометаллургии пригодны широко распространенные пылеватые и сравнительно бедные железом руды, то новый метод позволит создавать металлургическую промышленность в любом районе страны. Топливом будут служить любые угли, природный газ, жидкое топливо и даже фрезерный торф.

Естественно, что это изменит топливный баланс страны. Роль углей, нефти, газа и фрезерного торфа увеличится. А другие виды топлива, как, например, продукты подземной газификации, кусковой торф, ряд бурых углей шахтной добычи, некоторые месторождения нефти не получат дальнейшего развития как экономически не оправданные.

В Программе нашей партии так и указывается: «Менее эффективные виды топлива и энергетики, сырья и материалов будут все более вытесняться высокоэффективными, причем резко возрастет их комплексное использование».

Внедрение энерготехнологии во все области промышленности приведет в действие гигантские резервы и даст стране огромную экономию.

Находка доктора Лики

В печати сообщалось о находке в Танганьике костей человека, жившего миллион семьсот пятьдесят тысяч лет назад. Корреспондент журнала «Огонек» обратился к директору Научно-исследовательского института антропологии Московского государственного университета, кандидату биологических наук Всеволоду Петровичу Якимову с просьбой прокомментировать это сообщение.

— Речь идет о находке, сделанной английским антропологом доктором Лики, — сказал Всеволод Петрович. — Лики долгие годы работал в Кении, занимаясь исследованием древних местонахождений человека в Восточной Африке.

Находка доктора Лики представляет бесспорный интерес, так как любая находка подобного характера уникальна.

Но ни в одном из научных журналов до сих пор не появилось каких-либо сведений о том, что же представляют предметы, найденные вместе с черепом.

Мы, советские антропологи, склонны предполагать, что Лики нашел кости черепа не человека, а высокоразвитой человекообразной обезьяны, сходной с так называемыми австралопитеками — двуногими ископаемыми обезьянами, обитавшими в Южной Африке несколько миллионов лет назад.

Согласно систематике, все люди — ныне живущие и ископаемые — включаются антропологами в одно семейство гоминид (от слова «гомо» — человек).

Ископаемые человекообразные обезьяны относятся к другому семейству — понгид.

Однако за последнее время многие западные антропологи включают в семейство людей и некоторых человекообразных обезьян, приписывая им даже способность изготовлять примитивные орудия.

Подобная идеалистическая концепция находится в противоречии с фактами. Еще Фридрих Энгельс говорил, что ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо каменного ножа. Австралопитеки — высокоразвитые обезьяны, жившие несколько миллионов лет назад, — могли только использовать природные предметы: палки, камни, обломки костей животных — в качестве орудий.

Все данные современной археологии и антропологии, — сказал в заключение Всеволод Петрович Якимов, — не дают никаких оснований для признания за человеком более раннего существования, чем один миллион лет.



Английский антрополог доктор Лики со своей находкой.

ОТЛИЧНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Н. ХРАБРОВА

Фото Г. САНЬКО.

Да, отличная это должность — заботиться о людях!

Фердинанду Рудольфовичу Лиепа повезло: он заботится о людях не только по велению сердца, но и по долгу службы, потому что работает начальником Управления бытового обслуживания Рижского горисполкома. Фердинанд Рудольфович знает о всех новинках службы быта в наших больших городах и за пределами Советского Союза. Ему нравится, например, как поставлено дело бытового обслуживания в Чехословакии, и он собирается кое-что перенять у чехов.

А может быть, бытовые услуги — пустяки в большом и сложном хозяйстве города? Нет, в Риге бытовое обслуживание считается серьезным делом — в одном ряду со строительством, с развитием промышленности, с просвещением. Ведь все это, вместе взятое,— для человека, для того, чтобы ему было лучше и удобнее жить. Правда, и здесь было время, когда так называемая бытовка имела нескольких хозяев, все складывалось, как в пословице «У семи нянек дитя без глазу». Теперь же 470 различных рижских мастерских и организаций бытового обслуживания с их 170 видами всяких услуг — предмет заботы целого управления. И многое изменилось в Риге.

...Бывает так: давненько куплен кусок красивой материи на платье, костюм или пальто, выбран элегантный фасон, и... лежит все это в долгом ящике! Никак не решишься пойти в ателье: заранее знаешь, что там большая очередь либо вовсе временно прекращен прием, и заранее боишься всяких волокит с примерками. А в Риге вот как все может устроиться: в один прекрасный день на дверях учреждения, в котором ты работаешь, появляется объявление: «Такого-то числа у нас будет в гостях выездная группа ателье мод. Товарищи, желающие шить платья, пальто и костюмы, готовьте отрезы и записывайтесь в профкоме». И тут же, буквально «без отрыва от производства», закройщик снимет мерку, художник уточнит детали фасона и даст хороший совет. Оформляется заказ, и назначается день первой примерки. И это вовсе не единичный приятный случай: только в нынешнем году ателье мод принимали заказы на 80 предприятиях Риги! Двести тысяч заказов на заводах, фабриках, в отделе тканей рижского универмага, где постоянно дежурит закройщик! Работники мастерских химчистки тоже выезжают на предприятия и принимают одежду в цехах, заранее оповещая о дне своего появления.

Добрая это услуга тем, кто днем занят на работе, не правда ли?



Мама спокойно может идти в кино. У Степы появился новый друг — Анфиса Николаевна.

Окномой. Есть и такие специалисты в комбинате бытовых услуг.



Есть в Риге такой телефон: 2-52-61. Если позвонить по этому телефону, откликнется Яков Адамович Кандовский, начальник цеха бытовых услуг очень полезной организации— «Ригас экспрессис». К Якову Адамовичу обращаются в разных затруднительных случаях. Например, настала пора перевозить с дачи семью. А городская квартира за это время запылилась и требует основательной уборки. Но все члены семьи работают, убирать некому. Что делать? Звонят в «Ригас экспрессис». Яков Адамович подробно расспросит, чем его организация может быть полезна, и пошлет к вам помощь. Она появляется в лице опытной уборщицы, чаще всего это Аделина Антоновна Леонова, которую хорошо знают и просят в помощницы многие рижские хозяйки. Придя на место, Аделина Антоновна быстро обряжается в свой рабочий цветной сарафан, вооружается тряпками и щетками и, не жалея воды, мыла и собственных усилий, быстро наводит лоск в потускневших за лето квартирах рижан: стирает пыль со стен и потолков, моет пол. А если пол паркетный, об этом тоже надо сказать Якову Адамовичу, и он направит к вам ловких полотеров, великих специалистов своего дела: уж они-то с помощью стружки и мастики наведут на паркет истинно зеркальный блеск. Если у вас в квартире очень большие и высокие окна, справиться с которыми женщине трудно, следует попросить Якова Адамовича, чтобы он выслал окномоев,— есть и такая специальность!

Само собой разумеется, что такую уборку можно сделать не только в честь переезда с дачи, а в любой день, в том числе и перед праздниками, но в этом случае надо позвонить Якову Адамовичу заблаговременно.

Ну, а как быть в таких затруднительных случаях, если надо идти на день рождения, если хочется пойти в театр, если идет хороший фильм, а вам не с кем оставить ребенка? Тоже надо позвонить по этому же телефону! И вот в назначенное время у вас в квартире появляется невысокая, худенькая, очень подвижная и веселая женщина.

— Воспитательница Анфиса Николаевна Новохацкая,— представляется она.— Теперь вам, кажется, можно и уходить в кино.

Но бывает и не так просто: вы то рады Анфисе Николаевне, а ваш сын вовсе не рад: он не желает никуда отпускать родителей и оставаться с чужой тетей.

— Ну что ж,— миролюбиво говорит Анфиса Николаевна,— будем каждый сам по себе: ты останешься один, а я тоже буду одна. Только дай мне, пожалуйста, твои игрушки: я поиграю.

Ого, это уже интересно! У ног Анфисы Николаевны ложатся кубики, медвежата, заводные автомобили — словом, все сокровища маленького хозяина. И вот она уже строит из кубиков такой волшебный замок, что глаз оторвать невозможно! И заупрямившийся человечек уже нетерпеливо ждет, когда уйдут родители, кончатся их длинные наставления и можно будет строить дом вместе с тетей. Потом начинается игра в пятнашки, потом приходит время тихих игр, а потом рассказываются сказки...

Утром родители слышат вопрос: «А когда тетя Анфиса снова придет к нам играть?»

У Анфисы Николаевны позади курсы дошкольного воспитания и опыт работы в детском саду. Она по-настоящему любит ребят, умеет весело и ловко справляться с любым их настроением и заинтересовать занятной выдумкой.

Комбинат «Ригас экспрессис» подыскивает новых нянь и воспитательниц: уж больно велик спрос на них.

Организаторов бытового обслуживания в других городах, вероятно, заинтересует вопрос: как же оплачивается труд воспитательницы? Ведь надеяться только на сдельную оплату нельзя: сегодня есть вызовы, завтра может и не быть. А «Ригас экспрессис» и не надеется: комбинат выплачивает воспитательнице постоянную зарплату.

— Каковы ваши планы, на какие ваши услуги в будущем могут рассчитывать рижане? — спросили мы Ф. Р. Лиепа.

На этот вопрос Фердинанд Рудольфович ответил:

— Будем выполнять просьбы — будить людей ночью или утром рано к поездам, самолетам, к началу смены. Будут у нас посыльные, которые доставят по нужному адресу цветы, подарки, срочные поздравительные открытки и записки. Собираемся создать специальное бюро для обслуживания молодоженов — по примеру чешской «Сватки»: снабдим свадебный стол посудой напрокат или сервируем его полностью, предоставим свадебному поезду транспорт, посоветуем, какие преподнести подарки, и даже сможем снабдить свадебными нарядами напрокат — ведь эти дорогие наряды бывают нужны человеку только раз в жизни, стоит ли их шить? Вероятно, лучше нарядиться в наши, ну а мы уж постараемся, чтобы они были чудесными!

Хорошо, что Рига становится городом добрых услуг.

ОГОРЧЕНИЯ МИСТЕРА КЛОДА ТОДДА

Рассказ

Камерон ДУОДУ

Молодой ганский писатель Камерон Дуоду родился в 1937 году. Окончив начальную школу, он не смог получить дальнейшее образование: отец его, крестьянин, не в состоянии был платить за обучение. Учился самостоятельно и к девятнадцати годам начал работать в печати, затем на радио Ганы. С конца 1960 года — редактор иллюстрированного журнала «Друм» («Барабан»), выходящего в Аккре на английском языке.

Тяготение к литературному творчеству пробудилось у Камерона Дуоду уже с юношеских лет. В 1956 году он написал первый свой рассказ, за которым последовали другие. Сейчас работает над романом из жизни своей родины.

Камерон Дуоду дважды побывал в Советском Союзе: в 1958 году на Ташкентской конференции писателей Азии и Африки и в 1961 году — по приглашению Ассоциации советско-африканской дружбы.

Рисунки В. ГОРЯЕВА.



1

Если бы кто-нибудь пришел ко мне и сказал: «Твой друг Кофи Аманинг в страхе бежал от деревенской старухи»,— я высмеял бы этого человека. Я сказал бы ему: «Ты сам, друг мой, «оконконсани»,— так ганское племя акан называет людей, которые сеют небылицы и мешают дружбе между людьми».

И еще я сказал бы: «Кофи Аманинг — не из тех, кого можно заподозрить в чем-нибудь подобном. Он образованный юноша. Он окончил лучший в Гане лицей Ачимота и в науках чувствует себя, как рыба в реке. Он знает физику и историю и другие важные вещи, от которых только трещит голова у таких парней, как я. Кофи испугался! Вы думаете, ему могли привидеться духи или прочая чепуха?»

Но, увы! Это действительно случилось. На моих глазах. Кофи Аманинг со всех ног бросился наутек от маленькой, согнутой вдвое старушки!..

Было все это так.

Аманинг приходит ко мне и говорит:

— Кваджо, ты ведь знаешь: я получил хорошие отметки на выпускных экзаменах в лицее.

— Да,— подтвердил я.— У тебя «А» по математике, естественной истории, по английскому и, кажется, по географии.

— Нечего тебе размазывать,— нетерпеливо сказал Кофи.— Еще бы ты не знал моих отметок!

— Ладно, ладно, я не хотел вас обидеть, сэр,— сказал я насмешливо.

Но Кофи уже рассказывал, что его добрый друг, мистер Клод Тодд, преподаватель физики из Ачимотского лицея, выхлопотал ему стипендию в Оксфорде, и он сможет продолжать учение в Англии. Беда только, что нет денег на поездку. И вот он, Кофи, просит меня как друга отправиться с ним в его родную деревню и помочь убедить его родителей выложить нужную сумму.

— Кофи! — сказал я.— Ты сам рассказывал, что твой отец чуть ли не разорился со своей лавчонкой там, в деревне. Неужто он станет покупать тебе билет на самолет до Лондона?

— Ты не знаешь этих старых хрычей! — закричал Кофи.— Вот, например, если помер бы отцов двоюродный брат, который теперь в больнице в Кофоридуа, клянусь волосами на моей голове, отец устроил бы такое погребение, что сам деревенский вождь затрясся бы от зависти. Но попробуй выпросить у него три шиллинга, нужные тебе до зарезу,— он запоет, что разорен и нищ...

— Ладно,— прервал я его.— Но скажи мне, Кофи, зачем тебе ехать в Оксфорд? У нас в Гане есть собственный университет. А ты все твердишь: Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Гарвард, на что они тебе?

— Ну, не тупица ли ты! — Кофи Аманинг произнес это мягко, решив, видимо, терпеть до конца мое невежество.— Вот послушай: слово «Окс.» ставится вслед за твоим ученым званием; если ты подписываешься, например, Б. А.[1] (Лонд.) или Б. А. (Гарв.) — это не плохо, но для почета ничего нет лучше, чем «Окс.». С этим ты получишь любую должность. И потом оксфордский акцент! Это тоже ценится высоко... Нет, мне подавай «Окс.»!

Признаюсь, Кофи и меня немного заразил своим преклонением перед Оксфордом. Я с детства знал это слово — оно было напечатано на обложке учебника, по которому меня учили английскому языку. И вообще слова «Оксфорд», «Кембридж», словно магическое заклинание, вызывали во мне священный трепет. Так, я думаю, было и с другими моими сверстниками, школьниками Ганы.

Словом, я отправился с Аманингом в Агиепомаа, его родную деревню. Я даже по дороге мысленно составлял речь, обращенную к родителям Кофи; в ней я красноречиво уверял их, что деньги разумнее тратить не на роскошные похороны, а на живого сына; что мертвецу даже будет лестно, если молодежь приобщится к свету знания...

Почему я поступил так? Я думаю, из чувства дружбы. Мы с Кофи Аманингом были друзьями с самого детства. От моего родного городка Азиаквы до его деревни — не больше трех миль. Правда, туда хорошей дороги не было, но три мили — пустяк для мальчишки из племени акием! Поэтому в начальной миссионерской школе мы с ним учились вместе, у нас в Азиакве.

Мы были неразлучны! Вместе «жевали наизусть» длинные куски из священного писания — наши английские учителя называли это «законом божьим». Они внушали нам, что, заучивая эти тексты, мы укрепляем себя в христианской вере. Чтобы сделать эту веру еще прочнее, нас колотили бамбуковой палкой, если мы сбивались при чтении. Я думаю, что учителям доставляло удовольствие обрабатывать наши спины, хотя они объясняли, что делают это во имя бога. Словом, христианская вера с самого детства нам не очень нравилась...

И мы с Кофи Аманингом при первой возможности убегали с урока, забирались на апельсиновые деревья и так наедались сладкими плодами, что наши штанишки неделями пахли апельсиновым соком. Потом мы потихоньку пробирались в класс, стараясь попасть к концу «закона божия» и к началу арифметики; но «закон божий» часто занимал время, отведенное на арифметику и английский язык: перед ним отступали все науки.

Иногда нам удавалось стащить на рынке кусок резины у зазевавшегося торговца. Тогда нас ожидали удивительные развлечения, и мы исчезали из школы на целый день. В зарослях мы срезали ветку с двумя отростками в виде английской буквы «У», прикрепляли к каждому из рожков резинку, а между отрез-

[1] Бакалавр искусств (англ.) (примеч. переводчика).



ками резины прилаживали кусок кожи — и грозное орудие охоты было готово. Оставалось только положить на кожаный кусок гладкий камень и ждать, когда на дерево сядет птица. Когда это случалось, охотник долго целился и спускал тетиву. Увы, обычно камень пролетал мимо жертвы! Но бывали случаи, когда он попадал в цель. Мы слышали глухой удар, жалобный крик птицы — и она тяжело падала на землю, теряя перья. Нам очень нравилось убивать птиц, потому что приятно полакомиться птичьим мясом, изжаренным на костре. И потом нам казалось, что это более разумное занятие, чем уроки «закона божьего»...

Бывало и так, что учителя настигали меня и Кофи за этим занятием. Тогда нас колотили особенно жестоко. Но мы словно бы и не чувствовали боли. Мы знали, что страдаем за дело: это ведь не то, что получать бамбуковой палкой по рукам за какой-нибудь длинный гимн на языке аквапим, этом трудном и путаном диалекте нашего доброго языка тви...

Но больше всего — даже больше охоты на птиц — мы любили плавать. Особенно в сезон дождей, когда единственная в городе речушка широко разливалась и в ней можно было плыть от берега до берега, не боясь удариться о дно. Бегать к реке мы с Аманингом ухитрялись даже в те часы, когда школьники отправлялись на прополку огорода, хотя исчезать в это время было особенно рискованно.

Зато какой это бывал праздник, когда сами учителя посылали нас на реку — ломать бамбук для починки школьной изгороди! Мы набирали с собой бананов, бататов и прочей еды, раскладывали на берегу огромный костер из сухих стволов бамбука. Плавали мы вволю, до полного одурения, а потом весело сушились у жаркого огня. Как вкусно было поесть после этого печеных бататов — куда там домашняя еда, приготовленная нашими матерями!..

Шли годы — и я отстал в учении от Кофи Аманинга. Ему улыбнулось счастье: он поступил в Ачимотский колледж. А мне пришлось доучиваться в одиночку. Правда, я не давал Кофи совсем уж побить меня в науках,— поступил на заочные курсы и тянулся, сколько мог. Потом я стал журналистом. Но мне все равно пришлось признать его превосходство. В шестом классе колледжа Кофи так приглянулся мистеру Клоду Тодду, что тот даже не позволял ему уходить во время каникул к родителям в деревню, а приглашал к себе и натаскивал Кофи в физике и математике. Так дело дошло и до заманчивого плана поездки Аманинга в Англию.

Но мне еще надо рассказать о том, что произошло до этой нашей прогулки в родную деревню Кофи.

2

В один праздничный день Аманинг уговорил меня отправиться в гости к мистеру Клоду Тодду. Я знал, что этот джентльмен живет в Гане около двадцати лет. Вначале он занимал пост британского окружного комиссара. Но, как важно заявил мне Аманинг, мистер Тодд утратил интерес к административной работе. Он имел ученую степень, полученную в Оксфорде, и стал педагогом. О мистере Тодде шла молва, что он «хороший» англичанин. В большинстве своем англичане, приезжавшие на жительство в Африку, держались как можно дальше от нашего народа. Они жили замкнуто, в невиданной для нас роскоши. А мистер Тодд, наоборот, сам искал знакомств среди африканцев. Он говорил, что интересуется культурой Африки, и в его доме было много старинных африканских масок и других изделий нашего народного искусства.

Я впервые увидел мистера Клода Тодда, и меня поразила его внешность. Он был высок, сухощав, особенно худым выглядело лицо. Окладистая седая борода еще больше удлиняла его голову. Вокруг голубовато-зеленых глаз — густая сетка морщин, выражение губ всегда какое-то скорбное,— вам его почему-то сразу становилось немного жаль. Многие ученики в Ачимоте считали его «тронутым». Но он им нравился — очень уж интересны были его уроки по физике.

Я почувствовал себя неловко еще до того, как столкнулся с ним лицом к лицу. Кофи не позволил мне сразу войти в коттедж, а велел подождать на улице,— он принесет мне галстук.

— Зачем? Разве нельзя обойтись без галстука? — спросил я.

— Нельзя! — отрезал Аманинг.— Сейчас семь часов. Он может пригласить тебя к обеду, а у европейцев за обедом все сидят в галстуках. Ты не можешь нарушать их обычаи!..

Он побежал в дом и принес мне выцветший зеленый галстук.

Я не умел завязывать правильный узел, и Аманинг, трудолюбиво пыхтя, принялся помогать мне. Потом мы вошли в дом, и я увидел мистера Тодда.

— Садитесь, садитесь, юноша,— сказал он.— Теофил,— продолжал он, называя Аманинга его христианским именем,— принеси ему чего-нибудь выпить. Что вы предпочитаете, юноша?

— Кока-кола, сэр,— пробормотал я.

— Не надо называть меня «сэр»,— мягко заметил мистер Тодд.

Мне это понравилось.

«Он совсем не гордый»,— подумал я.

— Так вы работаете в редакции «Дейли»?

— Да, сэр...— Я снова так назвал его и смутился.— То есть я хотел сказать... это у меня по привычке...

Мистер Тодд благодушно рассмеялся и больше не возвращался к этому вопросу. Мы помолчали.

— Ваша газета подняла большой шум по поводу инцидента в Ньясаленде,— заговорил мистер Тодд, внимательно разглядывая меня.

Я хорошо знал, о чем идет речь: британские власти в Ньясаленде объявили о раскрытии «заговора, направленного на истребление белых», и на этом «основании» убили более шестидесяти африканцев, а их лидера, Гастингса Банда, бросили в тюрьму.

— Что вы разумеете под словом «шум»? — осведомился я.— Мы ведь только сообщаем факты.

— Вам не следовало бы давать таких кричащих заголовков. Это не более, как случайный инцидент! Насколько я знаю, народ



Ньясаленда живет хорошо и дружески относится к европейцам. Я там провел целых пять лет. И потом — правительство назначило комиссию по расследованию...

Я упорно глядел на кончики своих башмаков. Правая нога стала у меня слегка вздрагивать. Так бывало всегда, когда я начинал сердиться. Но в эту минуту у дверей коттеджа остановилась машина. Аманинг побежал встречать новых гостей. Я сидел, прихлебывая кока-кола, и думал о том, что, пожалуй, мое первое впечатление от мистера Тодда было обманчивым.

В комнату вошли дама и мужчина, и Аманинг дал мне знак встать. Тодд представил им меня как Кваджо.

— Это один из тех парней, которые делают пропаганду в «Дейли»,— небрежно добавил он.

Кто такие мистер и миссис Джильберт, он мне не сообщил. Только потом я узнал от Аманинга, что они чиновники министерства обороны.

Кофи принес гостям джин, а для мистера Тодда — виски с содой. Указывая на меня движением своей седой бороды, мистер Тодд заговорил:

— Я только что упрекнул Кваджо. Меня раздражает этот шум по поводу Ньясаленда, который подняла его газета.

— А чего другого вы ждали от африканцев? — подхватил мистер Джильберт.— Самый неблагодарный народ на свете! Мы дали Золотому Берегу[1] независимость, не пролив ни капли крови. А чуть случилось что-то в Ньясаленде, они раздувают этот инцидент до самых небес. Ни грана симпатии к нам!

Я уже немного успокоился и решил быть вежливым.

— Возможно, вы упускаете из виду одно обстоятельство, сэр,— сказал я спокойно.— Наш премьер-министр доктор Нкрума заявил, что независимость Ганы будет бесцельной, если она не будет связана с освобождением всей Африки.

— Ха-ха-ха! — дружно расхохотались все трое; визгливый голос миссис Джильберт перекрыл низкие голоса мужчин.

— Н-да, вы недурной пропагандист, а? — проговорил мистер Джильберт, вытирая платком слезы, выступившие у него от смеха.

Я вгляделся в их лица. Они делали из меня посмешище. Но я не понимал, что было смешного в сказанном мною.

— Послушайте, молодой человек,— обратился ко мне мистер Джильберт.— Как вы думаете, много ли независимости у вашей Ганы? Вашей армией руководим мы, британцы. Ваши гражданские службы, ваше образование — вот они! — Он ткнул пальцем в себя, жену и Тодда.— Без нас вы — ничто, и ваша независимость действительно бесполезна. Скажу откровенно: бросьте болтовню о всяких конференциях африканских государства и наведите лучше должный порядок у себя. Где ваши авиалинии? Где ваша промышленность? Если наши компании — «УТС» или «УАК» — завтра упакуют чемоданы и покинут вас, вы останетесь без штанов. Вместо того, чтобы учиться у нас, вы нам ставите палки в колеса, оскорбляете, называете империалистами...

— А главное,— вмешалась миссис Джильберт, и в ее голосе послышалось раздражение,— главное — ваша газета пользуется сомнительными источниками! Вы живете в Гане. Вы никогда не были в Ньясаленде. А позволяете себе развязно толковать о том, что там делается...

— Но, мадам,— решился я перебить ее, чувствуя, что мой голос звучит почти умоляюще,— в информации мы пока целиком зависим от агентства Рейтер, а этим агентством, как известно, управляют в Лондоне ваши люди. Они, конечно, не станут изображать в дурном свете действия вашего правительства в Ньясаленде. Можем ли мы просто повторять эти сообщения, а не доискиваться до истины?

Мистер Джильберт жестом остановил жену, готовую вцепиться в меня.

— Дело не в этом,— сказал он.— Все надо видеть в надлежащих пропорциях. Вам хорошо известно, что в Ньясаленде африканцы сами убивали друг друга в племенных войнах. Это было еще до того, как пришли англичане. А вы нас готовы смешать с грязью, если мы убьем нескольких африканцев, восстанавливая законность и порядок!

Тут меня прорвало. Я, конечно, не видел своих глаз, но они, наверно, горели возмущением.

— Это провокация! — закричал я.— Кто дал вам право убивать африканцев? Кто звал вас сюда — устанавливать в Африке ваши законы и порядки? Это вы всегда натравливали африканцев друг на друга! Уходите — и мы сами мирно решим наши внутренние дела.

— Красная пропаганда! — процедил сквозь зубы мистер Джильберт.

Я оглянулся и увидел, что мой друг Кофи Аманинг исчез из комнаты. Как это случилось, не знаю, но его не было. Я встал и приготовился уходить. Мистер Тодд положил руки мне на плечи и сказал с некоторым холодком:

— Ну-ну, не надо приходить в такое неистовство, мой друг. Это никому не приносит пользы. Надо уметь выслушивать мнение других. Если не согласны — скажите, но не надо быть грубым...

— У нас, африканцев, такой обычай: мы говорим прямо, что думаем! — сказал я, подчеркивая каждое слово.— А теперь позвольте мне откланяться. Доброй ночи и спасибо за кока-кола.

Аманинг дожидался меня на улице. Когда я сбежал с крыльца, он стал торопливо заправлять рубашку в брюки, делая вид, что только что вышел из уборной. Я не дал ему заговорить.

— Так вот чему они обучают тебя здесь!

— О чем ты? — сделал непонимающее лицо Аманинг.

— Тебя учат быть трусом! Прятаться, когда надо защищать свой народ от этих британских змей!

— Не понимаю, о чем ты? — уклонялся Аманинг.— Мистер Тодд обучает меня физике. Мы говорим иногда и о политике, но в общем плане, не касаясь местных дел. И не оскорбляем никого лично.

— Тогда ты самый большой осел из всех

[1] Прежнее колониальное название Ганы (примеч. переводчика).

ослов на свете! — отрезал я.— Как можно говорить о Ньясаленде, Кении, Южной Африке и не касаться местных дел? Как можно щадить при этом «личности» тех, кто проливает африканскую кровь?

— Я принадлежу к человеческому роду,— вдруг изрек Кофи Аманинг.— Я не считаю себя жителем только одного континента. И я стараюсь видеть вещи в их истинных пропорциях.

Мне хотелось плюнуть ему в лицо. Но я не терял надежды, что Кофи может еще стать настоящим человеком.

— Послушай,— сказал я, стараясь успокоиться,— это очень хорошо — принадлежать к человеческому роду. Но ведь все это пустой звук. Ты родился в деревне Агиепомаа в племени акием, ты принадлежишь к народу Ганы. Только через все это ты входишь в большую семью жителей земли. И ты не вправе рвать эти связи. Ты не смеешь не быть африканцем! Кто позволит тебе не любить землю, на которой ты родился?..

Я не мог продолжать и в бессилии сжал зубы. Я видел, что Кофи не так просто переубедить. Он уже сильно был пропитан ядом, которым осторожно и настойчиво отравлял его душу мистер Тодд.

3

Я решил больше не переступать порога дома мистера Тодда.

Но однажды мне позвонили в редакцию по телефону. Телефонистка передала, что говорит европеец.

— Это Кваджо? — услышал я в трубке и удивился: у меня не было знакомых европейцев, которые звали бы меня по имени.

— Д-да, я слушаю. Кто у телефона?

— О, это Клод Тодд! Я прочел ваш великолепный репортаж о футболе. Я позвонил, чтобы вас поздравить. Первоклассная работа!

— Благодарю вас. Меня очень радует, что...

Мне и в самом деле было приятно это слышать. Я много потрудился над репортажем, стараясь сделать его живым и веселым. Заместителю редактора репортаж так понравился, что было решено подписать его полным моим именем: «Кваджо Бойе». Это был первый мой большой успех в газете.

— Кстати,— продолжал мистер Тодд, уловив оттенок удовольствия в моих словах,— не хотите ли поехать с нами в субботу на пляж в Лабади? Мы высмотрели там славный уголок, где можно великолепно поплавать. Красивые скалы, есть где погулять. Согласны?

Суббота... Почему бы нет? В воскресенье газета не выходит. Суббота — день отдыха.

— Я... разумеется, я... Мне было бы очень приятно...

— Вот и хорошо. Я скажу Теофилу, чтобы заехал за вами в половине второго. Это вас устраивает?

— Разумеется,— ответил я.

— Ну и прекрасно! — заключил мистер Тодд и добавил: — Не перегружайте желудок — мы везем с собой целую жареную индейку.

Я сказал, что все это очень мило. Мистер Тодд закончил разговор бодрым: «До субботы!» — и повесил трубку.

Весь вечер я был в смятении. Должен ли я был принять это приглашение? Не слишком ли я поддался похвале этого человека, когда он говорил о моем репортаже? Что соблазнило меня? Ведь не жареная же индейка!

Отказываться было поздно — это выглядело бы глупо. И я стал дожидаться субботы. Я решил про себя: если мистер Тодд и его друзья, которых он, наверно, пригласит, позволят себе непочтительно отозваться об Африке и африканцах, я сумею им показать, что они находятся на африканской земле! Кровь закипала во мне, когда я мысленно произносил свою обличительную речь: «До каких пор вы, европейцы, будете кормить нас пустыми красивыми фразами? Ваши газеты полны разговоров о свободе и демократии. А что вы делаете в Родезии, в Алжире, в Анголе?.. Вы хвастаетесь вашим лондонским Гайд-парком, где, говорят, всякий может высказывать любые мысли. А за что вы посадили за решетку Кеннета Каунду в Северной Родезии? За то, что он выступил против произвола англичан. Вот ваша свобода слова!..»

Эта беззвучная, мысленная война с британским лицемерием продолжалась несколько вечеров и совершенно меня измотала. Должно быть, у меня была вытянутая физиономия, когда Кофи Аманинг подъехал к моему дому в голубом «шевроле» мистера Клода Тодда. Я отмахнулся от его приветствий, забросил в машину свои вещи и уселся в левом заднем углу. Аманинг, опасаясь, что я могу прийти в еще более хмурое настроение, ограничился замечанием, что «скоро пойдет дождь», намекая на облака, заволакивающие мое лицо.

Я смотрел, как он ведет большую, сильную машину, и мне стало ясно, почему он превозносит мистера Тодда. Владельцев комфортабельных машин ганцы называют «обра па», что означает «крупная личность». В своей наивности наш народ полагает, что такие замечательные вещи, как машины, светлые, большие дома и прочее, принадлежат этим людям потому, что они «крупные личности». Я смотрел на Аманинга — он изо всех сил старался показать, что он не «шофер», а «друг», которому без лишних слов доверена ценная машина.

Я рассмеялся. Аманинг быстро обернулся и спросил о причине моего смеха.

— Так, пришло кое-что в голову,— ответил я небрежно.

Не мог же я сказать ему, что представил себе в эту минуту его отца, рассказывающего односельчанам, что сын его в городе становится весьма важной персоной...

Мистер Тодд встретил нас на веранде своего дома. На нем были лишь шорты для пляжа. Кожа мистера Тодда была усеяна волдырями и лишь местами загорела от солнца, в целом была какого-то красновато-бурого цвета. Он выглядел пятидесятилетним, хотя Аманинг говорил мне, что ему лишь немногим больше сорока пяти. Глядя на мистера Тодда, я вдруг снова испытал жалость, как и в первые минуты встречи с ним. Но теперь к этому примешалась брезгливость. Мистер Тодд, сойдя с веранды, принялся скакать и бегать вприпрыжку. Он старался выглядеть молодым, но дряблое тело и одышка выдавали его с головой.

Не знаю, улеглось ли к этому времени мое боевое настроение, но я спокойно выпил предложенное Тоддом пиво, пробормотав даже, что «я не девушка, чтобы вечно пить кока-кола». Потом я отправился в дом, чтобы надеть купальные трусики. Здесь я еще раз увидел истоки восхищения Кофи мистером Тоддом. Комнаты были большие, с хорошей мебелью, изготовлявшейся в Гане для «официальных квартир». В Англии это стоило бы немалых денег, а здесь британские чиновники получали такие блага даром...

В машину погрузили кучу подушек, большой ящик, наполненный кубиками льда, и бесчисленное множество бутылок пива. Потом мы тронулись. Мистер Тодд устроился впереди, рядом с Аманингом, сидевшим за рулем, а мне предоставили все просторное заднее сиденье.

— Ты думаешь, Эдвард найдет дорогу к пляжу? — услышал я слова Тодда, обращенные к Аманингу.

— О, безусловно! Он ведь уроженец Аккры.

— Кто это Эдвард? — поинтересовался я.

— Один симпатичный парень из Оксфорда. У него каникулы,— ответил мистер Тодд.— Эдвард обещал пригласить еще двух знакомых девушек. Без девушек для вас, молодежи, и прогулка будет не прогулкой, не правда ли? — рассмеялся он, наклоняясь ко мне. Зеленые его глаза смотрели холодно и испытующе.

— Очень любезно, но мне будет хорошо и так,— пробормотал я, стараясь, чтобы это не звучало вызывающе.

— Та-та-та! — рассмеялся Тодд.— Так я вам и поверил! Из того, что я слышал о вас...

Я увидел, как Аманинг быстро приложил пальцы к губам, давая знак Тодду изменить тему разговора.

— Что же вы слышали обо мне, мистер Тодд? — настойчиво спросил я.

— Да ничего особенного я не слышал!.. Просто это такая манера шутить...

— Но, я думаю, Аманинг болтал с вами обо мне?

— Конечно, мы говорили о вас — и у меня сложилось хорошее мнение. И у Теофила тоже. Он ваш друг, и я тоже не прочь стать вашим другом. Понимаете?..

4

Аманинг вел машину быстро, и мне начала нравиться наша поездка. Дорога из Ачимоты до Проспекта Независимости узка и кое-где сильно выбита, но это прямая дорога, и можно газовать сколько душе угодно. Ветер свистел у меня в ушах. Мы скоро миновали Проспект Независимости, и пошел спор о том, ехать ли к Лабади через Джиффорд Кэмп или через Лагерное шоссе и Кристианборг. Двинулись через Кристианборг. Приближаясь к Лабади, мы сбавили скорость,— по субботам очень много народу устремляется к пляжу. Мы не встретили на условленном месте молодого Эдварда и приехали на пляж одни.

Облюбованное Тоддом местечко называется Нунгуа. Вода там оказалась немного холодной, но я скоро привык. Солнце хорошо грело, ветерок был мягок и ласков. Я плавал «любительским» способом, и это очень потешало мистера Тодда, а я не находил в себе силы сердиться. Так продолжалось до тех пор, пока к берегу не подъехал маленький «моррис-майнор»; меня удивило, как эта маломощная машина сумела пробраться сюда через песчаные дюны. Из машины выскочили две очень приятные девушки. На них были купальные костюмы, их стройные коричневые тела сверкали на солнце. Они сразу бросились в воду, прокричав на ходу:

— Хэлло, Клод! Хэлло, Тео!

Улыбнулись они и мне. Мистер Тодд вдогонку крикнул им:

— Это Кваджо!

А мне он сказал:

— Это Джейн, а та — ее младшая сестра Энн.

— Ну, живо! Марш в воду! — подталкивал меня мистер Тодд.

Я поплыл и скоро очутился рядом с Энн. Но она оказалась прекрасным пловцом, и скоро я отстал, начал выдыхаться и повернул к берегу, встреченный новыми шутками мистера Тодда.

От машины к нам шел плотный молодой человек, согнувшийся почти вдвое под грузом подушек, свертков и ящиков с какими-то напитками. Мистер Тодд познакомил нас. Эдвард улыбнулся широкой улыбкой и сразу повел себя со мной, как со старым приятелем. Он одобрительно отозвался об устроенном воскресной лондонской газетой «конкурсе красоты» — ему доставило большое удовольствие разглядывать и сравнивать всякие достоинства телосложения лучших красавиц столицы.

Мы снова и снова купались, бегали взапуски по пляжу, дурачились. Девушки укладывали Эдварда на землю и заваливали сырым песком, а потом быстро поднимали, стараясь не разрушить скульптурного изображения в песке. И, наконец, все мы уснули, как одна счастливая семья, на теплом солнце.

Когда я проснулся, одна только Энн еще спала рядом со мной—остальные куда-то разбрелись. Я осторожно приподнялся, стараясь не разбудить ее. Но она тут же открыла глаза.

— Нет-нет, я не сплю. Только зажмурилась от солнца...— Она потянулась своим стройным, шоколадного цвета телом.

«Должно быть, в ней есть немного европейской крови, но совсем немного: кто-либо из родителей был мулат...— подумал я.— Но как прекрасен этот оливковый оттенок кожи, тонкие пальцы с миндалевидными ногтями, нежный овал лица!»

Видимо, выражение моих глаз что-то сказало ей — она вдруг заслонила голову одной из подушек. Забытая струна зазвучала в моей памяти. Да-да, в моей деревне девушки тоже никогда не глядели в лицо нам, юношам: их глаза всегда были опущены к земле. От этой неумеренной застенчивости терялось их обаяние. Но эта... Она ведь передовая, го-

родская девушка — может быть, это обычное кокетство?..

— Так вы журналист, да? — спросила она тихо из-за подушки.

— Да! А вы... Кто вы? Я хочу сказать — каков род ваших занятий?

— О, я учительница!

Она назвала школу в Аккре, где учились дети процветающих дельцов, адвокатов, высокопоставленных чиновников. Я видел, как дети приезжают в эту школу в машинах родителей. Школьники там с младших классов усваивают английский и потом уже почти не говорят на родном языке.

— Какие же предметы вы преподаете?

— Математику и рукоделие. Да, еще и рисование!

Я залюбовался ею и долго молчал. Потом, опомнившись, сказал, что математика была самым большим моим недругом в школе. А рисование я уж и вовсе не любил — это ведь такой трудный предмет!

— Ничего тут нет трудного! — запротестовала Энн.

— Нет, правда, я даже не умею нарисовать курицу. Хотя мне твердили, что ее легко изобразить, начертив сначала букву «S».

Энн расхохоталась. Она порылась в своей сумочке, достала кусок бумаги и протянула мне — действуйте! От ее рук исходил какой-то нежный аромат.

Я храбро начертил на бумаге букву «S». Подумав, приделал внизу «лапку» — три робких черточки. Много труднее было превратить верхний завиток буквы «S» в куриную голову. Энн заглянула через мое плечо и снова расхохоталась. Смех ее был похож на журчание реки на перекатах. Я хмурился и прятал от нее бумагу — старый ребяческий прием!..

Она придвинулась ко мне поближе и почти положила голову на мое плечо. Сердце у меня бешено застучало. Но я продолжал терзать бумагу карандашом, снабжая сухопарую литеру крыльями и перьями. Получался какой-то диковинный зверь вроде дикобраза.

Энн изо всех сил старалась сдержаться. Я слышал, как она подавляет рвущийся из горла смех. Но она не могла ничего поделать с собой.

— Ой, ой! Ха-ха-ха! Не могу! Хо-хо! — Она вертела головой, задевая мой затылок, щекоча меня своими волосами, отмахиваясь руками от чего-то чудовищно несуразного.

— Ха-ха-ха! Ах, ха-ха-ха! — Она упала на спину в полном изнеможении.

Я был смущен донельзя и в то же время счастлив. Наконец я принялся хохотать вместе с нею. Я видел ее близко всю, с маленькими ровными зубами, бронзово-красными губами, копной тонких, вьющихся волос. Она была прекрасна!

Отдышавшись, она сказала, что никогда в жизни не смеялась так. С неловкой улыбкой я пошутил, что никогда еще в жизни мне не удавалось изобразить такую великолепную курицу,— это верх моих достижений!

— Смотрите! — Энн взяла другой кусок бумаги.— Я научу вас!

Быстрыми, отчетливыми штрихами она набросала грубые очертания курицы. Потом из-под ее ловких пальцев появилась голова, крылья, клюв...

— Черт побери! — воскликнул я.— Просто великолепно! Где вы научились?

— У нас в семье все рисовали. Сестра Джейн — прекрасная художница. А я... Ну, ваш-то портрет я смогу сделать!

Она схватила меня за подбородок, повернула лицо вправо, влево и взялась за новый лист бумаги. Я старался придать себе выражение красивой задумчивости — словно смотрю на далекий морской горизонт. Она то и дело мельком взглядывала на меня, карандаш быстро летал по бумаге. Вдруг я зевнул,— меня разморило от солнца. Энн сердито погрозила мне пальцем, но не выдержала и снова рассмеялась.

Она кончила рисовать довольно быстро. Но когда я подвинулся посмотреть, она прикрыла рисунок пальцами и высунула язык. Наконец она отняла руку от бумаги. Я с минуту тревожно вглядывался в свой портрет, потом облегченно улыбнулся. Мое довольно скромное лицо скрашивал твердый, какой-то вдумчивый взгляд: вместе с красивым поворотом головы



это делало меня довольно привлекательным. На рисунке были намечены и мои плечи, и мускулы выглядели очень внушительно, почти по-геркулесовски.

— Да я и вполовину не такой красивый! — вырвалось у меня.

— Гм! Не думаете ли вы, что я решила вам польстить? Убирайтесь, неблагодарный!..

В эту минуту на берегу показались Тодд и все остальные — они бежали откуда-то с далекого конца пляжа. Эдвард обнимал на бегу Джейн за плечи. «Значит, Эдвард не помеха!» — мелькнуло вдруг в моем сознании. Я украдкой посмотрел на Энн. «Да, Эдвард не помеха,— продолжала биться тревожная мысль.— Но ведь в Аккре столько привлекательных юношей, до которых мне далеко!»

Я не смел больше глядеть на Энн.

5

Еще раз угостившись жареной индейкой и пивом, все начали собираться. Мистер Тодд стал было приглашать к себе на коктейль с виски. Но Эдвард заявил, что у него дела, и дал знак девушкам. Сердце у меня сжалось. Наверно, это было видно по моему лицу, хотя я храбро и весело бросил Энн: «До новой встречи!» Она махнула мне рукой и исчезла в кабинке «моррис-майнора». Прогудел клаксон, и все исчезло за песчаным холмом...

Я остался с мистерсм Тоддом и Аманингом. Это было грустно — всего только полчаса я пробыл с ней, самой красивой девушкой из всех, каких я видел в жизни. Теперь я словно свалился с небес на скучную землю. Всю дорогу домой я молчал.

Только один раз мистер Тодд заставил меня заговорить.

— Что вы скажете о маленькой Энн? — спросил он как бы мимоходом.

«Хорошо,— подумал я,— что у меня черная кожа,— иначе я запылал бы румянцем».

— Энн? — произнес я как можно безразличнее.— Она мила. Очень мила.

— Что-то вы не очень восхищены! — ехидно заметил Тодд.— А вы ведь все время, как пришитый, были возле нее.

Я промолчал. Мистер Тодд, видимо, решил оставить меня в покое. Мы зашли к нему в дом, я переоделся, потом Аманинг повез меня домой.

— Кофи, скажи мне...— заговорил я.— Эта девушка, Энн...— Аманинг посмотрел на меня искоса и издевательски оскалился.— Ты! Прыщавый идиот! — взорвался я.— Ты только и знаешь, что нашептывать твоему Тодду всякие гадости обо мне!..

— Придержи язык, дурень! — Аманинг был явно доволен тем, что я вышел из себя. Он знал, что это помешает мне как следует отчитать его за ту фразу Тодда: «Из того, что я слышал о вас»...

— Сам ты дурень! — кипел я.— Что тебе говорил Тодд сейчас, пока я переодевался?

— Ничего особенного. Только и сказал, что ты влюбился по уши. Но послушай, что я тебе скажу...— Аманинг решил переменить тему.— Ты даже не представляешь, как ты нравишься Клоду! Кстати, надо бы и тебе звать его просто «Клод». «Мистер Тодд» звучит слишком уж официально...

— Послушай, Кофи,— сказал я решительно.— Я человек из зарослей. Там родился и

там воспитан. У нас не называют по имени человека, который старше тебя. Это считается недостойным. Если тебе уж так хочется, могу называть его просто «вы».

— Давно сказано: «Едешь в Рим, будь как римляне!» — с важностью заметил Аманинг.

— А как твои римляне вели себя, когда пришли к нам в Гану? По-римски?..

Аманинг замолчал: я выбил у него из рук его же оружие.

А я раздумывал о том, как бы мне свидеться с Энн. Кажется, все-таки придется изредка заглядывать в дом мистера Тодда — других возможностей встретить ее у меня нет...

В этот вечер я не мог ничего читать, ни о чем думать. Я снова и снова мысленно перебирал мой разговор с Энн. «Прямо как в сказке! — говорил я себе.— О небо! Пусть бы это кончилось так, как кончаются сказки,— счастьем!»

Эти ли мысли или что другое толкнуло меня написать в тот же вечер стихи,— не знаю. Я попытался сочинять по-английски. Рифмы не давались, я плохо владел этим богатым и трудным языком. Но я писал, не останавливаясь. Из-под моего пера вышла длиннейшая поэма, в которой были такие строки:

Довольно, счастье, бродить по земле.
Приди, улыбнемся друг другу!
Я девушку встретил по имени Энн.
Она обожгла мое сердце...
Она стройнее кокосовых пальм,
Нежнее индийского шелка,
Глаза у нее, как алмазы в реке,
И голос — труба герольда...

Я переписал поэму самым красивым почерком, какой мне доступен, уложил в конверт и запечатал. Я не мог дождаться утра, ворочался на постели, и самые невероятные картины вставали передо мной в полусне. То за Энн гонится целая орда молодых людей с ножами, и я спасаю ее; то мы вместе с ней летим куда-то среди облаков... Меня трясла лихорадка, и я проснулся наутро почти больным.

Вдруг я вспомнил, что одна девочка, живущая по соседству со мной, учится в школе, где преподает Энн. Я стал караулить у входа ее дома, пока не подъехала машина ее отца и девочка не появилась в дверях. Я протянул ей конверт.

— Пожалуйста, отдайте это мисс Энн от меня. Вы ведь ее знаете?

— О да, мисс Энн Робертс. Это моя учительница.

— Спасибо! — сказал я.

Девочка улыбнулась и села в машину.

6

До следующей субботы я ничего не знал о судьбе моего послания. В этот день мы условились с Аманингом отправиться в деревню— выпрашивать у его отца деньги на поездку в Англию.

Дорога была изумительной, мы проходили как бы через целые толщи ароматов, сменявших друг друга по мере того, как саванна с ее бесконечным разнообразием цветов и трав постепенно переходила в редкие перелески, а затем в густой, полный пьянящего, смолистого запаха лес.

По дороге и начался решительный мой разговор с Кофи Аманингом.

— Мне стыдно за тебя, Кофи. Ты учился больше, чем я, но ты перестал быть хорошим африканцем. Ты думаешь только об одном: как бы обелить и восхвалить такого хитрого империалиста, как твой Клод Тодд. Ты твердишь, что британцы сделали в Гане много хорошего. Но что же они все-таки сделали? Они пробыли у нас более ста сорока лет. А когда ушли — какое они оставили нам наследство? Жалкую горсточку школ! Ужасные дороги, которые буквально смывает первым наводнением, хотя строили их по контрактам английские фирмы! Британцы называли нашу страну «Золотым Берегом» не случайно! В Англию рекой плыли деньги — они выручали их от продажи нашего золота, алмазов, какао. Эти деньги они снова пускали в оборот в Австралии, Новой Зеландии, где угодно, только не у нас! Мы оставались нищими...

Я перевел дыхание и продолжал:

— Твой Клод Тодд уверяет, что у англичан были «хорошие планы» для нас: проект электростанции на Вольте и прочее. Неизвестно, сколько десятилетий это оставалось бы проектом, если бы Кваме Нкрума не отстранил их и мы не взяли судьбу проекта в свои руки. Теперь деньги идут на нужные дела. Ты видел — в каждой деревне, которую мы миновали, надпись: «Школа. Машинам тихий ход». Много бы сделали твои любимцы-англичане, если бы все оставалось в их руках?

Аманинг собирался было меня перебить, но я не дал ему сделать это.

— А чему нас учили в школе твои англичане? Историю Ганы пишут британские ученые. Англичане преподают ее в школе, вбивая нашим детям в головы сказки о «счастливой жизни» в британских колониях. Но в их истории не найдешь того, что случилось в Кристианборге, когда к губернатору пришла толпа с жалобой на ужасные условия нашей жизни. В толпу стреляли, и пролилась кровь. Английская «история Ганы» внушает нам, что мы были беспорядочным сочетанием племен и что это они сделали из нас нацию! Ложь! Империя Ашанти ко времени британского вторжения простиралась за нынешние границы Ганы, и управлялась она выдающимися государственными людьми — ты хорошо это знаешь!

Я еще многое говорил Кофи Аманингу и, когда кончил, почувствовал, что облегчил душу. А Аманинг молчал и только смотрел на меня искоса, как напуганный кролик. Уже была видна впереди деревня Агиепомаа, надо было только миновать пологий холм, а дальше дорога спускалась крутыми витками. Вскоре мы добрались до дома родителей Кофи. Из хижин высыпала детвора. Я вспомнил, как, снедаемый детским любопытством, я и сам не пропускал ни одного человека из города.

Вышло так, как предсказывал Аманинг. Отец его долго отказывался дать деньги. Только по настоянию семейного совета, который длился несколько часов, он сдался. Правда, решено было Аманингу денег на руки не давать: ему в вежливой и витиеватой форме дали понять, что он может их потратить на ненужные вещи. Родители предпочли отправить в Аккру двух доверенных, а те уже там приобретут для их Кофи билет на самолет. Аманинг был немало смущен и расстроен этим обстоятельством.

Мать его, как и все матери, скорбно качала головой и твердила одно: в Англии—страшный холод, и Кофи непременно заболеет там и умрет. Когда сын объяснил ей, что там люди носят одежду из очень толстой ткани, защищающую от холодов, мать развеселилась и объявила во всеуслышание:

— Я зарезала цыпленка. Скоро будет готово фуфуо!

Я давно уже не ел этого знаменитого народного блюда и был рад его отведать. Фуфуо делается так: толкутся печеные бананы или маниока, пока не превратятся в густую, тягучую массу, которая подается с жидким супом, сваренным на земляном орехе и заправленным перцем и томатами. Кушанье это восхитительно, если к нему подается еще куриное мясо...

В ожидании фуфуо мы пошли с Аманингом побродить по деревне. Вокруг росли апельсиновые, банановые деревья, кокосовые пальмы, и я невольно вернулся мыслью к нашим детским годам в Азиакве. Тогда ничто нас не разделяло в таких важных делах, как охота на птиц или плавание в реке...

Я не заметил, как мы углубились в узкий, довольно темный переулок между двумя рядами хижин. В стенах и крышах зияли дыры — след проливных дождей. На некоторых хижинах крыш не было совсем.

Вдруг Аманинг, шедший немного впереди, резко остановился, испустил дикий вопль и кинулся назад, чуть не сбив меня с ног. От неожиданности сердце у меня словно подскочило к горлу.

— Беги! Беги! О, скорей! — кричал Аманинг уже издали.— Беги! Она идет!..

У меня с детства была привычка: не делать ничего, что мне велят, пока я не узнаю, зачем это нужно. И я остался стоять на месте. Я вглядывался в тьму переулка, ожидая «ее». На всякий случай я поднял камень — привычное орудие защиты деревенских мальчишек. «Змея? — думал я.— Но ведь змею можно пришибить камнем. Бешеная собака? Ее тоже можно отогнать криком...» Эти мысли промелькнули в короткие секунды. Я уже было решил вернуться в дом Аманинга и пристыдить его. Но тут я увидел «ее».

Ее тело было согнуто почти вдвое. Опираясь на посох, она едва передвигала ноги. Ничего в ней не было такого, что отличало бы ее от других деревенских старух. Мне стало стыдно. Бежать от безобидной старой женщины, как это сделал мой «просвещенный» друг? Я медленно двинулся ей навстречу.

— Добрый день, нана,— сказал я, пользуясь традиционным словом, с которым обращаются к старым людям и вождям.

Старуха замерла на месте и закачалась, словно ее поразила пуля. Ее узкие губы открылись, запавшие глаза уставились на меня. Взгляд ее был острый, пронизывающий — мне показалось, что она видит сквозь мое тело струящуюся в нем кровь.

Я набрался храбрости и, глядя ей прямо в лицо, повторил:

— Я сказал тебе: добрый день, нана!

Медленно, слабым, но ясным голосом она ответила:

— Добрый день тебе, сын мой.— Она крепче оперлась на свой посох.— Ты не из здешних, наверное? — добавила она.

— Да, нана, я из Азиаквы.

— О-о! — проговорила она, качая головой.— Тогда мне не следует удивляться. Азиаквани во ани абуе! [1]

Я поразился: эти же слова я когда-то слышал от матери в моей родной деревне Нсутам. И я спросил старую женщину:

— Почему ты так говоришь, нана?

— Разве ты не знаешь? Люди Азиаквы прозрели давно. Их хотел забрать комисан, но народ Киби сказал «нет».

Как много сказала она мне этими двумя темными фразами! Я слыхал о том, что некогда британский комиссар, которого ганцы называли «комисаном», задумал сделать Азиакву своей резиденцией. Это грозило жителям большими бедами. Они объединились вокруг верховного вождя, жившего в Киби, и помешали комиссару осуществить свое намерение. И вот старая деревенская женщина повторяет мне то же самое!

— Нана,— спросил я,— а почему убежал от тебя этот молодой человек, мой друг?

— О!— Старуха улыбнулась, обнажив два ряда крепких, белых зубов.— Об этом не следует говорить посреди дороги. Если хочешь, пойдем со мной в мою хижину.

Мы шли очень медленно. Навстречу нам попался маленький мальчик, он гонял обруч, сделанный из куска жести. Обруч звенел, и мальчишка был счастлив. Но вот он увидел мою спутницу. В ужасе он отбросил обруч и со всех ног бросился бежать. Я заметил, как сильно побледнел ребенок.

Хижина старухи стояла в стороне от других строений. Ее окружали манговые и апельсиновые деревья. Ветви их гнулись от спелых плодов. Мы вошли, и я, вопреки ожиданию, увидел, что в хижине чисто, прибрано. За окном пели птицы, трещали кузнечики.

Старуха пододвинула мне скамью, а сама медленно стала опускаться в древнее кресло. Усевшись наконец, она вздохнула с облегчением и пробормотала: «О Иегова!»

Потом достала трубку, набила ее табаком и зажгла спичку.

— Нана,— начал я снова.— Извини меня за любопытство, но почему ты не снимаешь плодов и не продаешь? Ведь они могут сгнить.

— В деревне никто не купит моих плодов,— тихо ответила она.— Они думают, что в моих плодах не сок, а человеческая кровь, которую я добываю силой своего колдовства! Вот придет дочка — она отвезет их на рынок в Асафо или Кукурантуми...

Так открылась передо мной тайна этой старухи. Аманинг, мой друг Кофи Аманинг, «гражданин мира», вот-вот готовый уехать в Оксфорд, дрожит от страха и бежит от нее. Почему? Потому что в детстве ему внушили, что она ведьма!

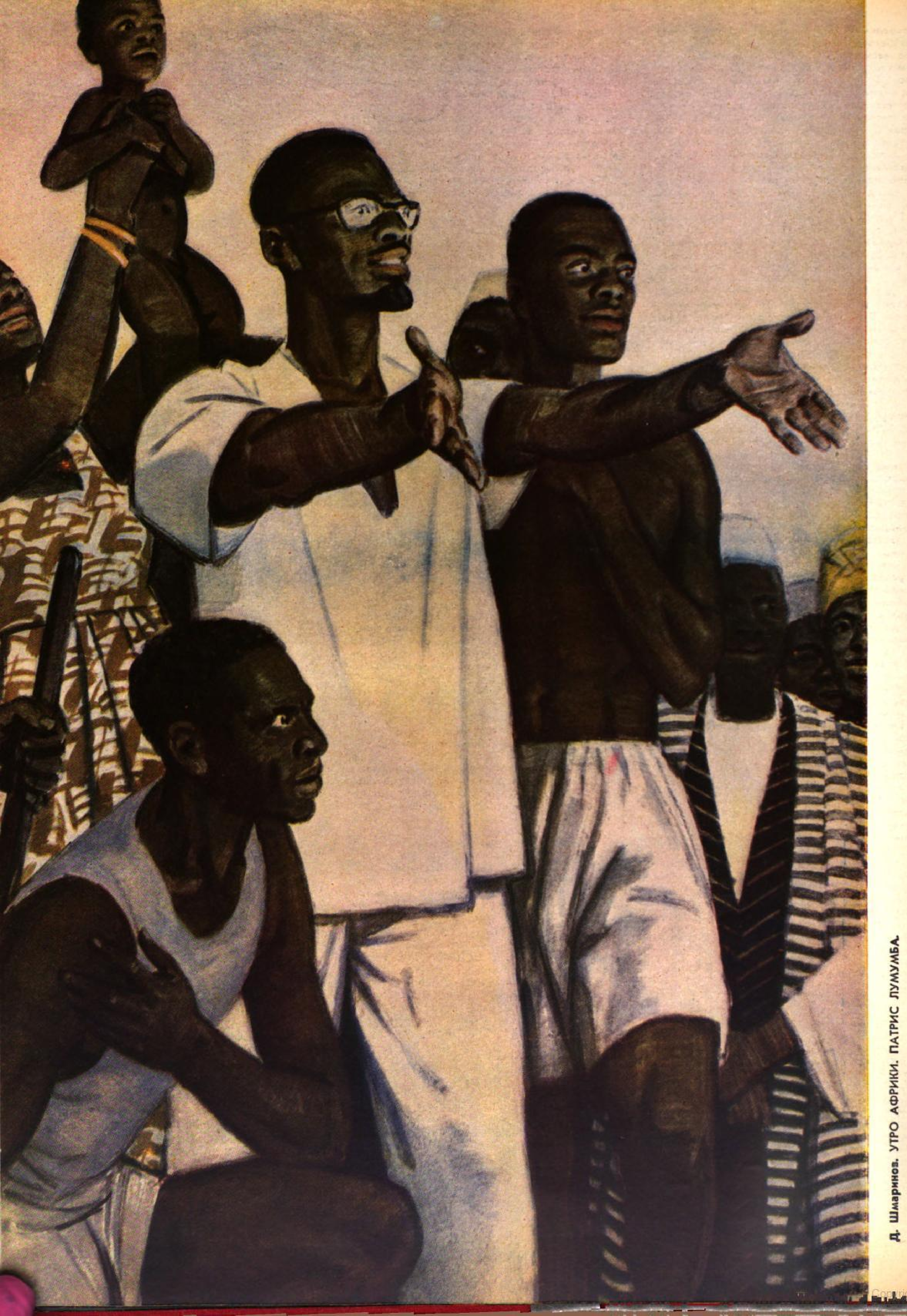
Я так задумался над всем этим, что пропустил было тихие слова старой женщины:

— Знаешь, сын мой, почему они думают

[1] У сына Азиаквы глаза всегда открыты.



Д. Шмаринов. «РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ». ФИДЕЛЬ КАСТРО.



Д. Шмаринов. УТРО АФРИКИ. ПАТРИС ЛУМУМБА.

что я ведьма? Только потому, что меня поцеловал белый человек!

Она засмеялась каким-то горьким смехом. Потом стала рассказывать свою печальную историю. Однажды — это было лет двадцать назад — она шла по дороге в Асафо. Вдруг мимо нее промчался белый человек — он как ветер летел на своей двухколесной тележке, которая оглушительно трещала. Сделав еще несколько шагов, она увидела на дороге большую коричневую сумку. Сумка была тяжела. Но женщина была тогда моложе — не теперешние жалкие кожа да кости — и легко подняла находку. Раскрыв сумку, она чуть снова не выронила ее.

— Подумай только, сын мой,— продолжала старуха, и глаза ее вдруг молодо заблестели.— Сумка была полна денег! Серебряные монеты, бумажные деньги! О-о! Я стала благодарить моего бога! Я буду сыта много, много дней!

Но уже собравшись возвращаться домой, она стала колебаться. Деньги обронил белый человек. Эти люди — недобрые люди. Они рассылают по деревням соглядатаев, а потом уводят людей в тюрьмы. Нет, она не хочет попасть в тюрьму из-за этих денег...

Вдоль дороги стояли телеграфные столбы. Она слыхала, что по этим столбам белые люди передают вести друг другу. Подойдя к одному из столбов, она прижалась губами к гладкому дереву и закричала:

— Обуронни и-и-и! Бегие во сика о-о-о!— Эй, белый человек, приходи, возьми свои деньги!

Должно быть, белый человек услышал ее. На дороге снова затрещала двухколесная тележка, и вот он уже стоял перед ней. Она протянула ему сумку. Белый человек обнял ее и крепко поцеловал. Она не поняла того, что он говорил, но ей было ясно, что пропажа была очень тяжела для него. Должно быть, он умер бы от горя...

Он дал ей пять фунтов, сел на свою тележку и уехал. Через несколько часов вся деревня знала об удивительном происшествии. Люди толпились в ее хижине. Но от зависти ли или по другой причине, кто-то пустил слух, что все это — недоброе дело: белые люди обладают колдовскими чарами — иначе разве могли бы их большие машины летать по воздуху! А раз так, то через поцелуй белого человека эти чары передались и ей, нашедшей и вернувшей ему деньги. Значит, она теперь колдунья. Теперь она будет творить зло людям и их детям...

— Так я стала отверженной в своей родной деревне,— закончила свою повесть старая женщина.— Муж мой умер давно, осталась только дочь. Несколько старых друзей еще украдкой приходят проведать меня. Но уже недолго мне терпеть. Смерть стучится в мою хижину. Когда я умру, они поймут, что я не колдунья. Ведь иначе я могла бы спасти себя от смерти!..

Я, как мог, утешал бедную старую женщину. Я сказал ей, что не верю в ведьм. Она пригласила отведать плодов с ее деревьев. Уходя, я подарил ей десять шиллингов. Она сердечно поблагодарила меня и благословила на дорогу.

Потом мы вместе с Кофи ели роскошное фуфу, приготовленное его матерью. В присутствии родных Аманинга я, конечно, решил не упоминать о том, что случилось в темном переулке.

А через несколько дней Кофи уехал в Англию.

7

История, рассказанная мною, имеет свое окончание. Моя надежда, что Кофи Аманинг не окончательно потерян для нашего африканского дела, оправдалась.

Сначала Аманинг писал мне письма, в которых безоговорочно восхищался порядками в Англии и продолжал доказывать, что британские власти желают только добра африканцам. «Невероятно, Кваджо,— писал он,— но молодые английские ребята, с которыми я знаюсь, недовольны своим правительством. Они часто бунтуют против него». В других письмах он упоминал, что теперь в Англии больше интересуются политикой и запоем читают все, что пишет левая пресса об Африке и Гане.

Потом началась трагедия Конго. Войска Ганы пришли туда по призыву премьера Патриса Лумумбы, но вынуждены были уйти из-за бесчестных интриг западных держав. Аманинг написал мне письмо, дышащее негодованием и скорбью, когда мир узнал о страшном злодеянии — убийстве вождя конголезского народа. Тогда же пришло и второе послание, еще более гневное и страстное. Он просил меня передать его мистеру Клоду Тодду. Письмо не было запечатано, и я прочел его.

«Вы, сэр, продолжаете убеждать меня,— писал Кофи,— что Британия желает добра народам Африки и делает для них добро. Вы утверждаете, что население Анголы — это «мятежники», которые развращены безбожием и поддались уговорам коммунистов. Скажите прямо: разве в те дни, когда Англия боролась против гитлеровского нашествия, англичане тоже были мятежниками? Нет, ответите вы,— англичане боролись за свою свободу и жизнь. Почему же вы отказываете в этом праве народу Анголы? Почему ваше правительство снабжает тирана Салазара оружием, помогая ему заливать Анголу кровью и опустошать ее огнем?

Я вижу теперь, что все, чему вы меня учили,— грязная ложь! Вам не сделать из меня человека по вашему подобию. Отныне я, Кофи Аманинг, подчеркиваю: К о ф и А м а н и н г, а не Теофил! — сын Африки и буду драться с теми, кто проливает кровь ее народов. Я до конца буду бороться с белыми угнетателями. Но я уже знаю других белых людей, они протягивают нам руку братства! Их много, они есть везде, особенно в великом содружестве стран социализма.

Мне приходится поблагодарить вас за то, что вы делали для меня, но должен сказать, что не собираюсь платить вам за это дружбой. Ее не может быть между нами».

Вскоре после того, как я переслал это письмо адресату, раздался телефонный звонок в редакцию. Это был мистер Клод Тодд. Он приглашал меня зайти к нему вместе с Энн. Я забыл сказать, что Энн все-таки ответила мне на мою поэму; ответ ее был такой, что... в общем, мы с ней с того времени были неразлучны. Мистер Тодд объяснил мне по телефону, что хочет с нами проститься: он покидает Гану и уезжает в Гамбию. «Тесно становится в Гане «добрым англичанам»,— мелькнуло у меня в голове.— Охота за душами нашей молодежи становится все менее выгодной. Но и в маленькой Гамбии народ тоже борется за свободу!»

Мистер Клод Тодд встретил нас с выражением глубокой скорби на лице.

— Я много ночей не смыкал глаз и плакал, получив это ужасное письмо от Теофила,— начал он.— И вот я решил уехать. Мне говорили, что в Гамбии народ умеет быть признательным за оказанное ему благодеяние. Не то что здесь, в Гане...

Мы с Энн молчали.

«Старая лиса! — думал я.— Он чует, что мы скоро всем таким «благодетелям» укажем на дверь! Если бы в Гане все оставалось по-старому, он и не подумал бы об отъезде...»

Перед тем, как уйти, я рассказал мистеру Тодду историю «ведьмы» из деревни Кофи Аманинга, умолчав и здесь о не очень героическом поведении моего друга.

— Как?! — закричал мистер Тодд, вскакивая со стула.— Да ведь это я и был тот белый человек, который потерял портфель!.. О, эти африканцы! Такие простые и, главное, честные!.. Подумайте только — она ждала на дороге, пока я вернусь, чтобы отдать мне деньги! А не будь этого — я бы не мог уехать на рождество в Англию. Удивительный, чудесный народ!..

Мы с Энн молчали.

Мистер Клод Тодд понял и прервал на полуслове свою хвалу африканскому народу. Мы распрощались.

Так переплелись в этой истории судьбы нескольких людей: моя собственная, моей любимой Энн, моего друга Кофи Аманинга, старой «ведьмы» из деревни Агиепомаа и «огорченного» мистера Клода Тодда, у которого были все основания огорчаться.

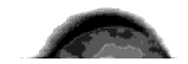
Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

РАЙ ОТРА (МАМАДУ ТРАОРЕ)
Гвинея



На Нигере есть мыс Делибакоро.
Впервые я Соону там увидел,
Там, на мысу, впервые повстречал...
Глаза ее полны застывшей грусти.
Одежда? Лишь повязка вокруг бедер,
Да голова покрыта черным шарфом.
И три ряда кораллов на груди.
И гордая дочь Африки Соона,
Полна доверия, сказала мне:
«Любовь я принесла тебе.
Но принесла тебе любовь иную,
В ней уважения большое чувство,
В ней чувства солидарности, и дружбы,
И братства, нас сплотившего навек».
Да, ты права, стократ права, Соона!
Мы связаны с тобою чем-то бо́льшим,
И эти узы выше, благородней,
И их ничто не сможет разорвать!
Одной мы цепью связаны с тобою
Невидимой, но больше ощутимой,
Чем сотни наших видимых цепей.
Мы друг для друга созданы, Соона:
Страдания у нас одни и те же,
Одни и те же мысли и надежды.
Друг другу мы навек принадлежим.
Соона, видишь, я твой брат по мукам,
А ты теперь по горю мне сестра.
Сегодня пью я «джа́ладжи» с тобою,
Пью горькое питье проклятых дней,
Но завтра мы напиток счастья выпьем,
Мы в ту же чашу «ка́нинджи» нальем.
Соона, моя вечная подруга,
О чем ты так задумалась глубоко?
Нет! Брачный наш союз уже свершен.
Давно, когда не знали мы друг друга,
С тобою мы уже соединились,
Давным-давно, пред богом и людьми.
К векам далеким наш союз восходит,
К тем дальним, незапамятным годам,
Когда впервые сильный стал над слабым,
И с той поры, Соона, ты со мной.
Одною цепью рабства нас сковали,
Со всеми угнетенными мы вместе,
Со всеми непокорными, Соона,
Мы будем вместе в лагере одном.
Растут ряды борцов, растут веками,
Уж за столетья цепи износились,
И все сильнее каторжников руки
В одном усилии оковы рвут.
Погибли многие, но много больше
Бойцов, поднявшихся на место павших,
И, как струна, натянутые цепи
Готовы лопнуть под напором их.
Да, до предела натянулись цепи.
Мы разорвем их! Скоро! Очень скоро!
Мы цепи горя, рабства разорвем!..

Перевод А. КОНДРАТЬЕВА.



Пятьсот метров от жизни



О. КНОРРИНГ

Недавно к нам в редакцию пришло письмо. Вот оно:

«...Мне выпала тяжелая доля. Я прикован к постели вот уже семь лет. Не буду вам писать, что я пережил за эти долгие годы, а они у меня очень долгие. Я сейчас не знаю, что мне делать. Прошу вас помочь мне, вывести из этого тупика или дать какой-нибудь совет. Я еще молодой, мне всего тридцать один год. До прошлого года у меня была семья, был ребенок, сынишка Сережа. Да, именно был, хотя сейчас он здоров и ходит в школу. Сереже пока только 8 лет, он еще маленький. Семья моя распалась, потому что я больной, меня парализовал ревматизм. Жена меня бросила, вышла замуж и уехала. Сережа живет с матерью. Я хотел вести с ним переписку, но ему запретили даже вспоминать обо мне. Родные жены говорят, что он будет тяготиться больным отцом, поэтому лучше откажись от него. Неужели я так должен поступить? И это мне предлагают люди, которые сами имеют детей. Неужели только потому, что я болен, а они здоровы?

На жену я не обижаюсь. Что поделаешь? Но зачем отнимать ребенка у больного отца? Я ведь только и жил сыном. Прошу ведь немногого, только переписываться с ним и изредка посмотреть на него. Для меня это очень тяжело. Мы, мужчины, не любим изливать свое горе, но я не стыжусь сказать, что просыпаюсь утром на мокрой подушке. Я оторван от всего. Но наперекор всему не сдаюсь, держу себя в руках.

Прошу вас, помогите мне, поддержите меня морально. Напишите мне. А быть может, побываете у нас.

Николай Васильев».

* * *

Одинокий домик на бугре, несколько чахлых деревьев, сломанный забор. Около крыльца опрокинута пустая собачья конура. Стучусь. Из окна высовывается пожилая, невысокого роста женщина. Смотрит с удивлением: кто бы мог к ним приехать?

— Вам сына? Проходите, пожалуйста.

Николай Иванович лежит в большой полупустой комнате на железной койке. На стульях и просто на полу, видимо, для просушки, разложено несколько этюдов, писанных масляной краской. Бледное, исхудалое лицо с необычайно живыми глазами.

Когда я вошел, он, лежа на спине, писал «по памяти» пейзаж. Кусок фанеры стоял на груди. Там же лежали тюбики с краской и жестянка, заменяющая палитру. Пальцы его рук были искривлены и плохо слушались. Видимо, каждый мазок стоил ему огромных усилий.

— Коленька, это к тебе.

Отложив в сторону работу, он пытается повернуться ко мне, но это ему не удается, и он лишь слегка поворачивает голову.

— Неужели вы из Москвы?.. Из-за меня?

Прошло несколько минут, пока Николай Иванович немного успокоился и рассказал мне свою простую, но чрезвычайно грустную историю.

Шестнадцатилетним юношей приехал он сюда из Псковской области вместе с родителями и братьями. Работал в колхозе, затем окончил курсы механизаторов. Получив специальность комбайнера-тракториста, перешел работать в Садовскую МТС. Женился на колхознице Нине Чупаловой. Вскоре родился сынишка Сережа. Вступил в партию. Жили дружно. Все было хорошо. Однажды ремонтировал трактор. На ногу упала коробка скоростей. Повредила коленную чашечку. Тогда он не обратил на это внимания. Прохромав недельки две — время было горячее, — вновь принялся за работу и просмотрел начало болезни. Колено распухло и стало сильно болеть. Пришлось лечь в больницу. Вначале врачи предполагали, что у него туберкулез кости, а потом был установлен окончательный диагноз: полиартрит. Болезнь с каждым годом прогрессировала: были поражены суставы ног, рук, позвоночника. Вот уже семь лет, как он не встает с постели, не может даже сидеть.

— Ну, это полбеды, — говорит он.— Физические страдания я еще кое-как переношу. Что поделаешь, привыкаю. Но меня хуже боли гложет обида. Обида на людей. Пока был здоров, всем был нужен. Вечно вокруг народ. Бывало, дверь в доме не поспевала закрываться. А теперь? Теперь месяцами лежу один. Хоть бы кто мной поинтересовался, зашел навестить, узнать, что, как. Никого. От нашего дома до поселка метров пятьсот. Кажется, близко? Ошибаетесь. Эти пятьсот метров отделяют меня от жизни. Она там, за этими пятьюстами метрами. А я лежу здесь один.

Лечить-то меня, конечно, лечили. Я подолгу лежал то в Черняховске, то в областной больнице в Калининграде. На врачей я не обижаюсь: все, что они могли для меня сделать, они сделали.

А потом от меня ушла жена. Ну, об этом вам писал.

Вот вы спросили, с кем я дружу, кто бывает у меня. Да никто. Месяцев шесть назад около нашего дома стоял колхозный скот. Тогда раза два ко мне заходил зоотехник. А с тех пор никто. Я член партии с пятьдесят второго года, состою в колхозной парторганизации. Так верите ли, за последние два года у меня не побывал ни секретарь товарищ Анохин, никто из коммунистов. Посмотрите,— протягивает он мне свой партийный билет.— Даже членские взносы приняли у меня только за апрель шестидесятого года.

От меня до поселка пятьсот метров. Столбы стоят, провода висят, а я сижу с керосиновой лампой. Во всех домах электричество, радио играет. А у меня ни света, ни радио. Без конца обещали, а так и не сделали. Теперь электричество, правда, подвели. Но как? Приехали шефы с калининградского завода. Они мне и сделали. За наличный расчет. Я сам им заплатил из своей пенсии. И на том спасибо.

Председателя колхоза — а он у нас уже, кажется, шестой год — я вообще никогда не видел. С учителями незнаком. Раньше, когда Сережа учился в школе, я изредка переписывался с директором. Но у меня они не бывали. Раз в три-четыре месяца получаю письма от соседа по больничной койке Бориса Нестеровича Чертова и от студентки Ленинградского медицинского института Нины Петропавловской. Она была у нас в больнице на практике. А вы знаете, как мне дорого каждое письмо! Так вот и живу.

Слушаю Николая Ивановича и думаю: как же это так? Неужели Васильева окружают только бездушные, черствые люди, которым нет дела до чужого несчастья?

И мне захотелось самому посмотреть на этих людей.

* * *

Когда я зашел к секретарю колхозной партийной организации Анатолию Николаевичу Анохину, он сидел и сосредоточенно писал.

Как видно, он привык, что все приезжающие в колхоз люди интересуются исключительно хозяйственными вопросами, потому что, когда, поговорив несколько минут о колхозных делах, я неожиданно спросил, как могло случиться, что коммунисты забыли своего товарища в беде, он этого не ожидал и явно смутился.

— Да, конечно, это — наше упущение. Правда, Васильев лично к нам не обращался, а у нас, сами знаете, то посевная, то уборка. Текучка заела. Все собирался навестить его, но никак не мог выкроить время. Теперь мы ему, конечно, поможем. А откуда редакция узнала про Васильева?

Больше говорить было не о чем. Анохин молча перебирал какие-то бумаги.

Разговор не состоялся. Помимо всего, секретарь торопился. Он уезжал в соседний район для обмена опытом работы.

В колхозе мне говорили, что Анохин — человек хороший, душевный. Возможно, что это и так. Но ведь о человеке нужно судить по его поступкам.

Председатель колхоза Петр Григорьевич Сарвин считается очень неплохим хозяйственником и чутким руководителем. Дела колхоза из года в год идут в гору. Колхозники любят своего председателя и отзываются о нем хорошо. Мне он мужественно признался:

— Да, получилось очень нехорошо. И я виноват в этом в первую очередь. Слышать-то о Васильеве я, конечно, слышал. Но как-то не осознал это дело. Забот всяких много по хозяйству, голова кругом идет. Понадеялся, что наши общественники что-нибудь сделают, а сам упустил из виду. Конечно, стыдно. Подумаем и что-нибудь для него сделаем. Окажем материальную помощь. А быть может, общее собрание найдет возможным выплачивать ему пенсию. Нехорошо получилось.

В учительской Садовской восьмилетней школы собрались молодые учителя: Н. С. Субботин, О. В. Русинова, Т. В. Яшнова, Г. Т. Головач и Н. В. Бурова. Спрашиваю их о Васильеве. Оказывается, что им о нем ничего не известно. Слышали, что есть такой, но что и как — никто толком не знает. Раньше в школе учился его сын, но теперь уехал. К ним никто не обращался — ни секретарь парторганизации Анохин, ни комсомольский вожак Трушин, а самим им как-то не пришло в голову, что рядом человек нуждается в их помощи. Теперь, конечно, всем стыдно. Правда, к чести молодых педагогов, нужно сказать, что уже через несколько минут они горячо обсуждали, чем учителя могут быть полезны Николаю Ивановичу. Было решено начать с ним заниматься, помочь ему закончить среднюю школу, снабжать его литературой, держать в курсе всех событий и постараться вовлечь его в свой коллектив, использовав его в школе как художника.

...Пионерская линейка была бурной. Ребята с радостью откликнулись на предложение взять шефство над Васильевым.

(— Почему нам раньше-то ничего не сказали?!)

Пионерские головы горячие. Слово — дело.

Тут же была организована «Тимуровская команда», и посыпались предложения: установить дежурство у Николая Ивановича и выполнять его поручения, следить, чтобы у него всегда были свежие цветы, помогать его матери по хозяйству, посадить под окнами сирень, а на праздник устроить для него концерт и испечь пирог. Ну, а под Новый год — конечно, елку.

В добрый час, ребята!

Мать жены Васильева Марию Феофановну Чупалову мне повидать не удалось. Я говорил только с ее второй дочерью.

— Ну что вы! Разве же мы против того, чтобы Коля переписывался с Сережей? Пускай переписываются.

Тогда спрашивается: почему же они так долго не давали Николаю Ивановичу адреса Сережи? А когда наконец дали, он оказался неточным, и письма не доходили.

Вызываю по телефону завод в Калининграде. Подходит заместитель директора Феодосий Антропович Киселев. Говорю, что вот, мол, в вашем подшефном колхозе имеется больной Васильев. Не могли бы вы сделать у себя на заводе кровать на колесиках, чтобы вывозить его на воздух? Вы бы очень порадовали его этим.

— Ну какой вопрос! Конечно, можем! Обязательно, или сделаем, или купим готовую. Что ж они сами-то нам ничего не сказали? Ведь еще только вчера их председатель был у меня.

На обратном пути захожу в Озерский райком партии, к первому секретарю Кузьме Панфиловичу Костичко. Первый раз, когда я был у него, направляясь к Васильеву, ему о нем ничего не было известно. Пришлось запрашивать по телефону сельский Совет. Теперь он уже в курсе дела. Видимо, ему звонили из колхоза.

— К сожалению, мой предшественник, ныне заведующий отделом культуры нашего облисполкома Якутович мне о Васильеве ничего не говорил, а я,— разводит руками Костичко,— секретарем недавно, меньше года.

* * *

Подумаешь обо всем этом — и делается обидно. Народ-то кругом в большинстве своем очень хороший, добрый, отзывчивый.

И вновь мысли возвращаются к величайшему документу эпохи — Программе Коммунистической партии. В ней ведь говорится не только о машинах, молоке и мясе. Основное в ней — человек. Ведь это не столько программа цифр, сколько программа человеческой морали. Программа сердца.

Вдумайтесь в написанные в ней слова: «...человек человеку — друг, товарищ и брат», «...каждый за всех, все за одного».

Посмотрите вокруг себя с этих позиций, и тогда случаи, подобные грустной истории Николая Ивановича Васильева, станут просто невозможны.

Калининградская область,
Озерский район.
Колхоз «Власть труда».

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЛЕТЧИК

К 80-летию со дня рождения М. Н. Ефимова



В 1910 году французский аэроклуб опубликовал список первых в мире ста летчиков, в том числе трех русских: Ефимов, Попов, Лебедев. Михаил Никифорович Ефимов был и из них первым, получившим диплом аэроклуба.

Жизнь Ефимова известна русским летчикам. Многие из стариков помнят блестящую авиационную карьеру этого молодого рабочего, сумевшего уговорить одесского богача Анатра дать ему средства на обучение полетам. Ефимов едет во Францию, начинает учиться полетам в середине 1909 года, а уже в начале 1910-го он становится одним из лучших среди известных летчиков того времени и часто побеждает всех международных знаменитостей на авиационных состязаниях во Франции.

В 1910 году, когда Ефимов возвращается в Россию, его назначают инструктором в Севастопольскую авиашколу, где он работает до Великой Октябрьской революции. Летчик покидает пост инструктора только один раз, в начале 1915 года, когда просьба его об отправлении на фронт была удовлетворена и Ефимов выполнил несколько боевых полетов, но вскоре был снова откомандирован в Севастопольскую авиашколу: там он был нужнее.

В дни Октябрьской революции Ефимов, не колеблясь, объявляет себя большевиком и становится в резкую оппозицию к реакционно настроенному кадровому офицерскому составу. Когда Крым захватили белогвардейцы, ему пришлось бежать.

В Большой Советской Энциклопедии сказано, что Ефимов был в 1920 году расстрелян белогвардейцами в Севастополе. Это неверно. Ефимов был расстрелян в Одессе.

Когда белогвардейцы в последний раз пытались захватить Одессу, в порт рано утром ворвался их миноносец под командованием капитана II ранга Кисловского. Миноносец пришвартовался и высадил десант, который под прикрытием пушек занял часть города и начал там производить аресты. Этим десантом и был задержан Ефимов. Кисловский приказал расстрелять Ефимова.

Связанного летчика посадили в шлюпку и вывезли на середину порта.

Ефимов ничем не выдавал своего волнения. В дороге над ним глумились: дескать, слесаря допустили в офицерское общество в авиашколе, а он его предал.

Ефимов отвечал, что знает, что его ждет, но спокойно умрет за народное дело.

Тогда офицер, командовавший шлюпкой, сказал, что он ему дает шанс на спасение, и предложил Ефимову добраться вплавь до далекого берега, обещал не стрелять.

Ефимов согласился, говоря, что обещанию не верит и хотя шансов на то, что выплывет, мало, все же попробует. Его развязали, и он нырнул в море. Но как только голова Ефимова показалась из воды, в него выстрелили.

Так погиб первый русский летчик.

В. СОКОЛОВ

В ЖИЗНИ ДВА ПРИЗВАНИЯ



Зайдите в дом к Василию Васильевичу Веселову. И вы увидите на полках, на столах различные украшения, бронзовые фигурки и бесконечное количество черепков.

Василий Васильевич — инженер-железнодорожник. Но есть у него и вторая профессия. Он археолог.

Случилось это в 1948 году, когда Веселов приехал в Керчь на строительство переправы. В грунте попадались занятные предметы: бусинки, фигурки, черепки. Он понес все это в музей. А потом стал бывать там очень часто.

В доме появились новые книги, связанные с географией, археологией, историей.

Более трех тысяч различных находок сдал инженер в музей.

Через несколько лет он уехал на строительство дороги на целину. И там, на границе Казахстана и Урала, в Адамовском районе, обнаружил три поселения эпохи бронзового века.

...И снова Керчь. Теперь Василию Васильевичу 69 лет. Вышел на пенсию. Но он по-прежнему неутомим. Какая бы археологическая экспедиция ни приехала в Крым, Веселов в ее составе. И бесконечные самостоятельные поиски...

Не так давно Василий Васильевич нашел мраморную скульптуру, которую вы видите на снимке.

Предполагают, что это портрет одного из правителей Боспорского государства.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото В. Веселова.

Музей... прекрасных голосов

В Ленинградском театральном музее часто проходят лекции-концерты. Это всегда праздник для тех, кто любит и ценит вокальное искусство. В зале звучат записанные на пленку голоса великих русских и зарубежных артистов. Чарующий дуэт из «Лоэнгрина» в исполнении Л. Собинова и А. Неждановой сменяет трагическая ария Чио-Чио-Сан, которую поет польская певица Ева Бандровска-Турска. В романсе «Ночи безумные» — голоса И. Козловского и Н. Обуховой; «Марш единого фронта» поет Эрнст Буш...

На одном из таких концертов арию Канио из оперы «Паяцы» передавали в исполнении прославленных итальянских певцов: Энрико Карузо, Беньямино Джильи, Марио Ланца и Марио дель Монако.

Более двух тысяч названий числится в фонотеке музея, располагающего образцами мирового вокала. Фонотека пополняется не только из основного источника — фондов Государственного Дома звукозаписи в Москве; работники музея, горячо любящие свое дело, сами производят записи во время трансляций, завязывают контакты с коллекционерами.

А. ДАНЧИЧ



12 декабря в Центральном Доме литераторов состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Заведующий Отделом печати МИД СССР М. А. Харламов ознакомил присутствующих с нотой Советского правительства правительству США.

В ходе изучения советскими компетентными органами трофейных документов из военных архивов нацистской Германии, говорится в ноте, были обнаружены документы, изобличающие Адольфа Хойзингера, бывшего генерал-лейтенанта, начальника оперативного управления генштаба сухопутных сил гитлеровской Германии, в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Особо тяжкие преступления Хойзингер совершил против советского народа.

Советское правительство, подчеркивается в ноте, ожидает, что правительство США примет меры к аресту и выдаче советским властям Адольфа Хойзингера, который находится ныне на территории США, для предания его суду за совершенные преступления.

На снимке: журналисты знакомятся с документами, разоблачающими преступления Адольфа Хойзингера.

ОБВИНЯЕМЫЙ — АДОЛЬФ ХОЙЗИНГЕР

АВТОР РАЗБОЙНИЧЬИХ ПЛАНОВ

45 лет назад он стоял перед выбором: быть солдатом или лесничим? Война и влечение «воспитывать и вести за собой молодых людей» склонили чашу весов в сторону прусской казармы.

Завоевывая для кайзеровской Германии «место под солнцем», лейтенант Хойзингер очутился в английском плену: за свою жизнь он проголосовал обеими руками.

Фортуна улыбнулась ему после захвата власти Гитлером. Усердный служака Хойзингер оказывается на адской кухне подготовки агрессии: его назначают в гитлеровский генеральный штаб.

Именно здесь Хойзингер находит себя. Разработка вероломных планов становится для него делом жизни. Безвестный ранее штабист добивается особой благосклонности фюрера.

15 октября 1940 года полковник Хойзингер был назначен начальником оперативного управления генштаба фашистских сухопутных сил.

Через неделю шестидесяти адресатам был разослан следующий документ:

«Главное командование сухопутных сил.

Генеральный штаб. Совершенно секретно.

В приложении пересылается новая структура оперативного управления, вступающая в силу с 25.10.1940.

Хойзингер».

В соответствии с этой структурой управление делилось на группы.

Главная группа разрабатывала «общие вопросы ведения войны», ведала «комиссиями по перемещению» (насильственное переселение, угон в рабство, массовое истребление мирных жителей).

Группы «Восток» и «Запад» планировали захват и порабощение стран Европы и Африки.

9 декабря 1940 года Хойзингер докладывал начальнику генерального штаба о плане операции «Атилла», предусматривавшем, в нарушение условий перемирия с правительством Виши, «занять без лишнего шума неоккупированную континентальную часть Франции».

Не ограничившись разработкой планов «полной оккупации Англии» (операция «Морской лев»), Хойзингер приложил руку к составлению памяток и инструкций, требовавших «проявления твердости» и применения смертной казни к мирному английскому населению. Для этой цели наряду с регулярными частями подготавливалась высадка дивизии СС «Мертвая голова».

Вооружившись мягкими карандашами, резинками и неизменными сигарами фирмы «Бёнике», Хойзингер переносил на карты людоедские планы. Он уже видел воочию горящие города Англии, Бельгии и Голландии, танки с черными крестами на пастбищах Дании, в цветущих садах и виноградниках Франции, на дорогах Чехословакии, Польши, нейтральной Швейцарии. Хойзингер планировал порабощение не только нейтральных, но даже союзных фашистскому рейху государств: Испании, Португалии, Болгарии, Турции.

Фашистские заправилы шумят о нехватке «жизненного пространства», и Хойзингер до мельчайших деталей разрабатывает пресловутый план «Барбаросса». 22 июня 1941 года этот план оживает топотом кованых сапог гитлеровских головорезов, грохотом танковых колонн, дымящимися руинами советских городов и сел. Миллионы убитых, раненых, обездоленных...

За планирование этих злодеяний фюрер пожаловал своему тезке железный крест и произвел его в генералы. Международный трибунал в Нюрнберге дал свою оценку «деятельности» Хойзингера: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА!

ВО ГЛАВЕ КАРАТЕЛЕЙ

«Хойзингер был, однако, не только одним из главных организаторов варварских походов германского фашизма на другие страны, но, кроме того, он участвовал и в осуществлении гитлеровской программы истребления целых народов»,— заявил на Нюрнбергском процессе представитель американского обвинения Тэйлор.

Чтобы опровергнуть тяжкое обвинение, военный преступник был вынужден изворачиваться и попытался переложить всю вину за эти преступления на Гитлера, OKW (главное командование вооруженных сил) и СС.

Поклявшись «всемогущим и всезнающим богом говорить чистую правду», Адольф Хойзингер лгал трибуналу: «...я, как начальник оперативного управления, в то время не имел никакого отношения к борьбе с партизанами, которая входила в круг обязанностей генерал-квартирмейстера армии».

Перед нами новые документы, которые не были известны во время процесса в Нюрнберге. Сотни хранящихся в Архиве Министерства обороны СССР трофейных дел, и на многих зловещая пометка: «ОКН, Gen. St. dH., Op. Abt» («Оперативное управление генштаба сухопутных сил»).

...10 августа 1942 года войскам был разослан приказ:

«Всеми вопросами по борьбе с партизанами и использованию охранных частей ведает теперь оперативное управление генштаба сухопутных сил».

Отныне наряду с планированием военных операций Хойзингеру поручалось возглавить расправы над партизанами и беззащитным населением. И гитлеровские главари не ошиблись в выборе. С присущим ему рвением Адольф Хойзингер разрабатывает чудовищную систему массовых злодеяний.

31 августа оперативное управление направило армиям инструкцию об организации и методах действий так называемых «ягдкоманд». Назначение этих команд — охота за людьми, убийства партизан и мирных жителей. Хойзингер требовал действовать безжалостно и внезапно, «уничтожать каждого, попавшего в западню».

О том, как орудовали «ягдкоманды», говорят показания пленного обер-ефрейтора 11-й роты 350-го пехотного полка Георга Фишера:

«Охота на партизан продолжалась 2—3 дня. Мы прочесывали местность и всякого, кого встречали в лесу,— будь он с оружием или без оружия,— обычно убивали без суда и следствия. Я убежден, что было перебито много ни в чем не повинных людей: мы были беспощадны».

В отместку за разгром партизанами фашистского гарнизона же-



Два Адольфа склонились над картой. Справа — Адольф Гитлер, слева — Адольф Хойзингер. ←



Снова перед Хойзингером (второй слева) тянутся в струнку солдаты. →

лезнодорожной станции Славное 31 августа 1942 года Хойзингер приказал уничтожить 100 мирных жителей.

Подробности жуткой расправы нам рассказали 18 лет спустя ее очевидцы: пенсионер Б. Л. Лажечников и колхозник Т. П. Рябцев.

Впервые в истории репрессии против мирного населения оккупированных территорий велись с таким размахом и жестокостью: в них участвовали дивизии регулярных войск, оснащенные авиацией и танками. Опустошение целых областей, убийства стариков, женщин и детей, грабежи, угон в рабство — все это планировало оперативное управление генштаба.

Все карательные операции разрабатывались по строго определенной схеме. Штабы групп армий представляли оперативному управлению проекты «операций». После утверждения Хойзингером проекты становились приказами.

Только в тыловом районе группы армий «Центр» за август — сентябрь 1942 года было проведено 40 карательных операций. Вот одна из них, имевшая кодовое наименование «Грейф». Для «усмирения и очищения участка Орша — Витебск» были брошены крупные силы: 286-я охранная дивизия Рихерта, «ягдкоманды», подразделения СД (служба безопасности), военно-воздушных сил и полиции. Не добившись сколько-нибудь существенных успехов в борьбе против партизан, каратели учинили кровавую расправу над мирным населением. Результаты были сообщены в оперативное управление «особым донесением»: «796 убитых, 599 пленных. Всего 1 395...»

В лесу восточнее поселка Богушевск «во время экспедиции против партизан» палачи расстреляли более пятисот человек. Среди них были старики, женщины, дети.

Отрицая свою причастность к массовым убийствам, Адольф Хойзингер клялся нюрнбергскому трибуналу, что ему «неизвестны приказы, где бы говорилось о том, что партизан нельзя брать в плен». Однако документы вновь изобличают его во лжи.

11 ноября 1942 года Кейтель подписал «Наставление по борьбе с партизанским движением на Востоке», в котором говорилось:

«...пленных после кратких допросов расстреливать... Каждый командир части несет ответственность за то, чтобы партизаны (также и женщины), попав в плен во время боевых действий, были расстреляны или лучше — повешены».

Специальной телеграммой Хойзингер ввел наставление в действие. И результатом его стараний явились следующие донесения оперативному управлению генштаба:

«...Операция «Карлсбад» (юго-западнее Толочин). Убиты 547 человек, в том числе 38 женщин. 168 взяты в плен и расстреляны».

«Операция «Франц» (тыловой район группы армий «Центр»). 1 143 убитых, 882 подозреваемых в принадлежности к партизанам расстреляны».

И, наконец: «... с январскими данными впервые число убитых партизан перешагнуло цифру 100 тысяч».

ВМЕСТЕ С ГЕСТАПО

Февральским вечером 1944 года в селе Мироновка эсэсовцы загнали в дом Прасковьи Гордеевны Гнатенко колонну военнопленных. С востока доносился грохот канонады. Заколотив дверь, фашисты облили стены бензином. В окна полетели гранаты. К небу потянулись языки пламени.

Ослепший от дыма боец выполз во двор. Его обложили сухим камышом и сожгли.

Прасковья Гордеевна показала нам место гибели военнопленных.

— Всего по области уничтожено семьдесят тысяч. Лютой смертью погибали люди, а душегубы — разве теперь их сыщешь!.. Кто они, где сейчас?

...Слуга бесшумно менял закуски, в рюмках искрилось старое рейнское вино. Молчаливый хозяин внимательно слушал невысокого генерала. Остальные гости изредка вставляли свои замечания.

Все это походило бы на мирную вечернюю беседу, если бы большинство присутствующих не было одето в черные эсэсовские мундиры, а во главе стола не сидел сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Генерал Хойзингер высказывал свои соображения о превращении оставляемых фашистскими войсками территорий в зону пустыни. Пока лилось только вино...

Совещание не протоколировалось: Гиммлер не любил оставлять улик. Но его адъютант записал в дневнике:

«28 января 1944 года. 20.00.
Ужин с
обергруппенфюрером СС Флепсом,
группенфюрером СС Капплером,
бригаденфюрером СС Приссом,
генерал-лейтенантом Хойзингером...»

Наутро участник совещания командир дивизии СС «Мертвая голова» Присс вылетел на фронт. А через несколько дней один из батальонов его дивизии ворвался в кировоградское село Мироновка. Тогда-то и произошла трагедия, о которой мы услышали от колхозницы Гнатенко...

Сотрудничать с гестапо Хойзингер начал еще накануне войны. В январе 1941 года состоялось совещание главарей СС с представителями командования вооруженных сил. Обсуждался вопрос, как с наименьшими хлопотами сократить на 30 миллионов славянское и еврейское население оккупированных областей.

Обе стороны пришли к единогласному решению: каждой армии на востоке придается оперативная группа СД. Войска берут на себя организацию гетто и аресты «подозрительных», гестаповцы — допросы и уничтожение жертв. Отчеты о результатах направлять Гиммлеру и в генеральный штаб.

27 октября 1942 года особоуполномоченный Гиммлера по борьбе с партизанами обергруппенфюрер СС фон Бах и представители Хойзингера генерал Шенкендорф и фон Тресков договорились о совместных карательных операциях против советских партизан.

Неделей позже в районе Березино, восточнее Минска, войска СС и полиции по утвержденному Хойзингером плану начали операцию «Фрида».

Участвовала в ней и «особая бригада» Дирлевангера. Вот как ее характеризует сам обергруппенфюрер фон Бах:

«Эта дирлевангеровская бригада состояла в основном из бывших преступников. Официально в ней числились так называемые «браконьеры», но в действительности это были самые настоящие преступники, осужденные в свое время за грабежи, убийства и т. д.».

Разгромить партизан и на сей раз не удалось, зато представился случай расправиться с беззащитным населением. В деревне Боровино эсэсовцы сожгли 210 человек, в селе Красное расстреляли 300 стариков, женщин и детей. Истребив всех, кто не успел спрятаться, головорезы доложили Хойзингеру: «Операция была очень плодотворной...»

Невозможно перечислить все совершенные по приказам Хойзингера злодеяния. Бесконечную цепь преступлений оборвала Советская Армия.

СНОВА В ВОЕННОЙ УПРЯЖКЕ

Неумолимый час расплаты приближался. Для Адольфа Хойзингера вопрос «Как быть?» не существовал. Ответ был найден давно: держать курс на запад.

В лагерях Оберурзель и Алдендорф, а затем в нюрнбергской тюрьме Хойзингер составляет оперативные донесения для другого хозяина — Пентагона. Заодно, припудривая свое кровавое прошлое, он спешно кропает книгу с демагогическим названием «Сопротивление приказу», в которой задним числом отмежевывается от фюрера и его политики.

Уже в 1948 году решением особой судебной палаты Хойзингер был зачислен в группу «невиновных» и выпущен из тюрьмы.

Вскоре его разыскал человек, бок о бок с которым он работал в гитлеровском генеральном штабе. Шеф подпольной разведки, финансируемой империалистами, генерал-майор Гелен нанес визит Хойзингеру не ради воспоминаний о былых временах. Он предложил ему заняться вопросами «развития военной обстановки на Востоке». Предложение было принято.

Вскоре военное министерство сочло, что заслуги и способности Хойзингера стоят большего.

И вот Хойзингер уже эксперт министерства, а вскоре и председатель высшего руководящего совета нового вермахта.

В то время, как набожный канцлер Аденауэр, вопия о любви к ближнему и шантажируя «красной угрозой», доказывал своим союзникам необходимость возрождения бундесвера, Хойзингер окунулся в привычную для себя атмосферу подготовки разбойничьих планов.

В марте 1955 года из-под его пера выходит директива № 126. В ней излагается план «Деко II».

Цель операции "Деко II" — «освобождение советской зоны оккупации и воссоединение Германии путем военного присоединения среднегерманских районов до линии Одер — Нейсе».

Ратуя за увеличение западногерманской армии и оснащение ее новейшим оружием, Хойзингер мечтает о «современной» войне с применением атомных и водородных бомб.

Хойзингер разглагольствует на пресс-конференциях, пишет статьи, ораторствует на сборищах недобитых фашистов.

Это ему, Хойзингеру, принадлежат слова, ставшие знаменем милитаристского отребья:

12.00 Uhr Frühstück mit:
SS-Obersturmbannführer T i e f e n b a

14.00 Uhr Mittagessen mit:
SS-Obergruppenführer P h l e p s
Professor W i m m e r
Oberregierungsrat Dr. K o r h e r r
SS-Sturmbannführer V o l l m e r
SS-Untersturmführer L i e b h a r d t

20.00 Uhr Essen mit:
SS-Obergruppenführer P h l e p s
SS-Gruppenführer K a p p l e r
SS-Brigadeführer P r i e ß
Generalleutnant H e u s i n g e r
Oberstleutnant von B e l o w
Oberstleutnant S t r o w e
SS-Sturmbannführer P e i p e r
SS-Sturmbannführer S t a d l b a u e r
Oberstleutnant H e i n z i u s
Oberregierungsrat Dr. K o r h e r r

«Общий враг свободного мира — коммунизм, который никогда нельзя исправить, а можно только уничтожить».

Призывы к уничтожению коммунизма и планирование всемирного кровопролития всегда высоко оплачивались на западном политическом рынке.

Хойзингер назначается генеральным инспектором западногерманского бундесвера, а экс-президент Соединенных Штатов Америки Эйзенхауэр награждает его высшим военным орденом.

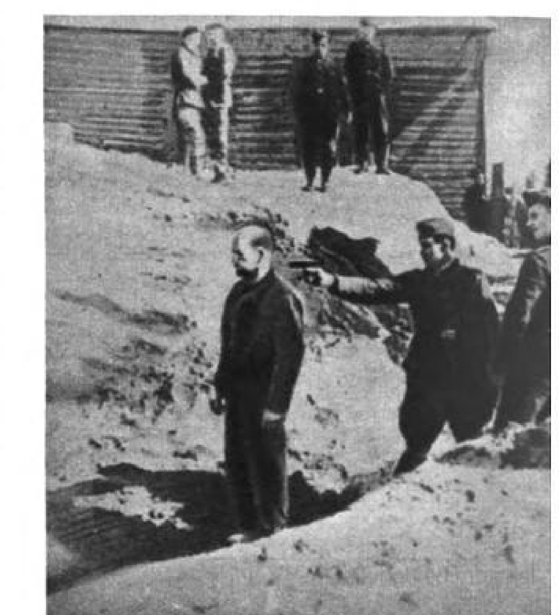
И, наконец, Адольф Хойзингер, место которому на скамье подсудимых, садится в кресло председателя военного комитета НАТО.

Военный преступник снова готовит войну! Этому не бывать! — заявляют народы. Мировая общественность требует предания суду кровавого палача Адольфа Хойзингера.

М. ДУДАРЕНКО,
Т. СТЕПАНЧУК



«Расстреливать или лучше вешать», — требовал Хойзингер от командиров частей. И эти приказы выполнялись...





Куба. На память снялись с Фиделем Кастро.

ЗАВЕТНЫЕ

И. ВЕРШИНИНА

НА КОРАБЛЕ ДРУЖБЫ

«Плывите на корабле Дружбы! Высаживайтесь на острове Мира!.. Атмосфера дружелюбия, которую Вы создаете, поможет делу мира во всем мире!»

«Дорогой Хрущев! Мы любим Ваш народ. Благослови, боже, вас всех!»

«Народ, который так поет, не может хотеть войны. Это наш брат!»

«Не улетайте на Луну, Вы нам нравитесь!»

Все это записи из одной толстой книги. Собственно, это перевод, сами записи сделаны на многих, многих языках. И автографов этих не счесть. Их сделали в 17 странах те, кто побывал на концертах Краснознаменного имени А. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии.

Артисты в солдатских мундирах всюду покоряли зрителей своим искусством, и всюду их концерты несли мысли о мире, о дружбе между народами...

В Центральном Доме Советской Армии мы беседуем с художественным руководителем Ансамбля Борисом Александровичем Александровым. Разговор идет о зарубежных гастролях коллектива. Он показывает мне на большие стеклянные шкафы. Чего там только нет! Куклы в национальных одеждах, деревянные игрушки, статуэтки, вазы, миниатюрная шахта, вырубленная в угле, красавец фрегат с поднятыми парусами, народная одежда — все это сувениры, подарки зрителей, полученные Ансамблем во время его многочисленных поездок.

— А вот эти будут нам всегда напоминать о последней поездке — Канада, Мексика, Куба.— Борис Александрович показывает открытку. На ней изображены вехи истории Советского государства. В центре — рабочий; руки его сжимают штурвал. Это репродукция огромной фрески, находящейся в Мексике. Ее создал художник Диего Ривера.

— Нам подарили ее сейчас в Мексике. А вот этот сувенир из Канады. После одного концерта, в котором наш солист Борис Феоктистов исполнял на балалайке русские и украинские народные песни, к нему подошел полуслепой старик и дрожащими руками передал балалайку.

«Сам сделал, возьми», — волнуясь, сказал он, смахнул слезу и исчез раньше, чем Феоктистов успел опомниться.

Два месяца продолжались гастроли. Когда мы приехали домой, нас расспрашивали не о бое быков в Мексике, а о том, «как Куба». И мы рассказывали о концертах, на которые приходили отряды солдат, матросов, бойцы народной милиции подчас прямо с оружием, девушки в беретах, с револьвером за поясом. На одном концерте целый отряд солдат вышел строем на сцену, и каждому из нас вручили по значку: на одной стороне — профиль Фиделя Кастро, на другой — цифра «26». В память о 26 июля 1953 года, когда в стране началось революционное движение. У нас в репертуаре есть как раз «Гимн 26 июля» — он посвящен этой дате. Мы пели его на испанском языке, и зал стоя аплодировал и пел вместе с нами. Был на наших концертах и Фидель Кастро; он заходил за кулисы, снимался с нами. Мы даже обменялись с ним головными уборами — на память. Заходили за кулисы и многие бойцы, музыканты, корреспонденты. Они расспрашивали нас о том, как работал Ансамбль во время войны, какую роль в это время в нашей стране играло искусство, как оно помогало в борьбе.

Люди строят новую жизнь, им нужны хорошие примеры, и они, как и все прогрессивные люди в мире, смотрят на нашу страну.

«НИ ПУХА НИ ПЕРА»

Я помню, в театральном институте студентам актерского факультета давали такое упражнение. Педагог клал на стол спичечную коробку и предлагал студенту внимательно ее рассмотреть. Тот брал, вертел в руках и, не зная, собственно, что с ней делать дальше, клал на прежнее место.

Потом преподаватель сообщал ему, что это вовсе не коробка, а табакерка Петра Первого. И вот уже совершенно по-другому тянется к ней рука студента: бережно брал ее юноша, рассматривал, поворачивал, подносил к окну, принюхивался — фантазия актера совершила чудесное превращение спичечной коробки...

Я вспоминала об этом в то время, когда Ольга Моисеева протягивала мне... ключ. Да, обыкновенный железный ключ, который она только что бережно, словно он из хрусталя, снимала со стены.

Я взяла ключ в руки. Ключ как ключ, только большой очень. Я положительно не знала, что с ним делать.

— Это нам преподнесли в Канаде,— рассказывала мне Ольга Николаевна Моисеева, заслуженная артистка РСФСР, солистка балета Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова.

— Балету Канады исполнился двадцать один год, и меня вместе с Аскольдом Макаровым пригласили на праздник его совершеннолетия.

В день первого спектакля мы, конечно, волновались. И вдруг входит ко мне в гримерную одна артистка, смотрит на меня, улыбается, что-то говорит, а руки демонстративно сжаты в кулаки: затем другая входит с кулаками, третья... Бросив одну и ту же короткую фразу, они уходили. Я была совершенно растеряна таким приемом, пока мне не рассказали, что это они желают нам вроде «ни пуха ни пера», и кулаки держат за нас на счастье. Меня, признаться, растрогало такое участие.

А когда в ратуше очень помпезно, в присутствии мэра, праздновалось совершеннолетие балета, мы были в числе почетных гостей. Это была прелестная церемония.

Неваляшки

Фельетон

И. АБРАМСКИЙ

Рисунки В. Черникова.





Говорят, по телевизору надо показывать то, чего не увидишь ни в кино, ни в театре. В самом деле, как было бы хорошо, если бы Петр Павлович увидел хоть на экране телевизора все то, что происходит в кабинете Николая Семеновича.

Вот осторожно просовывается в дверь и семенит к столу директор н-ской торговой точки, сильно напоминающий нашкодившего кота.

— Опять попался? — строго вопрошает начальник.

— Клянусь жизнью, Николай Семенович, новенькая продавщица подвела! Побежала, негодница, в райком. Если бы не она, все было бы в ажуре.

Звонит телефон.

— Так точно, Петр Павлович! — почтительно произносит Николай Семенович.— Этот негодяй сейчас у меня. Я подписал приказ: снимаю его с работы и отдаю под суд. Будет знать, как воровать! Пришлю вам копию...

А дальше действие в кабинете Николая Семеновича разворачивается следующим образом. Суровые складки на лице начальника, подчеркивающие непреклонность его решения, начинают разглаживаться. Правой рукой он подписывает приказ о снятии хапуги с работы, а левой подает ему лестную характеристику. В ней мелькают такие эпитеты, как «опытный», «предприимчивый», «отлично знающий дело». Очевидно, по рассеянности Николай Семенович пропустил всюду одно слово: «жулик».

Может быть, какой-нибудь Петр Павлович сомневается в правдоподобности описанного? Тогда приведем факты.

Два года назад разоблачили бригадира Юрмалского райпромкомбината (Латвийская ССР) В. Г. Берзника, вместе с сообщниками расхитившего товары на два миллиона рублей (в старых деньгах). В. Берзник специализировался в райпромкомбинате на изготовлении гидротормозной жидкости. Он систематически недоливал в нее спирт, который предпочитал присваивать. Его мало волновало, что тормоза с его жидкостью ежеминутно грозили вызвать аварию. Зато он умел затормозить перед неизбежным, казалось бы, спуском на скамью подсудимых.

Как выяснилось, Берзник сродни игрушкам «Ванька-встанька», или неваляшкам. Кто-то легкомысленно отпустил палец — «Ванька-встанька» сразу выпрямился. И Берзник уже беззаботно покачивался в кресле главного инженера Рижской фабрики искусственной кожи общества «Динамо».

Как выяснилось, на фабрике искусственной кожи поощренному расхитителю не пришлось даже лезть из кожи, чтобы вместе с начальником цеха, заведующим складом и начальником ОТК Н. Обуховской похитить девятнадцать тонн спирта-ректификата. Снова государственная казна недосчиталась двух миллионов!

Делалось все по технологии, разработанной В. Берзником: на квадратный метр кожи расходовали 14 граммов спирта, а в фиктивных документах Обуховская записывала 200 граммов. После этого, как ни странно, мастерица приписок получила повышение: была назначена исполняющим обязанности главного инженера фабрики...

Еще один неваляшка обнаружен нами в городе Валмиере на заводе стекловолокна. Сюда Э. Алтманиса официально перевели из города Юрмала, где он был главным инженером цементного завода «Слока». Всю свою бурную энергию вложил он там в строительство собственной виллы. Трудился, правда, не он, а рабочие цементного завода, которых он оплачивал по заводским нарядам за государственный счет. Все доказано, стяжатель положен на обе лопатки. Шесть свидетелей единодушно подтверждают, что строили индивидуальный дом главного инженера за государственный счет. Но следователь юрмалской прокуратуры неожиданно хмурит лоб:

— Позвольте, а какого все-таки числа вы работали на даче Алтманиса? Двенадцатого или тринадцатого? И потом еще припомните: в первую смену или во вторую?..

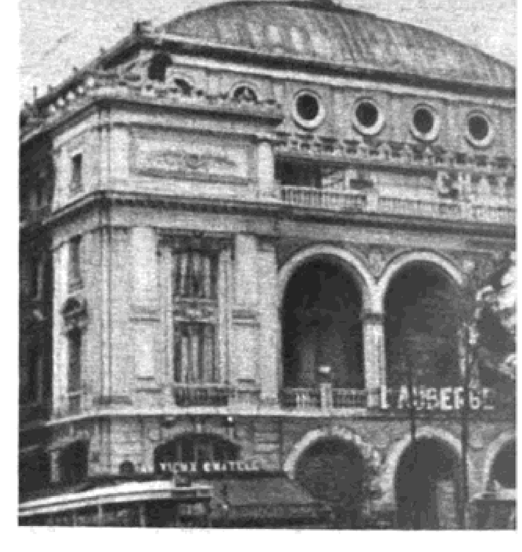
Можно подумать, что если утром, то это просто использование служебного положения, а если вечером, то расхищение. Как будто работа тринадцатого числа — это невинная шалость, а если дело происходило двенадцатого, то и под указ о хищении подвести можно... И что бы вы думали? Чертова дюжина все-таки вывезла! Уголовное дело прокуратурой города Юрмала прекращено и передано в товарищеский суд. Он объявил Алтманису общественный выговор, «учитывая его честное признание». А какое же оно честное, если Алтманис утаил от общественности, что неоднократно выписывал намного завышенную зарплату рабочему Мурансу, сдававшему ему излишки.

Итак, «Ванька-встанька» раскачивается уже в Валмиере, кланяясь до земли своим покровителям, которые пустили щуку в море. Впрочем, нас могут обвинить в искажении фактов. Давайте уточним: не в море, а в Рижский залив!

Безнаказанность рождает подражание.

Продавщица овощного магазина № 1 в городе Кулдиге Зента Краулис за два года склонила весы в свою пользу на целых сорок тысяч рублей. Народный суд справедливо присудил ее к двум годам лишения свободы. Но... сразу же нашлись заступники.

СУВЕНИРЫ



Париж. Театр Сары Бернар. Здесь гастролировал Театр Вахтангова.

Фото Б. Елина.

В центре большущего зала на столе стоял огромный торт — я такого в жизни не видела: диаметр его, наверное,— метров пять. И украшен фигурками фарфоровых балерин... В зале находилась вся труппа, прибывшая сюда прямо со спектакля в балетных костюмах, и зрители юбилейного представления. Мэр разрезал торт и угощал всех присутствующих. Нам вместе с тортом, очень вкусным,— жаль, что неудобно было спросить рецепт, — были подарены и фарфоровые балерины. А потом преподнесли нам эти ключи, ключи от города, в знак того, что здесь нас всегда ждут, всегда нам рады.

Когда мы уезжали, вся труппа поехала провожать нас на аэродром. А главный балетмейстер театра, узнав о предстоящих гастролях Ленинградского балета во Франции и Англии, собирался непременно приехать в Англию.

Разговор переходит на гастроли балетной труппы Ленинградского театра имени Кирова в Англии.

Моисеева рассказывает, что зрители за билетами на спектакли стояли в очереди по... 72 часа!

— До нас в Англии побывал Большой театр, и англичане уже имели представление о советском балете. А мы знали от наших московских коллег об английском зрителе... Надо сказать, что смешные рассказы и разные анекдоты о чопорности и сдержанности англичан никак не подтверждались на спектаклях. Когда мы уезжали, завсегдатаи галерки собрали деньги и преподнесли каждому танцору букет цветов. Даже «Таймс» писала, что такого знака признательности редко удостаиваются приезжие артисты.

А сейчас большая часть нашего балета гастролирует в США и, судя по их письмам и по прессе, тоже весьма успешно.

СОРЕВНОВАНИЕ С САМИМ СОБОЙ

После небольшого обсуждения было решено, что 3 часа дня — лучшее время для встречи. Ну, сколько может продолжаться репетиция, начавшаяся в 10 утра? Тем не менее дверь мне открыл Рубен Симонов-младший. Он очень обстоятельно объяснил, что дедушка, то есть Рубен Николаевич, равно как и папа,— это Евгений Рубенович, знаете? — задержались в театре и просили подождать.

Я вошла в кабинет. На письменном столе лежала раскрытая книга: Л. Н. Толстой, «Живой труп» — эту пьесу ставит сейчас у себя в театре Симонов. Кажется, только что выпустил он спектакль, только что сыграл новую роль, но уже все мысли отданы Толстому, его героям.

Маша... Какая она? Внутренним режиссерским зрением Симонов как бы просматривает актрис театра в этой роли... И вдруг совсем юное лицо заслоняет остальных. Черные горящие глаза — Ирина Бунина... Ну, конечно, такой должна быть Маша!.. Это будет дебют. Вновь дебют!.. Какая большая радость для руководителя театра, когда в каждом новом спектакле зрители знакомятся с новыми актерами! В ином коллективе ходить бы иному актеру еще лет десять в начинающих. А здесь прозвучит имя дебютанта, и вот уже оно встречается в афише второго, третьего спектакля... Только что дебютировала Люда Максакова, а сейчас тоже будет играть Машу.

Смена! Разве не в ней залог жизни театра, его успеха в будущем и в настоящем!

Когда весной этого года Вахтанговский театр поехал на гастроли во Францию, почти все главные роли в его спектаклях играли молодые актеры труппы, хотя в театре они именуются уже средним поколением. Им рукоплескал Париж, их имена не сходили с газет, и Рубен Симонов, как руководитель театра, был награжден Большой серебряной медалью города Парижа.

Вот она лежит на столе, большая, и на ней надпись: «Рубен Симонов. 21 апреля 1961 года. Париж»...

Это было нелегкое соревнование — соревнование с самим собой!

Во Франции знали театр Вахтангова, помнили его актеров, его спектакли, его приезд...

Лето 1928 года. Площадь перед театром Одеон, где проходили гастроли, полна народу. Впервые в Парижском Всемирном театральном фестивале участвует советский театр. Верные ученики Вахтангова привезли два спектакля, поставленные еще Евгением Багратионовичем, в том числе знаменитую «Принцессу Турандот». Они показывают в Париже и посвященную 10-летию Октябрьской революции остро современную постановку «Виринея». Парижане восторженно рукоплещут труппе...

— И вот вновь для участия в Парижском театральном фестивале приглашен наш коллектив во Францию,— рассказывает Рубен Николаевич.

Мы играли в Театре Сары Бернар.

И так же, как тогда, 30 лет назад, площадь перед зданием всегда запружена народом...

На открытии гастролей, когда шел спектакль «Иркутская история», более двадцати раз вызывали актеров. Гримерная наших актрис завалена цветами. Кругом знакомые дружеские лица! Эльза Триоле и Луи Арагон, известные советскому зрителю киноактрисы Марина Влади и Беатрис Бретти, актеры французских театров «Гранд-опера», «Комеди Франсез», «Вье Коломбье» («Старая-голубятня»), «ТНП», с которыми мы подружились еще во время их гастролей в Москве.

Рубен Николаевич продолжает рассказывать, а я вспоминаю виденную вчера в музее театра толстую пачку вырезок из французских газет — хвалебные рецензии на гастроли советского театра. Даже Жан Жак Готье — театральный критик газеты «Фигаро», задающий своими статьями тон во всех событиях искусства,— воздал должное коллективу. Не удивительно, что после этого английские, американские, швейцарские, бразильские и многие другие газеты спешили напечатать сенсацию — сообщение своих парижских корреспондентов о новом успехе советских артистов.

— А через несколько дней после начала гастролей,— продолжает Симонов,— весь коллектив был принят в муниципалитете Парижа. Здесь мэр города вручил мне вот эту Большую серебряную именную медаль, которая является наградой всему коллективу театра.

— Весы у бедняжки работали неправильно...

— Ничего подобного! — опровергают свидетели.— Весы все время проверялись инспекцией пробирного надзора.

А новая продавщица Герлина Дамкевич прямо заявляет:

— За три месяца, что я работаю, весы не шалили ни разу.

На предварительном следствии сама Краулис созналась:

— Да, я действительно брала ежедневно себе «на питание» из кассы по десять—пятнадцать рублей...

Казалось бы, все ясно. Никаких оснований пересматривать правильное решение нарсуда нет. Но уголовная коллегия Верховного суда Латвийской ССР снизила ей наказание до одного года, а сумму материальной ответственности — до пяти тысяч рублей. Зачем же качнулась стрелка весов правосудия? Чтобы обнадежить других расхитителей?

Впрочем, дело не только в либерализме судей. В управлении торговли Рижского горисполкома нередко принимают на работу уже проштрафившихся лиц. Мы познакомились с любопытной статистикой. Оказалось, что сам отдел торговли сорок пять раз нарушил правило. поддержал недобросовестных работников! Сорок пять неунывающих неваляшек! Засыпавшись в одной торговой точке, они некоторое время отлеживались. Но у каждого из них находится свой покровитель. И Ванька снова оказывался Встанькой. Он тут же выпрыгивал уже в другой точке, а набедокурив и там, пережидал и выпрямлялся уже в третьей точке. Получается целое многоточие. И какое многозначительное!



Не успели бывшего заместителя директора приморского ресторана «Корсо» Сосина снять с работы за попустительство в расхищении продуктов, как его назначили директором мебельного магазина. Потом Сосин получил новое повышение и был назначен директором ресторана при доме отдыха «Интурист» в Булдури.

Инвентаризацию склада и документальную ревизию ресторана «Корсо» проводила старший ревизор управления торговли тов. Нижник. Никаких недостач она не обнаружила. Ей показали на складе штабеля ящиков с водкой. Для вящей убедительности услужливо сняли несколько ящиков и продемонстрировали запечатанные бутылки. Ревизорша растаяла и решила, что все ящики одинаково заполнены веселящей жидкостью. А как выяснилось при повторной инвентаризации, проведенной ОБХСС, ниже стояли ящики с пустыми бутылками... И после этого Нижник продолжала работать старшим ревизором.

В обычной игрушке запаян кусочек металла. Он и тянет ее неудержимо вверх, как только палец отпущен. А что же вытягивает из беды современных «Ванек-встанек»?

— У нас,— ответили работники прокуратуры, — приняты очень справедливые законы, охраняющие людей от всякой тени произвола. Но... эти законы часто хороши лишь для честных людей. А циничный ворюга, отлично зная законы, разыгрывает из себя этакого простачка, который понятия не имеет, куда делись бывшие у него под отчетом материальные ценности. «Ай-яй-яй! — сокрушенно лепечет он.— Только вчера еще все было на месте, а сегодня вдруг пропало...» Учет у него нарочно запутан так, что сам черт ногу сломит. И следователь при всем старании не может точно установить объем хищения и предъявляет обвинение в том, что удалось подтвердить бесспорными документами. И вот явный уголовник, который должен отвечать по Указу о расхищении государственной собственности, выглядит этаким шалуном и отделывается легким испугом: его обвиняют только в халатности или злоупотреблении служебным положением. А он только об этом и мечтал!..

Но оттого, что вор не пойман с поличным, он не становится честным человеком в глазах советских людей. И они справедливо требуют, чтобы инженер Алтманис доказал, на какие средства он построил дорогой особняк. Пусть и алхимик Берзник объяснит народу, куда он с сообщниками разбазарил девятнадцать тонн ректификата.

Тогда очередной пройдоха сто раз подумает, прежде чем решиться залезть в государственный карман.



Почему мы так говорим

Линия

Много значений у слова «линия». Словарь современного русского литературного языка Академии наук приводит их двенадцать: ломаная линия, линия поведения. А производные от «линии»? Линовать, линкор, линотип, линейка (тоже несколько значений — логарифмическая линейка, род старинного экипажа, линейка в пионерском лагере). Это у нас. А ведь «линия» существует в очень многих языках — немецком, английском и других, и всюду от нее образовывались новые слова с самым различным смыслом. И все они восходят к латинскому «линеа» — линия.

Ну, а «линеа»? В основе ее лежит название очень конкретной вещи — растения: по-латыни «линум» — лен. Это «линум» звучит в названии льна во многих языках.

«Линеа» первоначально — «льняная нить». Натянутая нить, «линия», стала образом, лежащим в основании различных значений слова «линия» и его потомков в десятках языках.

И. Уразов



Знаменитый американский график Томас Наст известен своими атаками на нью-йоркского дельца и афериста Твида. Этот делец повелевал выборными урнами и правительственным аппаратом штата. В 1871 году в журнале «Харперс уикли» Наст изобразил римский цирк, в котором тигр Америкус пожирает республику и свободу. В ложе возвышается Твид в позе римского императора. Даже те ньюйорцы, которые не умели читать, узнавали его.

Времена и люди

Из семейного альбома капитализма

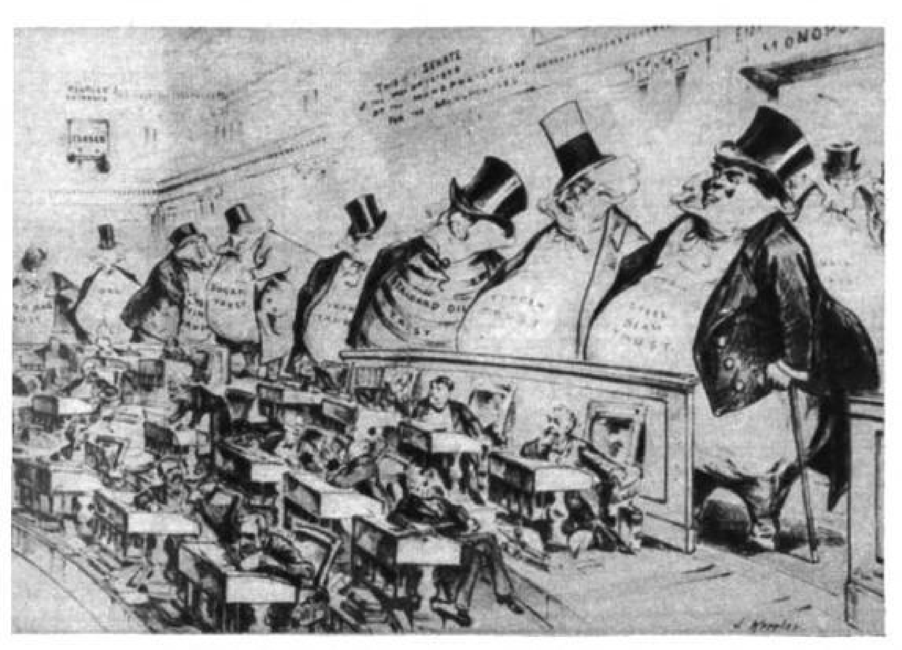
В. ВЛАДИМИРОВ

В гостиных американских бизнесменов любят показывать старинные альбомы в плюшевых переплетах с большими золотыми застежками. С пожелтевших снимков смотрят величественные джентльмены, которые «сделали деньги за одну ночь». Это «почтенные» предки нынешних заправил Америки. На фотографиях они выглядят благоприлично. Но история сохранила для нас старые карикатуры, где эти же господа изображены в подлинном виде.



Вот уже полтора века по страницам юмористических журналов разгуливает «дядя Сэм», верзила с козлиной бородкой. Прозвище «дядя Сэм» (Uncle Sam) происходит от инициалов U. S., обозначающих также «Соединенные Штаты» (United States).

На карикатуре «дядя Сэм» в роли школьника. После захвата Кубы (1898 год) «дядя Сэм» стал «хорошим учеником». Он каллиграфически пишет на доске: «В мирное время готовься к войне». Эту фразу он затвердил так хорошо, что дурацкий колпак, который когда-то надевали на головы плохих школьников, брошен на пол. Автор карикатуры 1900 года Грант Гамильтон оказался пророком: «дядя Сэм» до сих пор твердит свою фразу. Кстати, обратите внимание на заплату на левом колене: это флаг Кубы...



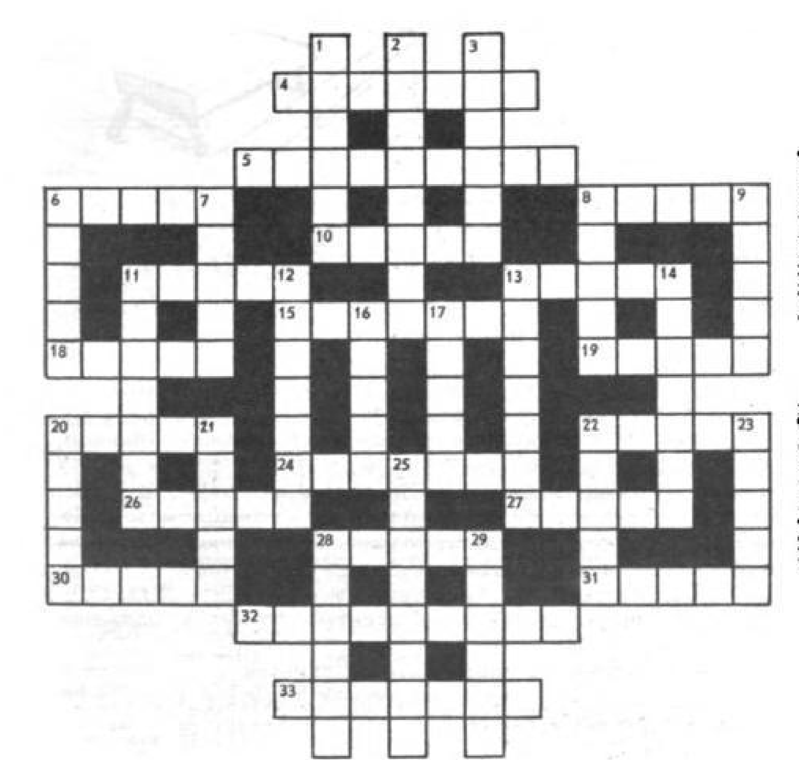
В те времена любили аллегорические карикатуры. В 1898 году художник Кепплер в журнале «Пак» развернул перед читателями целую панораму сената США, который в народе называли «Клубом миллионеров». На местах для публики возвышаются «животы трестов». Вход для монополий широко открыт. Вход для народа (слева) заперт. На стене надпись: «Сенат монополистов, из монополистов и для монополистов». Это пародия на знаменитую фразу Авраама Линкольна: «Правительство народа, из народа и для народа».



Республиканец «Тэдди» Рузвельт известен, как один из самых воинственных президентов США. В 1904 году он решил отправить американский флот в порты Доминиканской республики якобы для того, чтобы взыскать с нее долги. Художник Роген показал президента с «большой дубинкой» — символом его политики. Он тащит за собой линкоры с надписями: «сборщик налогов», «полиция», «инкассатор». Эта живописная процессия растянулась по всему Карибскому морю.

Сегодня американская печать уже не рискует публиковать подобные карикатуры.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Остров у берегов Азии. 5. Советская певица. 6. Легкая ткань. 8. Обезьяна. 10. Танец. 11. Концентрированный раствор сахара. 13. Вместилище для жидкости. 15. Полевой цветок. 18. Наездник. 19. Каменный утес. 20. Единица разности электрических потенциалов. 22. Объявление о спектакле, лекции. 24. Вид живописи. 26. Мазь для чистки обуви. 27. Денежная единица. 28. Предварительный набросок. 30. Тайфун, обрушившийся недавно на Японские острова. 31. Армянский советский писатель. 32. Выборный руководитель. 33. Русский механик-изобретатель.

По вертикали:

1. Нефтеналивное судно. 2. Рыба Ладожского озера, зобатый сиг. 3. Одна из географических координат. 6. Птица. 7. Химический элемент. 8. Созвездие южного полушария небa. 9. Приток Вятки. 11. Герой рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». 12. Естественнонаучный журнал. 13. Кипятильник. 14. Опера Жиганова. 16. Дамское пальто. 17. Машиностроительная деталь. 20. Пастбище. 21. Городской транспорт. 22. Бахчевое растение. 23. Молочный продукт. 25. Часть сценического оформления спектакля. 28. Действующий вулкан в Антарктике. 29. Одно из пяти чувств.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

4. Хлопковод. 7. Петруччи. 9. Коверкот. 11. Рокировка. 12. «Молох». 13. Фидер. 15. Самос. 18. Гусачок. 19. Кербель. 20. Маршрут. 21. Аральск. 23. Триод. 24. Шипка. 27. Волна. 28. Горностай. 29. Медяница. 30. Портьера. 31. Крапивник.

По вертикали:

1. Клычков. 2. Экспериментирование. 3. Бородка. 5. Шезлонг. 6. Корнель. 8. Реконструкция. 10. Решительность. 14. Очерк. 15. Скотт. 16. Склад. 17. Уркан. 20. Моисеев. 22. Кендырь. 25. Концерт. 26. Газолин.

На первой странице обложки: Фрезеровщица Минского автозавода Ольга Гришанович (см. в номере «Человек — человеку»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Под куполом волн.

Фото О. Жуковой.

ПОДВОДНЫЕ МАРШРУТЫ

Давно миновала пора купаний. Озера и реки покрылись льдом, а там, где еще нет ледяной корки, вода кажется неприветливой, черной.

Как и где будет зимовать рыба? Что происходит в подводном царстве под крышей льда? Летние тренировки и соревнования, в которых аквалангисты совершенствовали свое мастерство, помогут узнать это. И сейчас многие спортсмены продолжают заниматься подводным фотографированием. Накоплен уже некоторый опыт.

В низовьях Волги в ледяной воде работала группа ученых. Наблюдения за нерестом осетровых проводились на самом дне реки, где очень быстрое течение. Руководитель группы Владимир Ажажа рассказал, как, пробираясь в темноте, он не раз сталкивался с большими, сильными рыбами, которые «охраняли» икру.

К сожалению, подобные экспедиции у нас организуются еще редко. А ведь сколько полезных сведений могли бы принести со дна спортсмены-подводники!

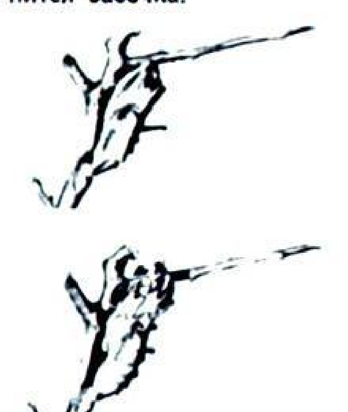
Ольга ЖУКОВА



РОЖДЕНИЕ МАХАОНА

Как-то на прогулке я заметил бабочку махаона. Это была самка, кладущая яички. Четыре штуки мне удалось собрать. Через пять дней из них вылупились гусеницы. Я их усердно кормил, и на двадцатый день они стали превращаться в куколок.

На первом снимке показана куколка, из которой через несколько минут вылупится бабочка.



И вот оболочка куколки треснула...



При взгляде на это странное бескрылое существо не всякий признает в нем бабочку.



Сморщенные, мягкие лоскутки крыльев постепенно выпрямляются, вытягиваются.
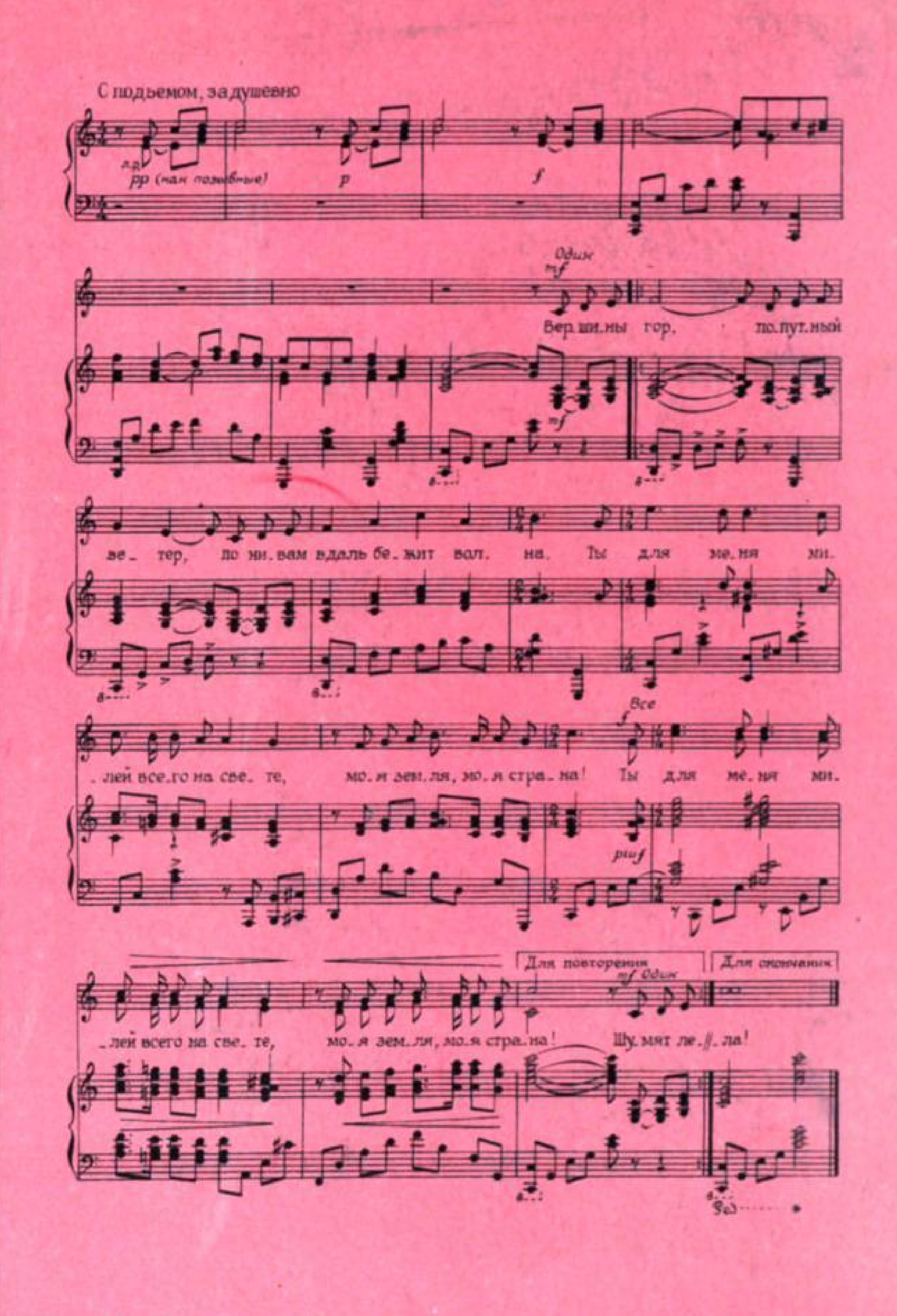


Через несколько минут они достигают необходимой величины.

Но крылья еще слишком мягки, их надо просушить.



Прошло полчаса — и махаон во всей своей красе.

А. БАЛКОВОЙ



Моя страна

Музыка А. Аверкина. Слова И. Дремова.

Вершины гор, попутный ветер,
По нивам вдаль бежит волна.
Ты для меня милей всего на свете, } 2 раза.
Моя земля, моя страна!

Шумят леса, сверкают реки,
Возводит юность города.
Моя судьба слилась с тобой навеки, } 2 раза.
Душа моя тобой горда.

Простор морей, сады Алтая,
Цветы на северном снегу —
Я всю тебя, от края и до края, } 2 раза.
В сыновнем сердце берегу.

Над Ангарой, над Енисеем
От новых строек даль светла.
Страна моя, я сил не пожалею, } 2 р...
Чтоб ты еще светлей была!

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10628 Подписано к печати 13/XII 1961 г. Формат бум. 70×108 1/8. 3,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2308. Заказ № 3115.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

